

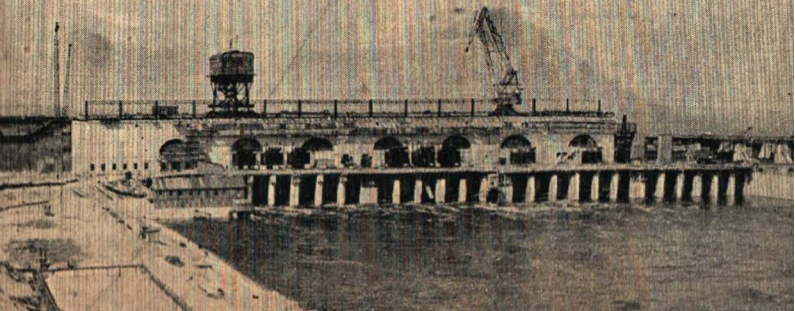
ОГНИ ЗАЖГЛИСЬ

ОГНИ

Зажигливо

ОЧЕРКИ
О
ГОРЬКОВСКОЙ ГЭС

ГОРЬКОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1957

Составитель А. И. ЕЛИСЕЕВ

Фото А. ГОРЯЧЕВА

ОГНИ ЗАЖГЛИСЬ
ОЧЕКИ О ГОРЬКОВСКОЙ ГЭС

Редактор И. В. Сидорова

Художник Н. В. Головин

Техн. редактор К. А. Захаров

Худож. редактор Л. И. Немченко

Корректор М. В. Розенталь

Изд. № 2865. Подписано к печати 5/IV 1957 г. МЦ 00069. Бумага 84×108¹/₂—11 печатных—18, условно-печатных, 18,08 уч.-изд. листов. Тираж 3000 экз. Заказ № 4611. Цена 6 р. 90 к.

Горьковское книжное издательство, г. Горький, Кремль, 2-й корпус

Горьковская областная типография, г. Горький, ул. Фигнер, 32

У ДРЕВНЕГО ГОРОДЦА

Вясные дни, когда особенно прозрачно чистое небо, с крутого горьковского Откоса — Верхне-Волжской набережной имени Жданова — видны на горизонте, в северо-западной части его, мягкие, синеющие вдали очертания Городецкой возвышенности, на которой стоит старинный город Городец — хотя он и расположен километрах в 60 от Горького.

Есть в расположении Городца одна особенность, обращающая на себя внимание каждого, кому случается проезжать по Волге мимо этого городка. Здесь берега Волги как бы поменялись своими местами: правый берег, обычно высокий, оказывается низким, равнинным, а слева — возвышается гористый кряж. На нем и расположен Городец. И когда стоишь на Городецкой круче, или, как говорят горожане, „на Краю“, трудно сразу представить себе, что находишься в левобережье Волги.

Городец, когда-то называвшийся Радилон, — одно из древних селений русских, почти ровесник Москве. В 1952 году городчане отметили 800-летие существования своего города.

Окранний город древней Руси Городец (Гадилон) возник на левом берегу Волги как крепость — для обороны русской земли от врагов: камских болгар и татаро-монгольских орд, не раз ходивших походами на Русь.

В этом городе в 1263 году скончался заболевший в дороге, при возвращении из ханской ставки, великий и грозный русский полководец — князь Александр Ярославич Невский.

О древности города говорит многое. До наших дней сохранились остатки сторожевого земляного вала XII века, окружавшего тогда город. На крутых зеленых склонах его растут могучие красноствольные сосны, раскидистые старые вязы; мощные узловатые плети их корней переплелись между собой, надежно защищая от разрушений вал, созданный столетия назад руками первых русских строителей Городца.

А на одной из городецких улиц в 1954 году при проведении археологических раскопок были обнаружены древнерусские захоронения и многочисленные предметы материальной культуры: гончарные изделия, ножи, оружие, узорные застёжки от одежды и другие вещи, относящиеся к XI—XII векам.

Когда вы будете проходить по улицам этого городка, внимание ваше привлекут сохранившиеся старинные каменные постройки, приземистые, с толстыми стенами, с небольшими окнами, украшенные фигурной кирпичной кладкой; заметите вы и великолепные образцы затейливого орнамента — „узорочья“ — старинной „долбленой“ деревянной резьбы, украшающей и сейчас воротные столбы, подзоры многих домов, наличники окон, светлиц. Диковинные цветы и птицы, львы и „фараонки“ (изображение сказочного существа — речного божества с головой и торсом женщины и рыбьим чешуйчатым хвостом) — излюбленные мотивы старых мастеров резьбы по дереву.

В Городце и округе его, издавна связанных с Волгой, славились мастера плотничьего дела, строители барж, расшив и других деревянных судов, боты на выдумки умельцы резьбы по дереву, мастера яркой, цветистой городецкой росписи. Славились здесь и искусницы тонкой городецкой вышивки и, наконец, пряничники, выпекавшие особый сорт пряников, так и называвшихся „городецкими“.

Но, пожалуй, только по вышивкам да пряникам многие и знали раньше о существовании Городца. Столетия проходили, возвышались другие города, росли другие экономические центры, а в небольшом древнем городке на Волге шла тихая, дремотная жизнь.

Великая Октябрьская социалистическая революция разбудила город, вдохнула в него новые силы. Резко изменился весь ритм его жизни.

За годы советской власти маленький затон, существовавший здесь, превратился в крупную судостроительную верфь, которая в настоящее время заново реконструирована, значительно расширена.

На Волге, Волго-Донском канале имени Ленина, на Каме можно видеть сейчас новые большие железобетонные пассажирские дебар-

Городецкий вал.

Старинный дом, украшенный городецкой резьбой.

кадеры с легкой деревянной колоннадой вдоль верхней палубы. Их строили на Городецкой судовой верфи.

В городе работают большой механический завод, деревообделочная фабрика, промкомбинат и много других предприятий — артелей, мастерских местной промышленности; созданы учреждения культуры — кинотеатр, клубы, библиотеки, краеведческий музей.

Кипучей полнокровной жизнью зажил теперь Городец — центр большого сельскохозяйственного района, насчитывающего десятки крупных колхозов, среди которых всеобщую известность получил колхоз имени Тимирязева, возглавляемый депутатом Верховного Совета СССР, Героем Социалистического Труда И. А. Емельяновым.

Но особенно широкую известность Городец приобрел за последние годы. Название этого древнего городка сейчас знакомо каждому советскому человеку. И это не случайно. Вблизи от Городца, по решению советского правительства, несколько лет тому назад началось строительство теперь

Горьковское море.

уже действующего крупного гидрэнергетического узла — Горьковской ГЭС — четвертой ступени каскада волжских гидроэлектростанций по плану Большой Волги...

Машина проезжает по длинной и неровной городицкой улице, протянувшейся под Пановыми горами, вдоль реки. Вот миновали последние маленькие уютные домики в три окна с неизменными геранями и бальзаминами; машина, свернув вправо, тяжело урча, взбирается по широкому, недавно проложенному съезду на вершину горы.

Ровными порядками, образуя прямые улицы, выстроились по нагорью белые двухэтажные дома левобережного поселка № 4 строителей ГЭС. В поселке выстроены магазины, столовые, две школы, здание нового клуба.

Какие просторы открываются с вершины горы!

Уходя вдаль, туда, где Чкаловск, широко раскинулось созданное строителями водохранилище — Горьковское море. Гуляют по нему высокие волны, бьются о берег, рассыпаясь мириадами сверкающих брызг. От коренного левого берега по пойме протянулась высокая, одетая в бетон, земляная плотина. Она идет через Волгу, тянется на много километров вдоль правого берега. Там, за плотиной, синют зубчатые

гряды лесов, расстилаются колхозные поля. В железобетонных камерах двух огромных шлюзов видны волжские суда.

Панорама большого гидроузла отлично просматривается с площадки, где мы стоим. И то, что видим вокруг, — это все приметы нового, внесенного в старый волжский пейзаж трудом строителей.

Мы осматриваем с вершины горы панораму и вспоминаем совсем недавнее прошлое...

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ТОМУ НАЗАД...

Это началось несколько лет тому назад. Сотни и тысячи людей стали тогда прибывать на оба берега реки у Городца пароходами и поездами. Ехали в одиночку и семьями, оседали на жительство в Городце, в деревнях правобережной стороны — Пестове, Салагузове, Бебрюхове, а многие размещались в больших палатках, раскинутых на лесных вырубках и полянах.

Люди ехали сюда, чтобы принять участие в строительстве Горьковской ГЭС, начатом здесь вскоре после победоносного завершения войны с фашистской Германией. Сооружение Горьковской ГЭС входило в намеченный партией и правительством план реконструкции волжской магистрали, создания на всем ее протяжении нескольких мощных гидрэнергетических сооружений.

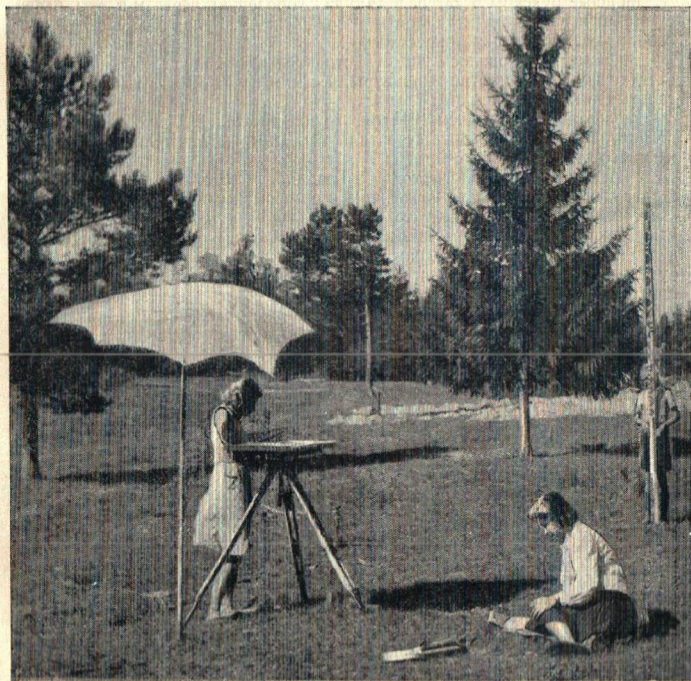
Еще в довоенные и военные годы (1937—1941) на Волге были построены первые три ступени каскада гидроузлов Большой Волги — Ивановская ГЭС

канала Москва — Волга, Угличская и Щербаковская. На карте страны появились тогда новые моря и среди них — крупнейший в мире искусственный водоем — Рыбинское море.

Одновременно велись работы больших изыскательских партий геологов, гидрологов, выбиравших на берегах Волги места наиболее подходящие, удобные для строительства новых станций, в том числе и Горьковской ГЭС — четвертой ступени волжского каскада.

Изучались геологическое строение берегов и дна реки, характер грунтов, профиль реки, скорости течения воды, зоны затопления берегов в районе будущих новых морей и многие другие научные и хозяйственные проблемы.

И когда, наконец, после многолетних исследований место для Горьковского гидроузла, или, как говорят, „створа“, было выбрано у Городца, правительство приняло решение о сооружении здесь новой плотины и станции.

Геодезисты на территории будущей стройплощадки.

Одними из первых на приволжских местах около Салагузова, Палкина и других деревень, на болотах и лесах появились работники „службы точности“ — геодезисты. С оптическими приборами, рейками они исследовали территорию строительной площадки, определяли, где должны пройти осушительные каналы, коллекторы, подъездные пути и другие объекты будущего строительства. Результаты изучения, исследования, наметки расположения строительных объектов наносились тщательно на так называемый исполнительный генеральный план — основу всех дальнейших работ и новых проектов: на нем нанесено все, что должно быть в природе на земле и под землей, на воде и под водой.

На место строительства стали прибывать отовсюду рабочие, инженеры, техники. Среди них было немало и прославленных строителей Днепрогэса, Свирской и других крупных электростанций. Искусные плотники, каменщики, штукатуры, рабочие многих других строительных профессий пришли на стройку из Горького и из районов области.

Мощные буксиры и катера потянули к городецким берегам плоты, баржи с камнем и цементом, металлом и оборудованием. Гулом большой стройки наполнились городецкие окрестности...

Впервые нам довелось увидеть строительную „площадку“ новой ГЭС, растянувшуюся на многие километры, в самом начале развертывания строительных работ...

Июльским жарким днем 1948 года группа писателей-горьковчан приехала по приглашению начальника строительства Дмитрия Михайловича Юринова на место стройки.

Управление помещалось тогда в Городце, в небольшом сером домике, и здесь, в тесной комнате начальника, с развешанными на стенах большими схемами и чертежами, с селекторным аппаратом около письменного стола, мы услышали первый рассказ Дмитрия Михайловича о стройке. Спокойный, несколько медлительный в движениях, он показывал на схемах и чертежах будущие объекты строительства, легко оперировал многозначными цифрами предстоящих земляных и бетонных работ — все это выражалось в сотнях тысяч и миллионах тонн кубометров — и, словно увлекаясь ими, ярко и образно раскрывал перед нами перспективную картину нового гидроузла на Волге.

А затем катер перевез нас на правый берег к автобазе строительства. Мы разместились в кузовах двух грузовиков, и машины, поднимая за собою крутые завитки рыжей пыли, покатали по площадке строительства. И всюду, где бы мы ни проезжали — мимо ли зеленых полей, или по лесной дороге, двигались ли в сторону Чкаловска, или по направлению к Правдинску, — мы замечали возникновение нового, признаки развертывающихся работ по всему огромному фронту стройплощадки.

Дорожные машины — скреперы, бульдозеры, тяжелые катки — уже срезали, разравнивали, насыпали, утрамбовывали землю на участках будущего шоссе, а несколько в стороне от него путейцы прокладывали трассу новой железнодорожной ветки на Правдинск, и желтеющая насыпь то показывалась на равнине, то скрывалась в лесу.

Между стройплощадкой и Балахной сотни людей рыли ямы, готовили фундаменты для установок металлических опор высоковольтной линии. По ее проводам с Балахнинской ГОГРЭС должен был в ближайшие же недели прийти ток к моторам экскаваторов, земснарядов, подъемных кранов, к станкам подсобных предприятий, что будут обслуживать строительство. А за насыпью железной дороги стучали топоры, звенели пилы, — там рубили лес, расчищали место для строительства поселков.

Мы объезжали площадку, и инженер, сопровождавший нас, лаконично сообщал: здесь будет депо, здесь механический завод; вот — место, где пройдет створ будущей плотины; здесь встанет станция, а сейчас мы едем по дну будущего моря.

Мы знали, что так скоро и будет, но пока перед нами мелькали „на дне моря“ леса и перелески, расстилаясь в легком изгибе широкий плес Волги, длинный узкий остров Череповец, заросший тальником, вытянулся посередине реки, а там, где по проекту предстояло воздвигнуть здание станции, в спокойной воде воложки барахтались загорелые ребяташки из ближних деревень.

Мы проезжали „по дну моря“ через деревни, лежащие на нашем пути. Скоро эти селения должны будут перебраться на новые места, — ведь здесь раскинется Горьковское море, заплещут на просторе его могучие волны. А пока нас встречали заросшие мелкой кудрявой травой и пахучей ромаш-

Место створа Горьковской ГЭС в 1948 году.

Территория центрального поселка в 1948 году.

кой деревенские улицы, старинные, потемневшие от времени дома с крутыми кровлями и высоко поднятыми (от весенних половодий) окнами. На некоторых избах в резной орнамент наличников, подзоров „вплетены“ вырезанные из дерева цифры — даты постройки изб, говорящие о столетней их давности.

Покружив немало по деревенским и лесным дорогам, мы отправились в обратный путь, к месту переправы.

Около деревни Пестово перед нами открылась панорама строящегося здесь первого, по времени возведения, поселка строителей ГЭС (их должно быть несколько).

Всюду на темном фоне окружающего леса белели штабели теса, пахнущего смолой, щитки сборных, так называемых „финских“, домиков. Воздух был наполнен бойким визгом пил, шарканьем рубанков, стуком молотков. Бригады землекопов, плотников, каменщиков, маляров торопились использовать летнее время, чтобы подготовить к зиме жилые помещения для тысяч людей, разместившихся пока в палатках и временных бараках. Работа шла споро. Бригады как бы подгоняли одна другую.

Еще плотники вставляли в оконные проемы рамы, навешивали двери, а в помещении вместе с ними уже работали штукатуры, вели кладку печей печники, а в отделанных комнатах бойкие девушки-монтеры тянули электропроводку.

И среди веселой зелени леса то там, то тут уже виднелись дома. Одни из них были почти готовы, возведены под крышу, другие еще только обозначены каменной кладкой фундамента, но их порядок уже намечал прямые линии будущих улиц поселка.

Десятки километров объездили мы тогда по территории строительства, получив возможность наглядно представить себе масштабы его. И тонкие линии тех схем и чертежей, что мы видели в кабинете начальника строительства, обретали в воображении конкретные формы монументальных сооружений, созданных разумом и трудом строителей,— плотин, станции, шлюзов.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ СТРОИТЬ ГЭС...

После первой поездки в 1948 году нам в последующие годы много раз доводилось бывать на строительстве, подолгу жить здесь, и в каждый приезд в знакомой, казалось бы, обстановке мы замечали все новые и новые детали, внесенные в картину строительства трудом многотысячного коллектива строителей. Вот почему испытываешь понятное затруднение в отборе материала, когда собираешься рассказывать о том, как постепенно росла стройка, какие изменения происходили за прошедшие годы здесь на берегах Волги.

Ведь и то, что было, и то, что есть,— составляет историю одного строительства, историю труда одного многотысячного коллектива, направленного к достижению одной цели. Нам и хотелось бы в нашем очерке раскрыть некоторые страницы истории этой стройки...

Лето 1953 года. Поезд из Горького доставляет нас в Балахну и отсюда, по новому стальному пути, теперь связывающему стройку с областным центром, везет нас дальше, к Заволжью. Неторопливо тянет паровоз зеленые вагончики.

Миновали Правдинск — город бумажников, за ним одна за другой возникают на нашем пути новые станции, расположенные около селений Вонята, Липовки, Шелухово и других. На каждой станции поезд забирает десятки людей — строителей ГЭС, живущих здесь. Из окна вагона видно пролегающее недалеко новое шоссе, ведущее на строительство. Через поля и леса шагают увешанные гирляндами изоляторов четырехлапые металлические мачты — опоры высоковольтной линии — со сверкающими на солнце нитями проводов.

Поезд минует еще одну станцию. До станции „Заволжье“ остаются последние километры дороги, и признаки большой стройки встречаются на пути все чаще и чаще.

По обе стороны железнодорожного полотна тянутся корпуса жилых домов, мастерских, пакгаузов, огромные склады строительных материалов, оборудования, длинные составы платформ, цистерн, товарных вагонов. Вот справа возникает светлое массивное здание понижающей электростанции. На площадке перед ней десятки сложных приборов, сплетенных причудливой сетью проводов, контактов, и, как штыки, над ними вонзаются в небо острия молниеотводов.

Поселок Заволжье.
Памятник В. И. Ленину.

Короткий свисток. Поезд замедляет ход и останавливается у маленького сборного домика — станции. Мы в Заволжье.

Советские люди давно привыкли к огромным размахам и высоким темпам строительства, и все же нельзя было не поразиться развернувшейся перед нами картиной. Как часто приходится слышать в наши дни слова „неузнаваемо изменилось“, и вот смысл этих слов мы особенно ясно ощутили, когда, сойдя с поезда, осмотрелись вокруг.

Мы как бы потеряли ориентировку на местности и, как ни пытались, не могли хотя бы приблизительно вспомнить, как это, конечно, знакомое нам, место выглядело раньше. Не отсюда ли мы любовались видом Волги, спокойно и величественно несущей свои воды в зелени берегов? Но теперь реки мы не видим. Перед нами, закрывая горизонт, встает могучий вал земляной плотины, уходящей и теряющейся где-то вдаль. Не здесь ли ребятишки купались в воложке? А сейчас здесь две широкие земляные перемычки от берега до острова Череповец пересекли русло воложки и между ними раскинулась огромная чаша котлована, опустившегося ниже уровня дна Волги. И там, где слышался когда-то лишь плеск речных волн, теперь раздаются гудки машин, свистки маленького паровозика, треск сварочных аппаратов, лязг железа, характерный грохот выпускаемого из бадей бетона.

Вот здесь, около появившегося помещения станции Заволжье, еще так недавно шумел лес, — теперь он далеко отступил перед улицами того самого поселка, начало строительства которого мы видели летом 1948 года. И лишь возвышающиеся кое-где среди зданий поселка, на улицах, у рынка то старые сосны, то группы кудрявых, веселых березок напоминают о том, что здесь был лес. И как-то необычно видеть эти зеленоющие островки на фоне городского пейзажа, необычно потому, что в этом размещении зеленых городских „насаждений“ нет того строгого порядка, который легко позволяет отличить искусственное насаждение от природного. И странное, особое чувство охватывает вас, когда вы видите на пыльной городской улице старую, замшелую сосну с поднятыми вверх пушистыми и клейкими зелено-желтыми свечами, а под ней в траве нежные голубовато-лиловые цветы лесной фиалки.

Мы приехали в разгар рабочего дня, и в Управлении, отделе которого расположились в двух больших двухэтажных домах с широкими окнами, мы не застали ни Д. М. Юринова, ни его заместителей — все были где-то на строительных объектах. В Плёс, на карьер, где добывается камень-галька для производства бетона, уехал и парторг ЦК КПСС на строительстве А. Н. Калянов.

Ну что же, разговоры можно отложить на другое время — мы приехали не на один день, а сейчас познакомимся с Заволжьем — новым населенным пунктом, возникшим на правом берегу Волги напротив Городца и объединяющим под общим названием „поселок Заволжье“ несколько поселков (Центральный, Железнодорожный и др.).

Он молод, как молоды десятки таких же новых городов и поселков, появившихся только за послевоенные годы на карте СССР.

Заволжью немного лет, но его рост так стремителен, что оно давно уже обогнало по количеству населения многие районные города области, в том числе и Городец.

Когда-то вдохновенный певец труда, великий писатель А. М. Горький писал в „Моих университетах“, что трудовая энергия рабочих людей „способна сделать чудеса на земле, может покрыть всю землю в одну ночь прекрасными дворцами, садами, как об этом говорят вещие сказки“.

И разве не чудесно реальное проявление этой энергии миллионов трудовых людей нашей страны в рождении новых городов, возникающих всюду на необъятных просторах Родины, если и не в одну ночь, как в вещих сказках, то все же в сроки, способные поражать воображение?! То, что встало перед нашими взорами там, где недавно шумел лес и расстились поля, было создано только за короткие пять лет.

Вот первый по времени строительства поселок № 2 с его кварталами то больших двухэтажных деревянных домов, то уютных с застекленными верандами двухквартирных сборных домиков, окруженных палисадниками и огородами. В поселке—большой клуб, кинотеатр, магазины, белые здания школ.

А недалеко от этого, можно сказать уже старого поселка, раскинулся Центральный поселок. Впрочем, поселком его называют скорее по привычке. Весь облик этого района Заволжья говорит о городском типе его строительства.

Поселок Заволжье. Проспект Сталина. 1966 год.

На месте бывших пустырей за Пестовом появились десятки широких улиц и проспектов с сотнями возведенных на них многоквартирных каменных домов.

В просторных двух-трехкомнатных квартирах с центральным отоплением, водопроводом, ваннами живут строители — инженеры, рабочие, техники, служащие управлений. На окнах, на балконах домов — цветущие и декоративные растения. Здесь любят украшать жилища цветами.

На главной улице — широком проспекте Сталина, среди других выделяется здание Гидроэнергостроительного техникума, с высокими колоннами у входа, с широкими боковыми крыльями, увенчанными круглыми башнями.

В нем уже учатся сотни студентов — будущих энергетиков, строителей гидросооружений.

Напротив техникума — хорошо оборудованная гостиница с десятками просторных светлых номеров. Приветливо встречает здесь приезжих наша старая знакомая — бессменный директор „гостиничного треста“ на стройке Зоя Михайловна. Рядом с гостиницей на проспекте Ленина отличное по внутренней отделке уютное здание кинотеатра и концертного зала. Такой кинотеатр — к лицу любому областному центру.

В конце проспекта Сталина фасадом к нему, как бы завершая архитектурный ансамбль улицы, встало монументальное здание Дома культуры. В день 37-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции впервые открылись его массивные двери, вспыхнули электросвечи люстр, отразившись тысячами огоньков в их хрустальных подвесках. Помещение Дома культуры богато отделано. В нем двухсветный зрительный зал на пятьсот мест, просторное фойе, читальный зал, зал для танцев. Тонкая, со вкусом выполненная художественная лепка потолков и стен, сверкающая позолота, шелк и бархат оконных гардин, цветы и картины — все это вызывает восхищение великолепием убранства нового очага культуры, в котором тысячи строителей Горьковской ГЭС находят для себя все необходимое и для отдыха, и для творческой работы в различных кружках самодеятельности, получившей на строительстве широкое развитие.

За главным проспектом тихая, вся в зелени садики вокруг небольших домов, типа коттеджей, улица Кирова. На ней расположен больничный городок, представляющий собой единый архитектурный ансамбль со зданием поликлиники в центре. В помещениях много света, воздуха. Во дворе разбиты цветники и газоны.

Улица Кирова ведет нас к стадиону. Эффектно выглядит на фоне зеленого спортивного поля и ближнего леса белоснежная колоннада портала, ведущего к трибунам на 4000 мест. Рядом со стадионом — тенистый густой

Поселок Заволжье. Дом культуры.

парк — огороженный забором благоустроенный участок леса. Своеобразно красив этот лесопарк в своей первобытности — с могучими деревьями, следами старых лесных дорожек и тропок, с зарослями кустарников, с лесными цветами.

Долго мы еще ходили по улицам и площадям Заволжья — молодого городка строителей и энергетиков.

Многие здания были еще в строительных лесах. Мы подошли к одному из строящихся новых домов. Вот движется на роликах проложенная с улицы на второй этаж здания узкая серая транспортерная лента. Девушка в синем комбинезоне, забрызганном пятнами раствора, кладет на ленту штуку за

Поселок Заволжье. Больничный городок.

штукой белые кирпичи, и непрерывным потоком кирпич быстро доставляется на верхнюю кромку здания.

Другая девушка включает рубильник, установленный на столбе с проводами, и тяжелая бадя с известковым раствором, стоящая на площадке подъемного лифта, поднимается на второй этаж, где завершается кладка стен.

На строительстве этого здания работает комплексная молодежно-комсомольская бригада прославленного на стройке бригадира-каменщика Геннадия Чугунова.

Мы познакомились с ним, Бригадирю около тридцати лет, но опытный мастер-строитель, создатель поточно-кольцевого метода каменной кладки, метода, признанного специалистами как важное техническое усовершенствование трудоемкого процесса кладки, позволяющее достигать высокой производительности труда при значительно уменьшенном количестве в бригаде квалифицированной рабочей силы.

Тщательная подготовка рабочего места, материалов, четкая организация труда каменщиков и подсобных рабочих лежат в основе предложенного Чугуновым способа кладки. Каменщики в бригаде заняты только одним — укладкой кирпичей, они ни на минуту не отвлекаются, чтобы подготовить место, материал, — все это делается другими членами бригады. Быстро и ловко Чугунов и его товарищи — Геннадий Бабанов, Владимир Гурьев и другие, двигаясь один за другим по площадке вдоль стен здания, „по кольцу“, укладывают ряд за рядом белый кирпич, наращивая в день стены восемнадцатиквартирного дома на метр.

Молодой мастер с юношеским, обветренным лицом, с голубыми глазами, влюбленный в свою великолепную профессию, с воодушевлением рассказывает об успехах бригады, о дружном коллективе молодежи, построившем в поселке четыре восемнадцатиквартирных и два двенадцатиквартирных дома, здание поликлиники, школу-десятилетку и много других зданий.

Поселок Заволжье. Стадион „Энергия“.

Поселок Заволжье. Вид с воздуха.

«Как я попал на стройку?—повторяет он заданный нами вопрос.—А вот как: работал я в Сормове на строительстве. В 1949 году мне предложили поехать сюда печником, здесь уже мой отец работал железнодорожным мастером. А зимой дело было. Думаю, холодно глину-то месить на морозе, да и незнаком с работой-то. Но все-таки поехал. Ведь интересно на большом, новом строительстве поработать. Я не сознавался, конечно, что не знаю печного дела, но быстро освоил его, присматривался к работе старых опытных мастеров и научился сам класть печи. Ну, а потом перешел каменщиком работать, окончил вечерние курсы мастеров-строителей, получил квалификацию и сам стал бригадиром. Тридцать человек у нас в бригаде. Дружный народ, с ними хорошо работать. Бригада наша комплексная. Что это значит? А то, что у нас в бригаде многие овладели смежными профессиями строителей: они и каменщики, и бетонщики, и отделочники (кроме штукатурных работ), и плотники, так что бригада наша выполняет на постройке зданий различные работы. Конечно, учимся—без этого нельзя. Хочется работать лучше, идти вперед. Мы строим поселок, и его надо строить быстро, прочно и красиво, на долгие годы, чтобы людям и жилось здесь хорошо и удобно, чтобы дети учились в отличных школах. Вот, знаете, когда я прохожу по улицам, смотрю на то, что сделано в городке за каких-нибудь четыре года,—душа радуется: знаю и вижу, что мой труд и труд моих товарищей вложен в строительство нашего городка».

Как это замечательно, когда можешь сказать: «это строили мы!»

В этот же день мы познакомились и с другим знатным строителем Заволжья—бригадиром, мастером-штукатуром А. Н. Москвичевым. Ими

его не сходило с Доски почета с той поры, как было положено начало строительству.

Скромный, несколько застенчивый в разговоре человек, он весь как-то загорался, когда мы заводили речь не об его личных успехах в труде, а просили показать работу руководимой им бригады.

А. Н. Москвичев водил нас по многочисленным комнатам большого дома, где работали члены его бригады, показывал, как добротню всюду отделаны стены, потолки, называл фамилии работающих товарищей, и все по его характеристике были самыми лучшими.

Что же, это понятно: хорошая работа всегда радует мастера.

Коллектив и социалистический труд воспитывают, растят здесь на всех участках строительства замечательных мастеров-новаторов. Их тысячи, и каждый из них стремится быть лучшим.

В 1948 году поступила разнорабочей на строительство Вера Ирхина, приехавшая на волжские берега из Пильненского района, Горьковской области. Прошло всего три года, и живая, энергичная, трудолюбивая девушка-комсомолка в двадцать два года стала мастером по гражданскому строительству на ГЭС, членом комитета ВЛКСМ.

Бывшие воспитанницы ремесленного училища в Новашине Шура Смирнова и Лариса Арнатская приехали на стройку в 1949 году. Первое время сильно скучали по дому семнадцатилетние девушки, не раз собирались уехать обратно, но товарищи, комсомольская организация помогли им войти в коллектив, полюбить профессию электросварщиц, и скоро они стали примером в труде для многих.

Работая на ремонтно-механическом заводе, они выполняли здесь самые ответственные работы на сварке бункеров на строительстве причальной линии порта ГЭС. Не раз награждались девушки почетными грамотами, денежными премиями. Лариса Арнатская не только отличная производственница, — она завоевала большой авторитет среди молодежи и как активный комсомольский работник.

А сколько молодых специалистов-руководителей воспитано здесь!

Многие из них приехали на ГЭС прямо с институтских скамей и скоро проявили в работе лучшие качества советских специалистов — творческую мысль и организаторские способности.

Но вернемся к тому рассказу о виденном нами в одном из наших приездов в Заволжье, которым мы начали эту главу.

Широким проспектом имени Ленина выходим из Центрального поселка к шоссе и направляемся к Волге. По дороге попадаем на тенистую деревенскую улицу с плетнями и огородами позади изб. И хотя мы знаем, что перед нами деревня Пестово, та самая, близ которой началось строительство, что теперь это просто улица Рылеева поселка Заволжья и что нет ничего необычного в том, что старая

Лариса Арнатская.

Причальная стенка порта.

деревушка в один порядок домов стоит там, где она стояла многие годы, кажется, что не эта деревня, а новый поселок-город стоит здесь давным-давно, а деревушка, как бы придя из прошлого, случайно притулилась здесь.

За Пестовом сразу начинается территория строительства основных сооружений правого берега* и всего того большого, сложного хозяйства, включающего заводы, мастерские, лаборатории, компрессорные станции, транспортные средства, которые обслуживают строительство ГЭС.

На сотни метров вдоль берега Волги протянулся порт. У причальной линии стоят десятки барж, груженных различными строительными материалами: железом, песком, гравием и т. п.

* Основными сооружениями правого берега строители ГЭС называют сооружения водосливной плотины и станции, а на левом берегу—шлюзов.

Куда же деваются эти тысячи тонн материалов, что заполняют трюмы барж? Кто разгружает их?—В порту мало людей, мы не видим грузчиков. Неудивительно,—все работы в порту механизированы. И два-три человека производят ту работу, на выполнение которой ранее потребовались бы десятки и сотни людей. Над трюмами барж с песком и гравием, стоящих у длинной причальной стенки, простерлись, как длинные руки, стальные стрелы подъемных кранов. Вот опускается со стрелы в трюм на тросах ковш. Сидящий в кабине крана машинист двинул ручку на пульте управления: заработали механизмы, управляющие тросами ковша, и ковш как бы распался на две половинки, с зубцами по краям, и опустился на гравий, лежащий в трюме, а другие тросы потянули половинки ковша навстречу друг другу, они сомкнулись, захватили в стальную чашу тяжелый груз. Поворот рычага—ковш поднимается из трюма. Поворачивается стрела крана—груз плывет по воздуху. Снова движение руки машиниста, ковш раскрывается—и сотни килограммов гравия с грохотом высыпаются на стоящую здесь железнодорожную платформу или в кузов грузовика. Секундами измеряется время операции выгрузки и погрузки, производимой одним человеком с помощью машины.

Другая машина выгружает песок и гравий из барж прямо на конвейер. Бегут проложенные на мостиках-эстакадах транспортные ленты и несут груз на площадку бетонного завода, в одну сторону сыпая песок, в другую—камень.

Для производства бетона необходима галька определенных размеров, поэтому камень, который добывается на Плещском карьере и по воде доставляется на стройку, дробится в камнедробильных машинах, просеивается через специальные решета (грохоты), сортирующие камень по величине.

На территории складского хозяйства бетонного завода установлены высокие металлические столбы нескольких линий эстакады. Ленты конвейера движутся по эстакадам, и вниз на землю с одним непрерывно сыпается в одном месте песок, с других—мелкий камень, образуя под эстакадой высокие конусообразные горы. Это—запасы так называемых инертных материалов.

А под землей проложены галереи. Мы входим в одну из них. В галереях также тянутся ленты транспортеров в деревянных желобах, над ними с потолка нависают деревянные раструбы воронкообразных „течек“, закрытых заслоном. Верхнее отверстие такой „течки“ выведено на поверхность земли в том месте, где сосредоточиваются запасы инертных материалов, что мы видели наверху. Рабочий открывает заслон, прикрывающий отверстие воронки, и песок или гравий засыпается на движущиеся ленты транспортеров, по которым и уносится куда-то.

Куда?

Проидемя вдоль галереи по пути движения ленты. Вот лента в желобах, чтобы не сыпался груз, движется вперед, сбрасывает груз на другую ленту. Та бежит дальше, делает небольшой подъем по галерее транспортера, установленной уже над землей, и так, проходя по нескольким ступенчато расположенным одна над другой галереям, ленты транспортера доставляют песок и гравий уже в здание бетонного завода, в расположенные на третьем этаже его так называемые расходные бункеры или, проще сказать, особые металлические ящики большого объема. Так по конвейеру, тянущемуся на сотни метров от порта до завода, совершают свой путь камень и песок, прибывшие в порт из дальних мест, чтобы войти в состав бетонной массы.

Но для изготовления бетона необходим еще главный связывающий материал—цемент. Тысячами тонн его везут в плотных бумажных мешках

из Вольска и других городов, где работают цементные заводы, и загружают им огромные металлические круглые башни, высотой с многоэтажный дом, стоящие рядом с бетонным заводом. Цемент очень чувствителен к влаге и может преждевременно обратиться в камень, поэтому его нельзя хранить на воздухе. А кроме того, цемент обладает огромной летучестью, и самое легкое дуновение ветра может развеять открытые запасы цемента облаками тончайшей пыли; он способен проникать в самые микроскопические отверстия, даже невидимые глазом. Вот почему приходится строить закрытые металлические башни. И все же нам рассказывали, что цементная пыль способна проникать на волю даже в местах соединения (свинчивания) труб, по которым подается цемент со склада. Из подземной галереи, проложенной под башнями-хранилищами цемента, наверх, в расходный бункер завода, цемент подается винтообразными транспортерами-шнеками*, скрытыми в металлических кожухах или по трубам под давлением воздуха.

Почти у самого края волжского берега над котлованом высится серый корпус бетонного завода—как бы три, поставленные одна на другую, гигантские деревянные коробки, водруженные на массивные железобетонные столбы-колонны.

По узенькой лестнице поднимаемся в помещение завода. Тончайшим бархатистым слоем серовато-зеленой цементной пудры покрыты здесь и стены, и пол, и приборы. Пыль на одежде, на лицах работающих. На верхнем, третьем, этаже и находятся расходные бункеры песка, щебня и цемента. Выпускные отверстия бункеров—“течки” выходят к дозирочным аппаратам на втором этаже. Весь процесс приготовления автоматизирован, и люди, работающие здесь, только управляют механизмами, нажимая кнопки или рычаги на пультах управления. Девушка в комбинезоне, в косынке, прикрывающей волосы от цементной пыли, нажимает кнопку на пульте. На щитке пульта за стеклом с надписью “Цемент” вспыхнула лампочка—это сигнал о том, что цемент в строго определенном количестве из дозировки загружен в бетономешалку. Что происходит? В дозировку—особый металлический бачок—поступил из бункера цемент. На циферблате, связанном с дозировкой, качнулся стрелка: она указала, сколько загружено материала; одновременно в действие включаются механизмы точного веса: они, воздействуя на заслонки дозировки, прикрывают их, чтобы добавить в бачок еще немного цемента (если вес мал), или наоборот, открывают, чтобы выпустить весовой излишек цемента из бачка. Порция цемента, идущего на один замес бетона, должна быть точной по весу.

Так же тщательно отмериваются и взвешиваются в других дозирочных аппаратах порции песка, гравия; особые аппараты отмеривают количество воды, потребной на производство определенного количества бетонной массы.

Нажаты другие кнопки, осветились на пульте указатели: “Песок”, “Гравий”, “Вода”. Секунды—и одна из установленных на первом этаже бетономешалок автоматически загружена. Еще одной кнопки коснулась рука девушки, и с металлическим лязгом завертелась на горизонтальной оси стальная яйцеобразная бетономешалка, а внутри ее задвигались стальные лопасти, которые, как лопаты, тщательно перемешивают сотни килограммов песка, щебня, цемента и воды в массу нового вещества—бетона. Двойным вращением: горизонтальным—барабана и вертикальным—лопастей, достигается тщательный замес. Несколько минут длится процесс пригото-

* Шнек—конвейер особого устройства, рабочим органом которого является вал с непрерывной винтовой лопастью.

Бетонный завод правого берега.

ления бетона, и как только истекает точно отмеренное время, автоматически отключаются механизмы, вращающие барабан, открывается заслон в горловине бетономешалки—и готовая масса бетона низвергается через один из люков в полу первого этажа. А на дворе под люками уже стоят в очереди грузовые машины или железнодорожные платформы с бадьями для бетона, чтобы тут же отвезти его в котлован, туда, где воздвигается плотина. В строгом ритме работает завод: загружается одна бетономешалка, в другой идет процесс замеса, из третьей выпускают уже готовую массу, чтобы через несколько минут вновь загрузить ее новыми порциями материалов, и так непрерывно день и ночь. На стройке можно услышать в разговорах строителей образное сравнение бетона с кровью, питающей живой организм, и есть основание, позволяющее делать такое сравнение. Как кровь, толкаемая сердцем, непрерывно, ритмично разносится по сосудам, чтобы питать клетки живого тела, так и бетонный завод, работающий в четком ритме, непрерывно порцию за порцией выдает теплую бетонную массу, тут же направляемую для укладки в тело плотины и корпуса станции, растущих с каждым днем.

И уж если речь зашла у нас о таком важном участке строительства, как производство бетона, мы не можем не упомянуть об одной замечательной идее, родившейся и осуществленной здесь, на строительстве ГЭС. Советским людям свойственны поиски нового в труде, стремление усовершенствовать производственные процессы. И вот инженер В. В. Горохов, начальник одного из отделов Центральной исследовательской лаборатории строительства, задумался над возможностями совершенствования процесса изготовления бетона. Его исходная мысль, послужившая толчком к поискам нового, была очень простой.

В. В. Горохов подумал: „На автозаводах из тысяч деталей собираются на конвейере готовые машины. В состав бетона входят всего четыре главные составные части. Нельзя ли и производство бетона полностью перенести на конвейер, вплоть до подачи массы к месту укладки его?“

Группа инженеров-технологов лаборатории, возглавленная В. В. Гороховым, с энтузиазмом взялась за изучение вопроса. Сначала разработали проект, затем создали небольшую опытную установку во дворе лаборатории, а когда ее работа подтвердила и правильность расчетов, и эффективность нового способа изготовления бетона, приступили к строительству и освоению экспериментального автоматического бетонного завода нового типа. При строительстве его отпала необходимость в возведении таких громадных трехэтажных корпусов, в которых размещены старые бетонные заводы, нет в нем тех многих громоздких аппаратов, что установлены на старых заводах, нет здесь и многотонных стальных барабанов-бетономешалок. Становятся излишними и машины для перевозки бадей с бетоном от завода до места укладки, и краны, выгружающие бадьи с бетоном с автомашин и подающие их к блокам. В новом заводе установлено несколько линий конвейера, на пути которых стоят небольшие дозирочные аппараты—весы, контрольные приборы, соединенные с реле-аппаратами на пульте управления. По одной ленте идет песок, по другой—гравий, поступающие в точно отмеренных, взвешенных дозах. Вот они в определенном месте сбросили свой груз на другую ленту, которая бежит все дальше и дальше. В каком-то месте лента проходит мимо аппарата, выпускающего порцию цемента. Контакт: сработали реле, автоматически сработали механизмы—цемент поступил из дозировки на ленту, смешался с песком и гравием. Контакт: замыкается электрическая цепь, ток идет к механизмам другого аппарата, стоящего на пути ленты, заставляет их сработать, и серая сухая масса песка, гравия, цемента смачивается водой, и вот уже чуть вибрирующая лента конвейера несет на себе готовый бетон на распределительное устройство—эстакаду,двигающуюся по рельсовым путям, а с нее бетон непрерывным потоком поступает непосредственно в бетонлируемые блоки (участки). Закончено бетонирование одного участка—по рельсам распределительная установка передвигается на другой участок.

Новый завод может выпускать бетона в несколько раз больше, чем работающие здесь заводы старого типа. Автоматизация всего процесса изготовления бетона в десятки раз сокращает потребность в рабочей силе. Там,—говорит нам В. В. Горохов,—где раньше было занято 200 человек, теперь ту же работу смогут осуществить 3 человека. В сорок раз сокращается и количество потребляемой новым заводом электроэнергии“.

Рассказ наш, мы знаем, схематичен и упрощен в описаниях. Легко сказать: зародилась идея, разработали проект, построили по нему завод, а ведь за этим скрываются многие, многие месяцы большого труда десятков людей и бессонные ночи творческих исканий лучших решений задачи, и горечь сомнений, разочарований, когда что-либо не ладилось, не получа-

лось в работе. Все это было в жизни коллектива создателей нового, технически совершенного предприятия, прежде чем их мысль, труд воплотились в практическую, послушную их воле, безупречно согласованную работу десятков точных механизмов.

Творчество в труде свойственно и тысячам других строителей Горьковской ГЭС. Оно проявляется и в работе рядового строителя, и специалиста инженера, техника. Партийная, комсомольская и профсоюзная организации строительства постоянно уделяют внимание развитию в коллективе строителей творческой рационализаторской мысли. Тысячи ценных усовершенствований, новаторских предложений внедрены за эти годы в различные технологические процессы на всех участках стройки. Бригадир плотников А. Нестеров, работая на опалубке блоков плотины и здания станции, предложил метод опалубки готовыми щитами, и это позволило повысить темпы работы. Старший машинист экскаватора В. Коннов со своим экипажем в три человека (вместо пяти) добился выработки 8000 кубометров грунта в сутки при плане в 3600.

Используя его опыт, старший машинист экскаватора № 51 А. Шербаков, машинист-комсомолец А. Шигарев на экскаваторе № 49 довели цикличность экскавации (время, затрачиваемое на одну операцию выемки грунта и погрузку его в машину) с 40 секунд до 15 секунд, а это означает, что управляемые ими машины за минуту стали вынимать грунта в два с половиной раза больше, чем раньше.

Заместитель начальника отдела главного геолога Т. С. Даниленко разработал в 1953 году метод бокового нивелирования, сыгравший значительную роль при сооружении бетонной водосливной плотины и здания ГЭС.

Выверка вертикального положения конструкций ранее производилась с помощью тяжелых отвесов, применение которых требовало больших дополнительных работ по подготовке свободного пространства вдоль конструкций, устройств для перемещения техперсонала и рабочих. Метод нивелирования, предложенный Даниленко, прост и надежен и позволяет обходиться без тяжелых отвесов и дополнительных работ. Он позволил увеличить скорость производства нивелировки в 3—4 раза при точности измерений в 1—2 мм.

И где бы мы ни были на стройке—на правом или на левом берегу, среди ли строителей поселков или среди строителей основных сооружений—арматурщиков, бетонщиков, электросварщиков, на ремонтном заводе или в бухгалтерии (да, да—и в бухгалтерии, в учетном деле есть советскому человеку где приложить ум и сноровку!),—всюду мы встречали таких людей, которые любят свое дело, мыслят по-хозяйски, вносят в него свою творческую инициативу, опыт, смекалку. Вот, например, экономист бухгалтерии Управления левого берега Н. Ф. Копейка, изучая хозяйственную деятельность Управления, пришел к выводу о необходимости новых форм учета работы, учета, приближенного к производству, воспитывающего у рабочих чувство бережливости к строительным материалам.

Вечером, когда мы вернулись в городок, из парка доносились звуки музыки. На площадке танцевало несколько пар юношей и девушек. На открытой эстраде готовились начать концерт художественной самодеятельности, а в ожидании его в группе собравшейся на концерт молодежи кто-то запел песню гидростроителей, написанную местным поэтом:

Так давайте споем о друзьях по ГЭССтрою,
О друзьях по труду, о друзьях по кино,
Над великою русской, над Волгой рекою
Пусть с гудками звучит эта песнь заодно.

И песню поддержали молодые, звонкие голоса:

Пусть летит по волнам до Каспийского моря,
Пусть услышит ее молодежь в Жигулях,
Где сияют такие же светлые зори,
И такие ж горячие люди в делах.

Здесь в парке перед началом концерта мы и встретились с Д. М. Юриновым и партгоргом А. Н. Каляновым. Мы рассказали, где побывали, что видели в этот, один из многих наших приездов на стройку, и нам запомнились слова, сказанные тогда Дмитрием Михайловичем:

— Все, что вы видели сегодня: и поселки, выросшие здесь на месте лесов, и наши заводы, и порт, и все огромное хозяйство наше—все это необходимо было построить прежде, чем начать осуществление главной нашей цели—построить ГЭС, то есть возвести основные сооружения новой стройки на Волге.

БЕТОН ПОШЕЛ В КОТЛОВАН

Да, не в первый год, приехав на берега Волги у Городца, строители новой ГЭС приступили к возведению плотины, станции и шлюзов. Необходимо было подготовить благоустроенные жилища для строителей и их семейств (ведь им предстояло жить здесь годы), нужно было проложить десятки километров удобных подъездных путей для транспортировки грузов, идущих со всех концов страны (более пятисот предприятий страны поставляли на стройку материалы и оборудование), построить свои бетонные, арматурные, шлакоблочные, лесопильные заводы, создать сложное энергетическое хозяйство, и все это прежде, чем первый кубометр бетона ляжет в первый блок тела будущей плотины.

Зеленый, поросший травой и тальником, длинный остров Череповец разделяет Волгу. За ним—коренное русло реки, здесь между островом и правым берегом широкая протока—воложка, перехваченная земляными перемычками, отделяющими котлован от Волги.

Минова постовую будку (стоящую около деревянной арки, с трепещущими на верху ее флажками), выходим на широкую дорогу, проложенную по верху мощного земляного вала-перемычки. Он перекинулся через русло воложки от обрывистого невысокого правого берега на остров Череповец.

Непрерывно взад и вперед по дороге катятся тяжело груженные машины с камнем, лесом, землей. Они то мчатся вдаль по дороге туда, где синее лента Волги, то спускаются по откосу котлована вниз, то выбираются по склону его со дна.

С вершины вала хорошо видна вся территория площадки котлована, в котором и развернулось строительство основных сооружений правого берега—водосливной плотины и здания станции. Площадь гигантской ямы, уходящей ниже уровня реки метров на 10, огромна, она занимает свыше 300 тысяч квадратных метров, и в ней свободно могли бы разместиться несколько городских кварталов многоэтажных домов.

Первый взгляд на все, что делается в котловане, не воссоздает представления о каком-то едином, четко слаженном процессе труда,—слишком широк и разнообразен здесь фронт работ. Да даже и присматриваясь к какому-либо отдельному участку работы, не уловишь сразу прочных связей этой работы с работой на других, соседних участках, и кажется, что

отдельные группы строителей делают нечетко, не имеющее отношения к работе других. И только вот спустя годы, когда в котловане видишь зримо поднявшийся могучий барьер плотины, монолит станционного здания, понимаешь слитность трудовой устремленности людей и математическую сочетаемость их работы на различных участках.

Инженер Н. Г. Киселев, знакомящий нас со стройкой, помогает нам осмыслить всю обстановку на строительной площадке и ставит все на свои места: и труд людей, работающих в котловане, и весь ход работ на определенных участках, и каждый отдельный процесс.

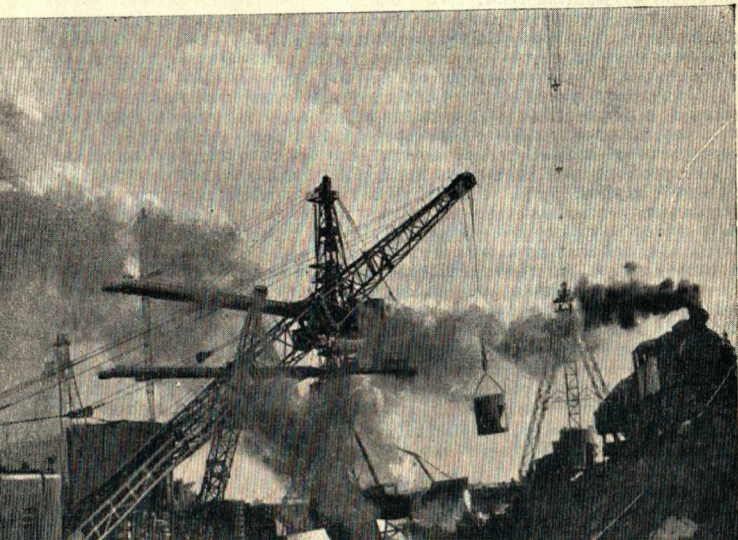
Все работы в котловане подчинены одной задаче—возведению плотины и станции—главнейших сооружений любого гидроэнергетического узла.

— Собственно, строительство гидростанции,—говорит наш спутник,—начинается лишь тогда, когда первый кубометр бетона закладывается в основание будущей плотины. Все, что нами делалось до 22 апреля 1951 года, все это было лишь подготовкой к тому дню, когда бетон пошел в котлован.

Прежде чем начать укладку бетона, необходимо было подготовить место для него, вырыть котлованы для плотины и станции. Но для этого надо обнажить дно реки.

Мощные землесосные снаряды, поставленные в русло воложки, стали намывать земляные насыпи—перемычки, чтобы ими преградить доступ воды из Волги в русло воложки. Сотни тысяч кубометров песку пришлось насыпать в верхнюю перемычку, на которой мы стоим. Вторая нижняя перемычка перекрыла русло воложки метров на 400 ниже по ее течению, и таким образом образовался закрытый водоем, огражденный коренным берегом воложки, двумя поперечными земляными насыпями и продольной, идущей параллельно берегу, перемычкой на острове. Чтобы волжские воды в поло-

В котловане строящейся ГЭС.

воде, когда их напор особенно силен, не прорвали земляной насыпи на острове, там поставили двойной стальной забор, сделанный из особых металлических полос—шпунтин, особым образом сцепленных друг с другом. Эта перемычка так и называется шпунтовой.

Загонка шпунтин в землю на глубину в 8—9 метров пневматическими молотами—очень трудоемкий процесс. На помощь строителям пришли советские ученые. Профессор, лауреат Сталинской премии Д. Д. Баркан предложил новый способ забивки шпунтин при строительстве перемычки.

На верхнюю грань длинной и узкой (25—30 сантиметров) металлической пластины (шпунтины) весом в 700—800 килограммов прикрепляется специальный небольшой мотор с так называемым вибратором; он дает до 2300 колебаний в минуту. При помощи крана шпунтина поднимается с земли, устанавливается вертикально и опускается нижним концом на грунт там, где она должна стоять. Запускается мотор. Колебания, возбуждаемые вибратором, передаются на пластину; она, упрощенно говоря, начинает дрожать частой, очень частой, мелкой дрожью. Нижний конец шпунтины колебательными движениями как бы раздвигает частицы грунта, и металлическая пластина весом своей тяжести, кажется, без всякого сопротивления, как нож в масло, входит в плотный грунт,—требуется всего несколько минут, чтобы она погрузилась на глубину в восемь-девять метров. Шпунтина забита. Рядом ставится в имеющийся на шпунтине паз другая шпунтина и таким же способом вгоняется в землю. И так одна за другой около пяти тысяч шпунтин были погружены способом вибрации в грунт, чтобы создать на северной стороне котлована стальную стену перемычки.

Когда перемычки были сделаны, мощные насосы стали откачивать воду из котлована, чтобы обнажить дно, а затем землеройные машины начали выкапывать грунт, углублять дно до тех прочных, основных пород, на которых можно было закладывать фундамент—основание плотины и здания станции.

Можно было, но...

Вот что рассказывал нам в беседе при одной из встреч парторг ЦК КПСС А. Н. Калянов о трудностях, которые пришлось преодолеть строителям в процессе стройки.

— Вот вы говорите: сроки, проект. Все это так, но одно дело строить, например, заводской корпус или дом на земле, да и там иногда встречаются неожиданные, непредвиденные проектами препятствия, другое—возводить гигантскую плотину на дне реки. О, это гораздо сложнее! Я тоже вначале, когда пришел сюда на стройку, думал: вырою котлован, подготовим место для закладки бетона на стройку, и, ну, давай, клади бетон бадью за бадьей. А на практике оказалось, что и сроки приходилось отодвигать (и на длительное время) и в проект вносить весьма существенные изменения.

Сооружаем земляные плотины. Проекты предусматривали и протяженность их, и количество грунта, что надо было намывать в плотины. А на практике? На практике—неучтенные многие тысячи кубометров земли. Или вот строим плотину, и вдруг оказывается: что-то геологи, изучавшие характер донных грунтов на месте плотины, недоучли, и оказалось, что возможно просачивание под плотину так называемых фильтрационных вод, а это страшнейшая опасность для плотин. Незаметно, струйка за струйкой, где-то под плотиной будет просачиваться вода, вымывать частицы грунта—и катастрофа неизбежна.

История строительства гидросооружений, например в США, знает немало подобных катастроф.

В 1928 году рухнули два крыла бетонной плотины Сент Френсис

в Калифорнии, в 1953 году обвалом горы, грунт которой оказался помытым просочившейся в напорных тоннелях водой, была засыпана гидростанция Уотсон у озера Эрроу. Сотни подобных и более мелких катастроф, унесших немало человеческих жертв, произошли лишь в одной Америке за последнее столетие.

Капиталистический дух наживы, когда целью строительства является выгода, „бизнес“, приводил к страшным катастрофам, возникавшим на гидростроениях на Западе.

Читал я как-то в журнале одну статью „Покорение великих рек“. Так вот в статье говорится о причине гибели станции Уотшен:

„Стремясь всячески сэкономить на строительстве, дельцы отказались от тщательной облицовки тоннелей, хотя это было совершенно необходимо с инженерной точки зрения. Вода проникла через стенки тоннелей в грунт, пропитала, размягчила его и вызвала оползень“.

Такое отношение к делу чуждо нам. Мы, советские люди, строим свои сооружения на века, строим добротнo, тщательно, чтобы никакие „коварные силы стихий“ не могли влиять на прочность сооружений. И когда у нас на строительстве плотины возникла опасность появления угрозы со стороны стихии воды, были приняты самые решительные меры: перед плотинoй глубоко, ниже уровня ее основания, был заложен больший, чем по проекту, железобетонный массив, объемом в сотни тысяч кубометров, так называемый противофильтрационный зуб. Теперь он надежно оградит плотину от опасности проникновения под ее основание просачивающихся вод. Конечно, такая поправка к проекту потребовала времени, но мы обеспечили прочность сооружения. Как видите, часто не все идет так гладко, как решено в проектах...

— Да вот еще вам факты. Сколько неприятностей строителям доставил, например, котлован. Поставили перемычки, откачали воду. Стали снимать землю, углубляться. Все идет хорошо. Но вот начали готовить выемку под фундамент плотины в котловане и вдруг—стоп! Здесь-то строителей и подстерегал их злейший враг—грунтовые воды. Поплыли откосы в результате выноса грунта фильтрационными водами. Это суффозией называется у гидростроителей. Чем больше роет, тем больше проникает в котлован грунтовых вод. Обычные насосы не справлялись с их откачкой. Сроки угрожающе срывались. Надо было что-то предпринять. Вызываем представителей главка. Приехали. Посмотрели.

— Вы откачивать не умеете. Откачивайте так.

— Сделали, как посоветовали,—плывут откосы.

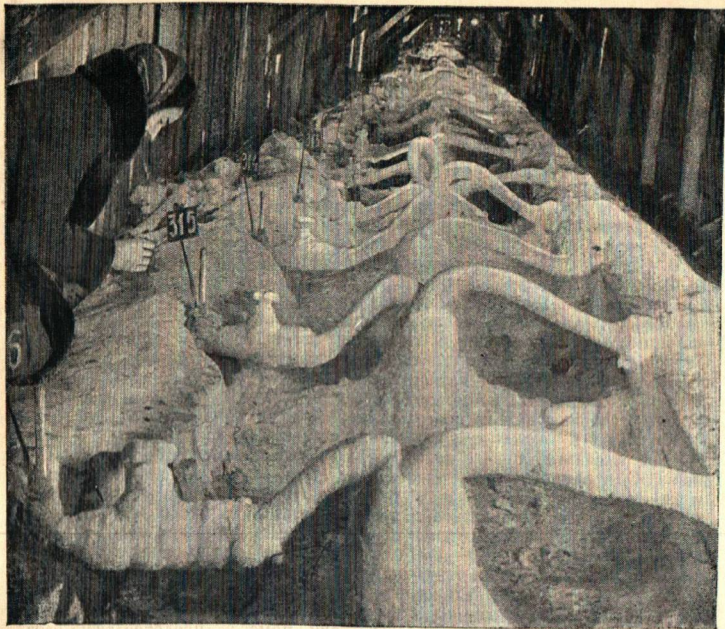
— Сделайте,—командуют,—откосы положе.

Сделали—плывут опять. Пришлось немало повоевать с проектной организацией, доказывать негодность предлагаемых проектов по осушению.

Чем кончился один из многих споров с проектировщиками из главка, нам было хорошо известно.

Руководство строительством, партийная организация, гидрологи, гидротехники включились в борьбу за осушение котлована—и сами нашли выход. Решили применить глубинное понижение уровня грунтовых вод так называемыми иглофильтрами. Способ этот на небольших участках применялся в строительной практике и ранее, но в таких масштабах, как здесь, он не применялся никогда. Надо было быстро изготовить и уложить свыше тысячи иглофильтровых труб, но это был единственный выход из создавшегося положения.

Иглофильтры были изготовлены и смонтированы в механических мастерских строительства.

В замораживающей галерее.

По периметру котлована плотины на расстоянии 1,5 метра друг от друга были погружены в землю, на глубину от 4 до 7 метров, 1337 иглофильтров, состоящих из двух, надетых одна на другую трубок диаметром 40—50 миллиметров. Наружная трубка в нижней части своей имеет фильтр—металлическую сетку и конусообразную насадку. Трубка с насадкой походит на гигантскую иглу, откуда и идет название иглофильтр.

В верхней части насадки имеется особый шаровой клапан, пропускающий воду только в одном направлении—вверх. Над клапаном расположена внутренняя трубка иглофильтра, также имеющая в нижней части своей отверстия. Концы всех иглофильтров, выходящие на поверхность земли через коленчатые трубки, присоединяются к проложенной на невысоких стойках над землей более широкой трубе водосборного коллектора, опоясывающего котлован. Трубы коллектора через П-образные отводы связаны с вакуумной установкой насосных станций (в котловане Горьковской ГЭС их было одиннадцать). Когда на насосных станциях пускаются в ход мощные электродвигатели вакуумного (разрезающего) насоса, в трубах коллектора и иглофильтров возникает вакуум, создается разница давлений, и тогда грунто-

вые воды стремительно всасываются через отверстия в насадке иглофильтров, проходят через сетчатый фильтр, через клапан и попадают во внутреннюю трубку, откуда поднимаются в коллектор и отводятся по нему далеко в сторону. Непрерывно день и ночь насосы откачивают из земли воду, обеспечивая возможность нормальной работы строителям на котловане. Так было осушено и приготовлено ложе для кладки бетона в тело плотины.

Следует рассказать и о другом эпизоде борьбы строителей, еще более интересном и значительном, с грунтовыми водами на участке котлована здания станции. Здесь воды не поддавались никакой откачке, иглофильтры оказались бессильными, огромное озеро разлилось на этом участке. Решено было применить мало испытанный еще в строительной практике способ замораживания грунта. Предложение главного инженера строительства К. В. Севенарда нашло и сторонников и противников, и немало ушло времени на доказательства правильности избранного пути, пока смелая идея не восторжествовала. Вокруг площадки котлована станции в особых галереях проложили трубы замораживающей установки, по ним нагнетался по вертикальным трубам на глубину в 14 метров охлаждающий состав. Два года бились строители с водой, прежде чем удалось победить ее. Вокруг котлована встал мощный, в 14 метров глубиной и в 1½ метра шириной барьер твердого, как камень, замороженного грунта. Тогда только можно было откачать скопившуюся на поверхности воду и приступить к выемке земли из котлована и закладывать фундамент станции.

Мы рассказали лишь о некоторых из многих примеров борьбы строителей ГЭС, вооруженных передовой технической мыслью, с возникающими в работе трудностями. И как часто преодоление этих препятствий, трудностей связывалось на практике с проявлениями подлинного мужества, находчивости! Так, однажды в мартовский день, когда в котлован хлынули грунтовые воды, грозившие свести на нет всю работу по установке системы иглофильтров, электросварщик-коммунист Виктор Забытин не покинул поста и, стоя по пояс в ледяной воде, продолжал свою работу. Его примеру тогда последовали многие из строителей. Установка иглофильтров была завершена, и пущенные в действие они помогли предотвратить катастрофу.

А ежедневная работа верхолазов, которым приходится и в летний зной, и в жгучие морозы, когда руки „привариваются“ к металлу, работать на высоте многих десятков метров, на монтаже или ремонте стелл металлических ажурных башенных кранов, держась лишь на карбине предохранительного пояса и имея под ногами не очень устойчивую точку опоры,— профессия, требующая не только опыта, мастерства, но и постоянного проявления мужества, воли!.

Наконец подготовительные работы в котловане были закончены, и настал день закладки Горьковской ГЭС, к которому так долго готовились строители. За почетное право уложить первые кубометры бетона в основные сооружения гидроэлектростанции соревновались все люди стройки. Свыше года длилось социалистическое соревнование, в котором приняли участие коллективы управлений, бригады, технические работники, служащие.

22 апреля 1951 года—в день восемьдесят первой годовщины со дня рождения творца великого плана электрификации Советской страны В. И. Ленина—бесперывным потоком направились в котлован строители. Алые знамена развевались над колоннами демонстрантов. Впереди шли те, кто трудом завоевал в соревновании почетное право уложить первые кубометры бетона на стройке—славные коллективы Управления основных со-

оружий, шлакоблочного завода, бригада штукатуров товарища Москвичева, лучшие экскаваторщики Бренцов, Шумков, бригадиры плотничных работ Хохлов и Грибов, шофер Крюля и многие, многие другие.

На торжество закладки ГЭС прибыли многочисленные гости из Горького, Городца, Правдинска, из окрестных колхозов.

Все разместились около празднично убранной трибуны, построенной в котловане. Директор бетонного завода т. Басов докладывает о том, что бетонный завод на правом берегу вступил в строй и выдал первый бетон.

Наступает самая торжественная минута. Начальник строительства Д. М. Юринов отдает приказ направить бетон в котлован.

И вот на низовой перемычке показались первые автомашины, идущие от бетонного завода, расположенного рядом с котлованом. Они спускаются в котлован на площадку.

Секретарь обкома КПСС, начальник строительства, парторг ЦК КПСС и главный инженер поднимают чугунную мемориальную доску, отлитую передовыми рабочими ремонтно-механического завода, и направляются к месту укладки бетона в первый блок плотины. На мемориальной доске текст:

1951

22 АПРЕЛЯ ЗАЛОЖЕНА
ГОРЬКОВСКАЯ ГЭС

Доска бережно кладется на дно первого блока в котловане плотины. Сигнал. Мощный подъемный кран „ПК-2“ поднимает с машины бадью с бетоном и, описав в воздухе стрелой дугу, плавно опускает бадью в блок. Начальник строительства Д. М. Юринов перерезал красную ленточку на затворе бадьи, затвор откинут, открылось на шарнирах дно бадьи, и под крики „ура!“ первый кубометр бетона опустился в блок.

Началась укладка бетона в тело будущей плотины...

Митингом закончился этот торжественный в жизни строителей апрельский день.

Строительство Горьковской ГЭС с этого момента вступило в новую фазу. Настала пора возведения основных сооружений.

От той минуты, когда первая бадья опустилась в блок, уже не прекращался поток бетона в котлован, чтобы росла трехсотметровая стена плотины, чтобы поднималось ввысь над Волгой здание станции...

Тысячи строителей—бетонщиков, арматурщиков, электросварщиков, плотников-опалубщиков, машинистов экскаваторов, подъемных башенных, порталных кранов включились теперь в напряженную работу на новых важнейших объектах стройки, чтобы их труд, сливаясь с трудом тысяч строителей, на других участках стройки, возводящих на левом берегу Волги шлюзы, прорывающих обводный канал, насыпающих земляные плотины, превратился в единый величественный комплекс сооружений нового волжского действующего гидроузла.

Мы уходили с площадки поздно вечером. Вспыхивали ярким светом сотни мощных электроламп и прожекторов над котлованом (работы здесь не прекращаются и ночью). В темноте ночи рассыпались голубоватые искры электросварки, горели, как звезды, огни на опорах и стрелах кранов, и непрерывный гул разнообразных звуков стоял над котлованом...

Сплошной вереницей шли автомашины с бадьями бетона. Вот порожняя машина встала на площадке бетонного завода под раструбом; открылся

люк, бадья наполнилась бетоном, и машина, освещая путь светом фар, спустилась в котлован. И так каждые три минуты к месту укладки, к блокам беспрерывно подходили все новые и новые бадьи с бетоном.

Бетон идет в котлован. И столько его потребуется на сооружение плотины, станции, шлюзов и другие работы, что если бы весь этот бетон уложить стеной в два метра высотой и метр шириной, такая стена протянулась бы от места стройки до Ленинграда.

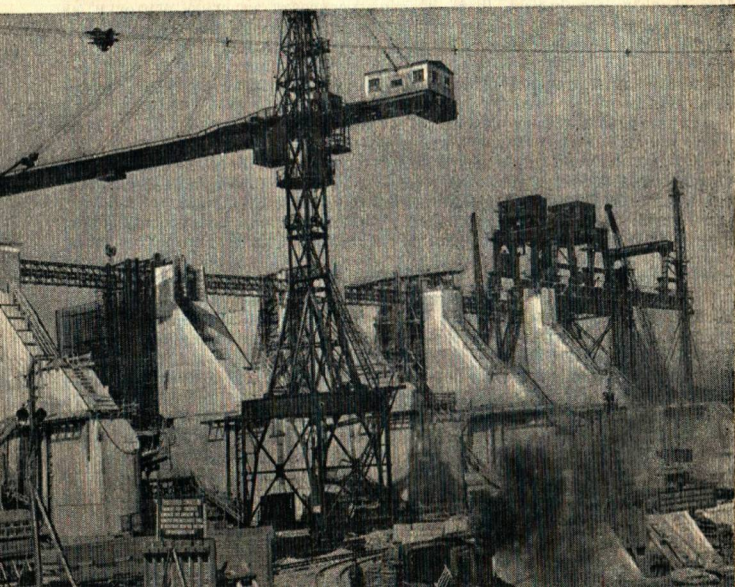
В ПРЕДУСКОВОЙ ПЕРИОД

Прошло три года с того памятного для строителей апрельского дня, когда в торжественной, праздничной обстановке состоялась закладка Горьковской ГЭС.

Настало лето 1954 года, лето, в которое строительство Горьковского гидроузла вступило в предпусковой период, когда уже на ряде объектов (намывные плотины, шлюзы, водосливная плотина) работы подходили к концу и главное внимание многотысячного коллектива строителей было сосредоточено на работах по завершению строительства здания гидростанции, отставшего по причине, о которой говорилось в предыдущей главе.

Разительно изменилась картина строительной площадки по сравнению с тем, что здесь доводилось нам видеть ранее, в прошлые годы. Разбро-

Строительство водосливной плотины. 1954 год.

санные прежде по всему огромному пространству котлована рабочие участки как бы сдвинулись, собрались в одно место, вдоль той узкой полосы, по линии которой расположились плотина и станция.

Высоко поднялся, пересекая котлован от острова к коренному правому берегу, светло-серый монолит водосливной плотины. Явственно обозначались ее пролеты между массивными быками. Наверху плотины установлены краны для монтажа металлических щитов-шандоров, закрывающих пролеты.

Как бы продолжая плотину и примыкая к ней вплотную, встала стена здания станции, завершаясь у правого берега гигантским бетонным кубом монтажной площадки турбинного зала станции, а на берегу строители укладывают бетон в блоки железобетонного примыкания— „шпоры“, в которое войдет правобережная земляная плотина.

Фронт работ в котловане значительно сузился, но труд для строителей стал более сложным. Он связан теперь преимущественно с работой на высотных площадках плотины и станции. На высоту приходится подавать бетон и укладывать его не в огромные блоки простой конфигурации, а на маленьких участках подчас сложных профилей.

При узком фронте работ особенно заметной становится концентрация на строительной площадке техники. Плотина и станция буквально окружены десятками кранов различных систем. Четко рисуются на фоне неба ажурные переплеты их мачт-опор и выносных стрел. Одни похожи на тонкие изящные башни с горизонтальными площадками, по которым движутся грузовые тележки, другие краны напоминают каких-то гигантских птиц с хищными стальными клювами. Вьются по земле в сложном сплетении кабели, шланги, провода, блестит на солнце паутина мачтовых оттяжек.

Сотни рабочих облепили отвесную стену плотины и станции. Зацепившись карабинами предохранительных поясов за железные прутья арматуры, они стоят на высоте шиты опалубки, готовя место для укладки бетона. В другом месте опалубку снимают с готовых забетонированных участков. Брызжут в клетках арматуры вспышки электросварки, слышится дробный стук острых молоточков: это девушки-работницы в блоке делают насечку на затвердевшем бетоне, чтобы лучше было сцепление его с новыми массами укладываемого бетона.

Рядом со зданием станции, возвышаясь над ним, поднимаются металлические стальные арки—опоры, установленные на рельсы. Ранее этого сооружения здесь не было видно. Спрашиваем прораба:

— Что это такое собираетесь ставить здесь?

— Козловый кран,— отвечает он и разъясняет, что сейчас монтируют гигантский, так называемый „козловый“ кран, при помощи которого будет производиться сборка турбин электростанции.

Кран на рельсах сможет передвигаться по галерее станции к кратеру каждой из восьми турбин. Он останется здесь и тогда, когда станция будет работать, на случай ремонта турбин и т. п.

— Какова же грузоподъемность этого крана и вес его самого?— интересуемся мы.

Прораб, помедлив, видимо для эффекта, называет две цифры:

— Грузоподъемность пятьсот тонн, а вес крана—семьсот. Подобных кранов не применяется еще ни на одной стройке.

— Пятьсот тонн! Это значит, что кран может поднять в воздух целый грузовой состав товарного поезда в 30 вагонов!

Такое трудно вообразить.

Проходим за плотину, на территорию так называемого нижнего бьефа.

На огромном пространстве вдоль плотины и станции тянется широкая траншея. Бульдозеры и скреперы ровняют землю, отодвигают валы земли. На самосвалах подвозят бетон, в траншеях арматурщики вяжут арматуру, плотники устанавливают деревянные щиты—опалубку. Здесь один из важных объектов строительства—гибкая рисберма. Вода, пропускаемая через водосливную плотину, будет с высоты десятков метров низвергаться водопадом страшной силы. Если не принять мер защиты от низвергающихся вод, они разрушат за плотиной и станцией дно реки, размочут, вынесут грунт из-под сооружений. Поэтому, подобно тому, как в верхнем бьефе (перед плотиной) заложен мощный „противофильтрационный зуб“, здесь за плотиной (в нижнем бьефе) и сооружается гибкая рисберма (водобой). На большом пространстве по течению воложки, вдоль всей плотины и здания станции, площадь дна реки покрывается мощным железобетонным покрытием, связанным с телом плотины и зданием станции. На бетонной площадке рисбермы параллельно плотине и станции, в нескольких десятках метров от них, возводится особая невысокая железобетонная стенка. Таким образом, между основными сооружениями гидроузла—плотиной и станцией—и стеной водобоя создается как бы огромная широкая бетонная траншея с закругленным профилем ее дна, а далее за стенкой продолжается бетонированный участок дна реки.

Когда нижняя перемычка котлована будет размыва, воды Волги подойдут к плотине в нижнем бьефе, заполнят траншею водобоя, и здесь глубина реки будет больше, чем за траншеей. Тогда потоки воды, проходящие через водосливы плотины или выводимые из турбинных камер станции, будут падать на довольно толстую „водяную подушку“ рисбермы, которая и смягчит силу удара падающих водяных потоков. Рисберма—сложное гидротехническое сооружение с системой специальных фильтров и регуляторов размыва. Устройство ее требует большой точности и тщательности в работе, и строители под руководством опытного инженера т. Серова успешно решили свою задачу на этом ответственном участке.

На строительстве всегда работало много молодежи. Но в то лето, о котором мы говорим, в котловане и на основных сооружениях юношей и девушек, в большинстве своем комсомольцев, было особенно много.

Вскоре на одном из участков мы повстречали комсорга ЦК ВЛКСМ на строительстве—К. И. Баландина, и он рассказал нам об одной инициативе комсомольцев стройки.

Весной 1954 года на сооружении плотины, и особенно станции, создавалось напряженное положение с выполнением плана работ.

Внимание партийной и комсомольской организаций было направлено на мобилизацию всех сил на решающем участке стройки. Работать в котловане стало делом чести молодых строителей. Комсомолец слесарь Александр Баев на собрании актива комсомола первым на стройке заявил о своем желании—перейти на любую работу в котлован. Сотни заявлений стали поступать в комитет комсомола. Нельзя без волнения перечитывать сейчас эти короткие по тексту документы.

„Я, работница лесокombината, Куликова, прошу зачислить меня в котлован ГЭС на работу бетонщицы. Я счастлива, что живу в такое время, когда молодежи везде доверяют ответственную работу, и призываю всю молодежь последовать моему примеру“.

„Желаю своим скромным трудом помочь ускорить пуск первого агрегата нашей ГЭС в действие. Прошу комитет ВЛКСМ направить меня на самый трудный участок работы в котловане“,—пишет слесарь В. Рябушкин.

„Понимая важное значение пуска первого агрегата, я хочу работать на

ответственном участке в котловане в качестве арматурщика. Хочу быть таким же, как комсомольцы, которые в годы индустриализации нашей страны воздвигали новые города, фабрики и заводы. Прошу просьбу мою удовлетворить. Слесарь Л. Гурьянов*.

Почин комсомольцев ГЭС нашел горячий отклик среди комсомольцев Горьковской и Арзамасской областей. Три тысячи юношей и девушек изъявили желание поехать на большую стройку.

Сюда прибыли сормовичи и дзержинцы, богородчане и павловчане, выксунцы и арзамасцы—комсомольцы из многих районов двух областей. Они быстро освоили здесь новые профессии арматурщиков, электросварщиков, опалубщиков, верхолазов и включились в армию строителей.

3000 новых рабочих...

Их нужно разместить. Заранее была подготовлена территория, установлены триста палаток для юношей и выстроены десятки добротных летних общежитий для девушек, а также столовая, магазин, склады, спортплощадка, открытая сцена. Городок был электрифицирован и радиифицирован. В палатках настланы деревянные полы, поставлены кровати, тумбочки, столы, табуретки. В девичьих общежитиях, как только их заселили новые обительницы, появились на стенах веера открыток, вышитые коврики, занавески и цветы на окнах, придавшие сразу уютность этим деревянным баракам.

Шумно и весело бывало по вечерам в молодежном полотняном городке. В палатках светились огни, оттуда доносились звуки аккордеонов, всплески молодого смеха. По главной „улице“—между палаток и общежитий парами и группами прогуливались комсомольцы, распевали любимые песни, часто здесь демонстрировались фильмы на открытой площадке, устраивались концерты коллективов художественной самодеятельности строительства.

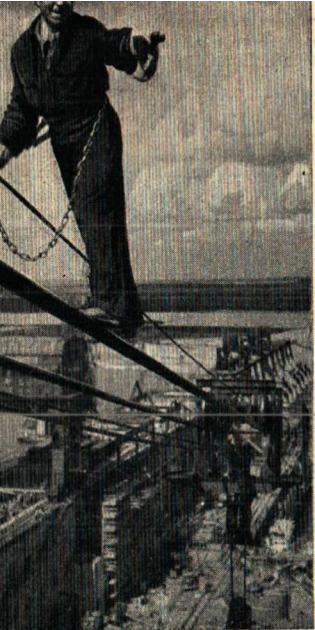
В котловане мы встретили молодежные бригады сормовичей. Вот одна из бригад работает на своем участке—бычке водосливной плотины.

Молодость! Она смела и ловка. Цепляясь за брусья обшивки, как по лестнице взбирается юноша по совершенно отвесной стене „быка“, перебрасываясь шутками с товарищами. Другой, притулившись на тесной площадке, сваривает арматуру; третий, стоя на доске, перекинутой через яму блока, рукой сигнализирует крановщику, куда подавать бетон.

—Как работаем, интересуется?—спрашивает нас бригадир, молодой паренек с задорным светлым вихром волос, торчащим из-под кепки.—Да не хуже других.—Бригадир улыбается, обнажая белые ровные зубы.—Зарабатываем очень хорошо, и по тысяче и больше, а только ведь пришли сюда мы не за длинным рублем, а чтобы помочь строителям скорее пустить нашу гидростанцию. Меньше ста двадцати процентов не даем. Сначала было трудно переквалифицироваться. Некоторые, понятно, сдрейфили и начали волынить, озорничать. Но мы всей бригадой им сказали: „таких нам в бригаде не нужно, вы только мешаєте“—и отправили домой.

Люди здесь работают самоотверженно, отдавая все силы, весь опыт решению государственной задачи—пустить станцию в установленные сроки...

Во всю ширину котлована, от берега до острова, над плотиной и станцией на головокружильной высоте протянулись между стальными опорами—устоями кабелькрана—его металлические тросы. Медленно катятся по ним колеса тележки с грузом арматуры. Вот тележка останавливается над одним из участков плотины. Дежурный машинист крана, сидящий в деревянной будке, прилепившейся, как ласточкино гнездо, почти на вершине башни—опоры крана получает по телефону сигналы: „стоп“, „майна“, „вира“,

**В. Шестоперов на тросе
кабелькрана.**

что означает: „оставить так“, „опустить его вниз“, „поднять вверх“.

Машинист поворачивает на аппарате управления рычаг, и с тележки, раскачиваясь, спускается трос с крюком, держащим тяжелый груз, опускается в то место, куда он должен быть подан.

На лифте, проходящем внутри четырехгранной ажурной башни опоры крана, поднимаемся на площадку крана, где стоит будка машиниста. Отсюда, с высоты птичьего полета, стройка обзревается от края и до края на много километров вдоль и вширь. Виден весь фронт напорных сооружений—плотин. На том берегу чуть чернеют бетонные прямоугольники, словно два гигантских ящика,—это шлюзы. Людей отсюда не видно, но там то и дело мигают вспышки электросварки, свидетельствующие о напряженной работе и на левом берегу Волги.

С кабелькрана раскрывается и панорама нового белокаменного городка. Далеко, далеко уходят его широкие кварталы, и каким же уютно „маленьким“ выглядит отсюда стадион, а ведь его трибуны вмещают четыре тысячи человек! Но машинисту некогда обозревать просторы. С земли подается очередной сигнал. Он отводит глаза от окна, привычно, почти автоматически, делает легкое движение рукой—переключение на контроллер, и мы видим, как быстро наматывается на тележке трос с зацепленными за его крюк щитами опалубки и тележка катится над котлованом ко второй опоре кабелькрана, стоящей на противоположной стороне котлована.

Кажется несложным труд машиниста кабелькрана: подать груз на площадку, принять груз с площадки, и все за тебя делает машина. Но...

На кабелькране однажды порвался один из пяти тросов передвижения тележки. Чтобы исправить повреждение, надо было как-то добраться до места обрыва.

Что говорить, путешествие „по воздуху“, по нитке каната, над пропастью котлована, даже для опытного верхолаза хотя и считается привычным, но сопряжено с опасностью, требует проявления мужества, волевого напряжения. А время не ждало...

И вот машинист Нифатов уже стоит на самой верхней площадке мачты-опоры. По голубому небу, кажется, совсем низко над головами, свежий порывистый ветер гонит сизые ватные облака. Вдали извивается синяя полоска Волги и солнце зеркальными осколками дробится в ее водах. Ветер развевает волосы. Здесь, на высоте, всегда ветрено.

Внизу люди кажутся маленькими. Они облепили стены бетонных опор-дослифов. Как жуки, движутся по котловану самосвалы с камнем, а вон правее, словно уж извивается, ползет железнодорожный состав с бадьями бетона.

Краны, как журавли, сгибают свои длинные шеи стрел и, подхватив бады, медленно опускают их в блоки плотины.

Осторожно зацепив за верхний трос кабеля „карабин“ от предохранительного пояса, Нифатов вступил на колеблющийся под ногами трос, и, перехватывая руками верхний, двинулся потихоньку вперед, рассчитывая каждое свое движение.

Дойдя до места обрыва, стоя на зыбкой нитке стального каната, на 80-метровой высоте, Нифатов исправил повреждение. Работа кабелькрана возобновилась...

Такие воздушные прогулки приходилось совершать и другим работникам на кабелькране, и делают это они, когда необходимо, как нечто привычное, входящее в круг обязанностей их профессии.

Невдалеке от верхней перемычки котлована, на правобережной земляной плотине, идущей к чуть виднеющейся на горизонте Урковской горе, шел намыв предпоследней „карты“ земляной части плотины.

Теперь между земляной плотиной и зданием станции ГЭС останется только последний участок—„карта“, который намот (и соединит тем самым земляную насыпь с основными бетонными сооружениями—станцией и плотиной), когда разберут верхнюю перемычку котлована для пуска волжской воды в котлован.

По широкой трубе пульпопровода мы перебрались, как по мосту, через глубокий коллектор и направились к месту намыва. Невдалеке несла свои воды, теплые, накаленные лучами щедрого июльского солнца, Волга. Справа от нас тянулась невысокая дамба. Она вдавалась в Волгу. Тяжелые самосвалы, нагруженные огромными камнями, непрерывной цепочкой двигались по этой дамбе.

Самосвалы осторожно один за другим подходили к самому краю каменной дамбы так, что кузова их чуть-чуть выдавались над водой. Затем кузова самосвалов поднимались, и камень низвергался в воды Волги.

Мы подошли поближе и только теперь поняли, что то, что мы приняли за выдающийся в реку мысок, создано искусственно—это укладывалась каменная подушка русловой плотины. Начинаясь подготовка к перекрытию основного русла Волги.

Тысячи тонн крупного камня сбрасывались в реку с обоих берегов Волги, метр за метром сужая ее русло. Волга не хочет смириться, уступать; гневно бьются ее волны о камни, как бы желая раскидать, расшвырять их, стремительно рвется она через все суживающийся „проран“, но строители упорно продвигаются с обоих берегов к середине реки, подготавливая место для последнего этапа борьбы с рекой—для засыпки прорана—трехсотметровой горловины русла, по которому еще проходят волжские суда.

Широкий каменный банкет перекроет русло Волги и послужит надежным основанием для намыва на нем русловой земляной плотины, которая соединит левобережную земляную насыпь с водосливной бетонной плотиной и таким образом замкнет части многокилометрового полукружия всех водонапорных сооружений новой волжской ГЭС. Перегороженная плотиной река с каждым мгновением будет подниматься все выше и выше и, будучи не в силах пробить барьер плотины, растечется перед ней широким безбрежным морем.

А самосвалы шли и шли по дамбе, сбрасывая свой каменный груз, и порожняком возвращались к огромной гряде камней, растянувшейся вдоль берега; нагружались и вновь шли к дамбе, чтобы сбросить в реку новую порцию груза.

С дамбы мы возвратились туда, где шел намыв в предпоследнего участка правобережной земляной плотины. Еще не дойдя до места намыва, мы были поражены тишиной. До нас не доносилось характерное напряженное гудение внутри пульпопровода, свидетельствующее о том, что земснаряд работает.

— У вас перерыв, что ли? — спросили мы работающих на „карте“.

— Какой может быть перерыв, все земснаряды работают сейчас круглосуточно и днем и ночью!

Подойдя к пункту мастера смены, мы поняли: случилась какая-то поломка. Об этом говорило все: и поза рабочих — они, одетые в резиновые сапоги и брезентовые костюмы, удобно расположились в тени за будкой мастера и лениво перебрасывались шутками, и возбужденный вид девушки в плаще, которая резко крутила трубку полевого телефона, притороченного к стенке будочки, и вспышки электросварки в отдалении на пульпопроводе.

— А разве я вам не говорила, что надо постепенно? — кричала в трубку девушка, поправляя сдвинутый на глаза берет.

Слушая ответ, девушка иронически покривила губы.

— Скоро, скоро! — едко выкрикнула она. — Скоро да не споро. Какое вы имели право не слушать указания мастера? Ладно еще без аварии обошлось.

Девушка слушала то, что отвечали ей с земснаряда и, хмурясь, что-то пыталась говорить сама, и выражение ее глаз было одновременно и начальственно строгим, и в то же время светилась в них, вероятно, незаметная и ей самой теплая улыбка.

— Хотелось лучше, а сделали вот что, — резко бросила она в трубку. — У вас обязательство? А мы, что, без обязательства работаем?.. Одно дело делаем. Налаживать надо поскорее. Скажи там начальнику.

— Так я позвоню, когда сварят. Смотрите, никуда не отлучайтесь!

Оказалось, что от большого напряжения произошел разрыв в одной из секций пульпопровода. Под огромным давлением пульпа, то есть смесь воды и песка, которую гнали по трубам насосы земснаряда, прорвала место стыка двух секций пульпопровода, и пульпа огромным фонтаном выплеснулась и низвергнулась в ложе коллектора. Земснаряд пришлось остановить, и сейчас произошла сварка разрыва.

— Эх, отдохнем мы, видать, сегодня, — проговорил веснушчатый парень. Он блаженно щурится на солнце. Однако видно, что говорится это так, для разговора, а на самом деле отдыхать никому не хочется, да еще и не успели они устать.

— И верно, куда торопиться-то, — бойко вступает в разговор розовощекая девушка. Она в спецовке и в резиновых сапогах, но на голове кокетливо повязана косынка. — В Молдавию на стройку все равно мы не поедем.

— Ну и что же, — невозмутимо роняет веснушчатый парень, — значит, в Чебоксары поедем. Поедешь, Галя, с нами? — обращается он к начальнику смены.

Галя отрицательно качает головой.

— Это почему же?

— Учиться поеду.

— Так ты ведь училась. Начальником работаешь, куда еще больше!

— Ну, это я техникум кончила, а поступаю в институт.

— А как же с Михаилом-то быть? — игриво улыбается чубатый парень. — Его земснаряд в Чебоксары отправят.

Галя смущенно отворачивается и начинает вертеть ручку телефона.

— А тебе-то что приболело? — смеется розовощекая девушка.

— Да мне ничего, я о начальнике забочусь. Да и жалко все-таки, три года вместе работали, — беззлобно отвечает чубатый парень.

Девушка лукаво улыбается и грозит ему пальцем. Все весело смеются.

— Галя, кто сваривает? — спрашивает мастера веснушчатый паренек. — Не Гришка?

— Ну да, он, а кабы Николай, так давно бы уже сварил.

— Неопытный еще, — поясняет нам Галя. — Он и старается, а споровки нет. Всего три месяца, как он пришел на стройку.

— И Николай-то не больше пяти работает, — вставляет молодая, низкорослая женщина.

— Так он же сормович! Там сварщиком работал, — отвечает Галя и снова крутит ручку аппарата.

Но в этот момент раздается пронзительный свист. Все оборачиваются туда, где сверкали вспышки сварки. Высокий человек, став на трубу пульпопровода, делает два взмаха рукой.

— Миша, пробу готовь. Давай пробу! — взволнованно кричит в трубку Галя.

Рабочие вскакивают и, отряхиваясь, бегут к пульпопроводу.

— Миша, слышишь: постепенно и — сначала без грунта. Прочисти пульпопровод.

Земснаряд далеко, не менее чем в километре от нас. Его не видно за береговой кромкой залива, но мы слышим низкое глухое гудение — это заработал земснаряд. Гудение нарастает. Все взоры устремляются к месту сварки. Сейчас вода подойдет к этому злополучному месту. И вот мы видим, как люди, стоявшие у пульпопровода, отскакивают от него, и в то же мгновение фонтаны мутной воды гигантским веером, со свистом снова вымахивают из трубы.

Галя бешено крутит трубку.

— Миша, останови, останови, опять бьет! — яростно кричит девушка. Но в это время к будочке поднимается по песчаному откосу плотины высокий человек в брезентовом плаще, промокшем насквозь. Он отряхивает с него налипший песок и укоризненно говорит:

— Зачем остановила? Там же все в порядке, фонтанчик только пробился.

Но гудение в пульпопроводе уже смолкает, и Галя, растерянно улыбаясь, говорит:

— Отсюда не видно, — и снова кричит в трубку: — На земснаряде! Пускай пульпу. Все в порядке.

И снова слышится натужное гудение. Оно все явственнее приближается к нам, и вот уже из широкой горловины — жерла пульпопровода бьет поток воды, смешанной с песком и землей.

— Идите рыбу ловить, — радостно улыбается нам Галя. — Да-да, я не шучу, — видя наше недоумение, поясняет мастер. — Она тут то и дело выхлестывается. Ведь ее тоже втягивает с водой из реки.

Мы подходим к концу пульпопровода, лежащего на невысоких стояках. Мутный, сильно бьющий поток, вырываясь из трубы, разливается по насыпи, образуя большую лужу, „прудок“, как его зовут гидромеханизаторы. Вода быстро впитывается в песок, уходит вниз, и, действительно, в одной из лужиц мы обнаруживаем двух небольших окуньков. Они лежат брюхом вверх на поверхности воды и судорожно открывают рот.

— Контуженные, — говорит веснушчатый парень. — Под таким напором по трубам промахнуть километр — не шутка. — Он деловито забирает окуней и переносит их в небольшой отдельный водоемчик.

— За день-то, гляди, на уху наберешь, на всех хватит, — подмигивает он

нам, опуская рыбу в воду. Окушки вяло взмахивают хвостами и остаются лежать на поверхности воды.

Участок „карты“ залит водой, и рабочие ходят в воде по колени, расставляя по краям площадки деревянные щитки, чтобы вода не растекалась по бокам насыпи.

Пульпа делается все мутнее и гуще. И заметно становится, как на вершине, на „шапке“ этого участка плотины образуются ровные гребни песка, наращивая в высоту тело земляной насыпи. Напряженно гудит пульпопровод, потоки воды стекают в кювет, трамбуют тело плотины. Мелькают лопаты рабочих, разравнивающих намытый песок на участке, земснаряд непрерывно гонит пульпу на насыпь.

Земснаряд! Только увидев его в действии, можно понять значение этого агрегата в строительстве ГЭС.

Представьте себе большое плоскодонное судно, со срезанными носом и кормой. На корме две металлические трубы—своеобразные „циркульные ноги“, при помощи которых земснаряд „шагает“ по дну реки. Опустилась одна труба, опираясь о дно,—судно немного разворачивается в сторону боковым движением, вторая поднятая труба оказывается, таким образом, как бы занесенной вперед первой. Если теперь поднять первую трубу и опустить вторую и развернуть с помощью идущих от лебедек тросов, закрепленных на якорях на берегу или в воде, судно в другую сторону, то оно сделает шаг в несколько метров вперед. На носу земснаряда металлическая рама-треугольник, с вершины которого спускаются тросы, поддерживающие разрыхлитель—стальной фрез, и трубу, всасывающую пульпу. Вращаясь, фрез вгрызается в береговой грунт, и, разрыхленный, он вместе с водой всасывается в широкое жерло трубы, и гонимая насосами пульпа по трубам пульпопровода устремляется к месту намыва плотины.

К утру следующего дня намыв этого предпоследнего участка плотины был закончен, и она предстала перед нами гладкая, словно выутюженная, уже просохшая, и черным гигантским жгутом лежал на самой середине ее пульпопровод, не вибрируя и незвуча, точно и он отдыхал после напряженной работы. А по дамбе непрерывным потоком двигались и двигались самосвалы, груженные булыжником,—они продолжали перегораживать русло Волги. Стройка вступила в решающий предпусковой период.

„ПРИКАЗЫВАЮ РАЗОБРАТЬ ПЕРЕМЫЧКУ!“

Когда-то в один из первых приездов в Заволжье в одной из комнат здания технического отдела Управления строительством мы видели стоящий на длинном и широком столе, тщательно выполненный макет будущей гидростанции и всего гидроузла.

Все на макете представлено в миниатюрном виде, и все на нем было сделано из хрупких материалов: папье-маше, картона, дощечек, стекла, проволочек тоньше волоса,—но все зримо и точно передавало панораму будущего действующего гидроузла.

По зеленой площади правобережной равнины и поймы левого берега пролегла узкая желтая насыпь земляной плотины. Игрушечные домики, поставленные в строгом порядке кварталов, изображают поселки. Большое стекло с подложенной под него голубой бумагой говорило, что перед нами гладь будущего Горьковского моря, а узенькая синяя полоска стекла, что вделана в макет за моделью плотины,—это Волга.

В центре макета расположены модели основных сооружений гидроузла—станции, плотины, шлюзов. От белого здания станции тянутся к крохотным ажурным мачтам-опорам на берегу волоски проводов, в прорези плотины „низвергаются“ фольговые каскады воды, в шлюзах стоят маленькие парходики.

Красиво, тщательно все исполнено на макете, и мы когда-то с интересом рассматривали его; но потом больше так и не заходили в ту комнату, где он стоял. Зачем? Ведь то, что изображено было на хрупком, как игрушка, макете, пылящемся годами на учрежденческом столе,—мы видели теперь воочию на обоих берегах великой реки. На пространстве в десятки километров вставали на долгие века в своем подлинном виде, в своей величественной красоте, созданные из бетона и стали, из крепкого камня грандиозные сооружения Горьковской ГЭС—новый памятник вдохновенного труда и творчества людей страны социализма.

Каждый новый день на волжских берегах у Городца вписывал новые и новые черты в облик строящейся ГЭС.

В нашем очерке мы рассказали, конечно, далеко не полно, далеко не обо всем, что видели, наблюдали здесь на строительстве на различных этапах его развития. И вот наш рассказ логически подходит к завершению потому, что к завершающему этапу—пуску первоочередных объектов строительства—пошли и работы на стройке, и многое, о чем мы писали в очерке еще как о будущем, стало настоящим, сделанным, действующим.

Август 1955 года—месяц значительных событий в жизни Горьковской ГЭС. И эти радостные, солнечные августовские дни навсегда сохранятся в памяти строителей. Многолетний напряженный труд тысяч людей, не прекращавших ни на минуту работы в котловане на основных сооружениях—ни в суровые, жестокие зимние морозы, ни под холодными осенними дождями, ни в жгучий летний зной,—привел строителей к радостным дням больших трудовых побед.

Высоко поднявшаяся над котлованом монолитная несокрушимая стена плотины и сопряженного с ней здания станции были готовы к тому, чтобы встретить волжские воды, принять на себя их мощный непрерывный поток и сдержать его перед собой.

Шли последние работы в котловане. Из него убирались все постройки: насосные станции, рабочие столовые, конторки строительных участков; тяжело пыхта на подъеме, спаренные паровозики вывозили из котлована мощные краны; бульдозеры разравнивали землю, готовя дно; откосы котлована у станции укреплялись крупным камнем. И непривычно странным казались теперь и вид опустевшей огромной земляной чаши, и тишина, безлюдье там, где несколько лет царило движение и стоял неумолкаемый шум кипучей работы.

Спустившись в узкий лаз—шахту, на тридцатиметровую глубину, мы оказались в огромном тоннеле—патерне, проложенном в самом теле плотины и станции в подводной их части. И здесь, в тоннеле, освещенном желтоватым светом электроламп, сотни людей готовились к решающему дню—пуску воды в котлован. Устанавливались насосы, различные чувствительные контрольно-измерительные приборы.

Постоянно в патерне—этой смотровой галерее—будут вестись наблюдения за состоянием железобетонных сооружений гидроузла в условиях затопления.

9 августа земснаряды, проложив трубопроводы через перемычки, накачали первую воду в котлован, она узким озером разлилась у плотины станции. Это было сделано с той целью, чтобы ослабить, смягчить напор волжских вод, когда они бросятся в открытый для них котлован.

Все было подготовлено в котловане на основных сооружениях к приему воды.

Наконец, настал и долгоожидаемый строителями день.

12 августа 1955 года выдалось солнечным, жарким.

К полудню более пятнадцати тысяч строителей—бетонщики, арматурщики, плотники, гидромеханизаторы, сварщики—люди десятков различных профессий—колоннами под знаменами, с транспарантами-лозунгами, собрались на правом берегу у котлована перед празднично убранной трибуной.

Приехали на торжество и многочисленные гости из Горького, Городца, представители областных, городских и районных партийных и советских организаций. К верхней перемычке котлована по Волге подходят два служебных парохода с протянутыми от носа к корме яркими пестрыми флагами расцвечивания. Протяжные гудки оглашают окрестность—это речники-волгари прибыли приветствовать славных строителей новой Волжской ГЭС.

В час дня на трибуну поднимаются секретари Горьковского обкома КПСС, начальник строительства Д. М. Юринов, парторг ЦК КПСС на строительстве А. Н. Калянов, главный инженер строительства г. Севенард, начальники Управлений строительных участков, лучшие люди строительства и гости. Пионеры преподносят собравшимся на трибуне букеты цветов.

Начинается митинг...

Слова поздравлений с замечательной трудовой победой, с знаменательным днем затопления котлована, слова-призывы не ослаблять трудового напряжения на завершающем этапе строительства, звучавшие с трибуны в речах выступавших, находят самый живой отклик в сердцах тысяч людей, собравшихся у котлована.

С законным чувством гордости, трудового удовлетворения смотрят строители на величественные сооружения, и каждый думает в эти минуты о том, что в создание их вложена частица его труда.

С трибуны произносятся имена передовых рабочих, инженеров, техников, и каждый из участников этого митинга вспоминает еще раз хорошо знакомые имена людей, прославивших себя на стройке патриотическим трудом.

Митинг окончен. Торжественно звучит мелодия Гимна Советского Союза. Начальник строительства Д. М. Юринов подходит к микрофону и отдает приказ:

— Приказываю разобрать перемычку!

Выстрелы. В голубое чистое небо над котлованом взвиваются красные и белые огни ракет.

Сигнал. Его с нетерпением ждут те, кому выпала честь первыми начать разбор верхней перемычки—бульдозеристы Паньков и Глыбин, прораб Медков и десятки знатных строителей. Тысячи глаз устремлены туда, где будет сейчас дан проход волжской воде. Минуты ожидания. И вот несется над котлованом громкое, все растущее, крепнущее „ура“ тысяч людей.

Сперва узким ручейком, затем, прорываясь мощным бурным потоком в проделанную в перемычке траншею, расширяя ее, в котлован водопадом низвергаются воды Волги. Тяжелый вал катится к плотине. Вот он подошел к стене и разбивается о нее, и усмиранный, кружа поверху желтую песчаную пену, разливается по дну котлована.

Непрерывно движение воды, все больше и больше вливается ее в чашу бывшего котлована, растекается она широким озером.

Тысячи людей со всех сторон спускаются по откосам котлована вниз, чтобы в последний раз постоять там, где скоро уже нельзя будет никогда встать,—на дно котлована, но прибывающая вода мелкими волнами набе-

гает на еще незатопленные участки котлована, заливая метр за метром их, оттесняет людей, заставляет их отступать перед ее натиском, вновь взбираться на откосы, наверх.

И вот уже навсегда скрылось под водой дно котлована, скрываются с глаз и нижние (подводные) участки станции и плотины. Они сразу стали как бы меньше в высоту.

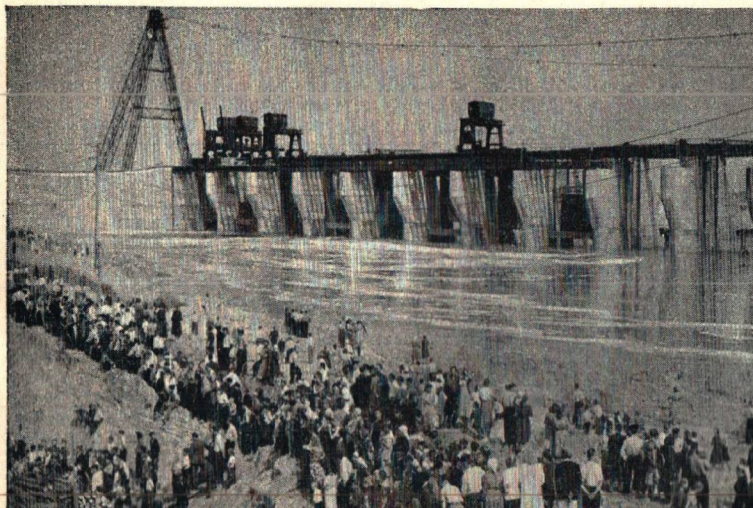
А вода все прибывает, но теперь уже не бурным потоком, а плавно, спокойно—ведь уровень (перепад) воды в котловане сравнялся с уровнем Волги. Затоплен через открытые пока пролеты в плотине и станции и котлован нижнего бьефа. Завтра и там размоют нижнюю перемычку котлована.

В большое разлившееся перед плотинной озеро, разбрасывая воду сверкающим радужным веером, стремительно входит с реки белый катер и проносится вдоль плотины и станции. И с появившихся на озере лодок и с откоса уже несколько пареньков,—„вот, отчаянные“, говорят о них зрители,—бросаются в воду и плывут над теми местами, где так еще недавно они работали, ходили.

В течение всего дня продолжался торжественный праздник строителей по случаю затопления котлована.

А 14 августа строители Горьковской ГЭС отмечали новую победу, только уже на левом берегу. Здесь в этот день в такой же торжественной обстановке состоялся пуск в эксплуатацию нижнего шлюза № 14. На рейде у Городца выстроились украшенные флагами расцвечивания десятки волжских судов во главе с флагманским пароходом „Волга“. Вот они подошли к нижним воротам шлюза и остановились. После короткого митинга с центрального пульта управления шлюза в 14 часов дня подается команда:

Затопление котлована.

— Вход в шлюз разрешен! Добро пожаловать!

Вспыхивает зеленый огонек светофора.

Открываются массивные ворота шлюза. Флагман „Волга“, переполненный людьми—строителями и гостями, медленно входит в ворота. Заместитель министра речного флота СССР т. Черевко с борта флагмана под крики „ура!“ и аплодисменты перерезает красную ленточку, протянутую перед входом в шлюз, и пароход втягивается в камеру шлюза. За ним входят в камеру шлюза „Адмирал Ушаков“, „Суворовец“, „Плѣс“ и другие суда.

Нижние ворота закрываются. Поднимается вода в камере, и, когда ее уровень сравнялся с уровнем верхнего бьефа Волги, были открыты верхние ворота и суда из шлюза вошли во временный семикилометровый обводный канал, созданный гидромеханизаторами, и по нему вышли в Волгу, далеко выше Городца.

Теперь путь судам через горловину протоки закрыт навсегда, как навсегда, спустя десять дней после открытия шлюза, был прегражден путь и самим волжским водам, остановленным здесь каменным барьером.

Всего двенадцать часов потребовалось строителям, чтобы смирить бешено рвавшуюся в узком проране Волгу, прекратить ее бег.

В тот день—24 августа—рано утром строители повели решающее наступление на реку. Высокая организованность, четкая слаженность всех работ по перекрытию русла Волги обеспечили успех дела.

Десятки самосвалов, работающих по точно разработанному графику движения, с обоих берегов прорана один за другим въезжали на понтонный мост, установленный заранее в речной протоке, и сбрасывали в бушующие воды тонну за тонной крупные камни и специальные, сконструированные молодым инженером В. Ивановым (и это было технической новинкой, впервые примененной в стране на подобных работах по перекрытию речного русла) массивные железобетонные кубы и „жи“, которые своей тяжестью и „лапами“ прочно крепили и держали каменную гряду под водой.

Двенадцать часов борьбы с мощным течением Волги—и ток реки остановился перед трехсотметровой каменной преградой, воздвигнутой на ее пути. А как только гребень дошел до проектной отметки и встал над рекой, экипаж лучшего на строительстве земснаряда под начальством знатного гидромеханизатора А. Лутвинова начал намыв на каменное основание банкета земляной плотины, что свяжет право- и левобережные земляные и бетонные водонапорные сооружения в единую многокилометровую линию. Чаша огромного водохранилища замкнута.

Теперь воды Волги текут не там, где они веками текли, а там, где им дают выход люди,—через открытые пока пролеты водосливной плотины.

Но как только до нужной высоты поднимется русловая земляная плотина, опустятся тяжелые шандоры—щиты, закроют пролеты в бетонной плотине. Река, не найдя выхода, разольется широким морем на 140 тысяч гектаров. Это свершится не в один день, конечно, но географы точно обозначат на картах страны место четвертого на Волге моря и отметят в книгах дату рождения его—24 августа 1955 года,—день когда была перекрыта Волга.

Море внесет изменения не только в ландшафт, как огромный искусственный водоем, но окажет благотворное влияние на климатические условия, на растительный и животный мир на территории, прилегающей к нему, оно даст „приморским“ колхозам новые богатые возможности в развитии колхозного производства.

Нам остается рассказать еще об одном участке стройки.

Высоким трудовым подъемом охвачены в решающие дни строительства и те, кто готовит к пуску станцию.

Гидроэлектромонтажники, электрики—сотни рабочих, инженеров, техников отдали немало силы, энергии, чтобы сдержать данное ими слово: ввести в эксплуатацию в 1955 году первые три из восьми агрегатов станции.

В глубоких бетонированных кратерах-колодцах монтажники с помощью 500-тонного козлового крана устанавливали и монтировали рабочие части первых гигантов-турбин. О колоссальности этих машин, которые будут вырабатывать электрическую энергию, вам скажет хотя бы одна цифра. 1080 тонн весит каждый агрегат. Необходим железнодорожный состав в 40 вагонов, чтобы перевезти одну турбину. И даже простая гайка, которыми скрепляют на установке кожух турбины, выходит за обычные наши представления об этой несложной детали: ее едва унесешь на руках, каждая из них весит два пуда.

Устанавливались турбины, генераторы, доделывались, тщательно выверялись спиральные камеры, по которым вода, ускоряя в „улитках“ бег, будет подводиться к лопастям рабочих валов, монтировались системы пультов управлений, измерительных приборов—все сложное хозяйство электростанции. Линии проводов потянулись от здания станции к понизительным подстанциям.

Встречалось в работе строителей в эту горячую пору завершения немало досадных неполадок, просчетов—все было, но целеустремленный труд коллектива неуклонно приближал с каждым часом день пуска в действие новой крупной гидроэлектростанции на Волге.

2 ноября 1955 года, в канун великого праздника Октября, вода Волги устремилась к лопастям рабочего вала первой турбины и загорелись первые огни, зажженные энергией новой станции, и ток, рожденный механической силой движущейся воды, пошел по проводам к трансформаторам, а оттуда к потребителям энергии.

XX съезду Коммунистической партии Советского Союза строители Горьковской ГЭС отдали рапорт о том, что ответственное и почетное задание партии и советского правительства, нашедшее отражение в Законе о пятом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР,—вести в конце пятой пятилетки в строй действующих в стране электростанций Горьковскую ГЭС—выполнено коллективом строителей в срок.

Пять турбин работало к весне 1956 года—первого года шестой пятилетки. В эту же весну было открыто движение судов через верхний—13-й шлюз.

А в декабре 1956 года строители Горьковской ГЭС собрались в огромном машинном зале станции на торжество пуска последней—восьмой турбины. Новая волжская станция заработала на полную мощность.

Горьковский волжский каскад—четвертое звено в цепи гидроэнергетических сооружений на Большой Волге.

Перекрытие русла Волги.

Уступая по масштабам строительства, по мощности выработки электроэнергии таким грандиозным сооружениям нашего времени, как Куйбышевская ГЭС, также давшая в конце 1955 года первый промышленный ток, как Сталинградский гидроузел, Горьковская ГЭС вместе с волжскими станциями, станциями на Каме и Днепре, на реках Сибири — яркое доказательство реального воплощения в жизнь Ленинского плана электрификации страны, величественного плана создания материально-технической базы построения коммунизма.

Сверкают над Волгой, великой полноводной русской рекой, над просторами волжских морей миллионы огней, зажженных волей и трудом советских людей.

Зрелость

Осень 1954 года. С серого и низкого неба падает снег. Только что назначенный на должность начальника Управления основных сооружений правого берега молодой инженер Дмитрий Андреевич Сосков задумчиво ходит по кабинету. Во рту у него папироса. Отмеривая шаги вдоль стены, он бросает взгляды на окна, потом подходит к одному и пристально смотрит вниз, в котлован, туда, где жизнь не замирает ни на одну минуту.

Над котлованом, как маяки, стоят мачты кабелькранов. Слева висится громада корпуса монтируемого пятисоттонного крана. Дальше строится для него эстакада, возводятся бычки ГЭС и водосливной плотины. Внизу работают всевозможные машины: компрессоры, экскаваторы, краны, грузовики и паровозы. У каждой из них свое дело. Экскаваторы грызут землю, краны подают на высоту армокаркасы, опалубку и бетон, минские грузовики отвозят грунт на свалку, паровозы буксируют платформы с камнем и стро-

ительным материалом, компрессоры снабжают отбойные молотки сжатым воздухом...

— Да... техника!—раздельно произносит Сосков.—С виду как будто все в порядке, а между тем... отстаем! Здорово отстаем!

Техники в котловане было много, людей достаточно, а план по укладке бетона и выемке земли не выполнялся. Есть над чем задуматься новому начальнику, есть над чем поразмыслить с самим с собой.

С чего же начать? Как правильно решить одну из сложных задач, выдвинутых жизнью?

«Начинать надо с коллектива, — думал Сосков, — с людей. Рассказать рабочим все как есть, без прикрас. Они помогут и дельным советом, и хорошей работой, ну и сами что-нибудь предпримем. А вернее, пожалуй, все-таки начать с себя...»

Он еще раз взглянул в окно. Всюду мелькали огни. Яркими снопами бросали свет автомобильные фары и прожекторы, установленные на высоких мачтах, длинные голубые лучи отбрасывала в небо электросварка.

Задернув штору, Сосков сел, углубившись в изучение графика и сводки по укладке бетона. Цифры были неутешительные. Вместо того, чтобы ежедневно укладывать 1000 кубометров бетона, укладывали по 300—400 кубометров. Отставание с начала года было внушительным—70 тысяч кубометров. Чтобы войти в план, нужно укладывать по крайней мере по 40—50 тысяч кубометров в месяц.

Сосков вызвал своего заместителя—Мельникониса. В кабинет тотчас же явился человек 45—50 лет, толстый, медлительный, с трубкой в зубах.

— Антон Антоныч! — обратился к нему Сосков.—Мы безбожно отстаем с бетоном. Где причина, по-вашему?

Мельниконис пыхнул трубкой, переступил с ноги на ногу и, подбирая слова, неторопливо стал излагать свою точку зрения.

— Что ж, Дмитрий Андреич, весь год мы бьемся с арматурным двором и лесокомбинатом. Арматуру доставляют не в комплекте, часто отсутствует металл нужного профиля. Вот и получаютя простые арматурщики, а следовательно, и срыв графика. Лесокомбинат срывает поставку опалубки.

— Что предприняли вы, чтобы не было таких перебоев?

— О перебоях в снабжении я неоднократно докладывал начальнику строительства и главному инженеру. Кроме того, ежедневно ругаюсь с арматурным двором и лесокомбинатом.

— Это не выход, — улынулся Сосков, — руганью и докладными не поможешь.—Тамара Петровна!—крикнул он секретарю.—Позовите ко мне Костюченко и Николенко... Сейчас мы вместе обсудим, что надо делать.

Главный инженер УОСа правого берега Григорий Кузьмич Костюченко—опытный гидростроитель. Он участвовал в сооружении нескольких гидроразделов, в том числе Волго-Донского канала имени В. И. Ленина. На ГорьковГЭСстрое, как и на других стройках, он отдает делу много времени и сил. Но у него очень мягкий характер, и это мешает ему быть требовательным к своим подчиненным.

Василий Захарович Николенко—бывший военный, майор запаса. Первое время он работал на стройке начальником военизированной охраны, а теперь заведовал снабжением, считался вторым заместителем начальника управления, но был чрезвычайно осторожен в принятии самостоятельных решений в крупных вопросах, ждал обычно, что прикажет начальство. Может быть, отчасти этим и объяснялись перебои в снабжении материалами.

Увидев вошедших, Сосков кивком головы указал им на стулья и заго-

ворил о том, что так его волновало. И хотя они знали лучше, чем он, о положении на участке, но слушали, выжидая, что будет дальше.

— Приведенные мною факты,—говорил Сосков,—наглядно показывают нашу работу. Вывод: так работать дальше нельзя. Каковы наши резервы? Где же выход из положения? У меня есть кое-что в голове, но я хочу первоначально послушать вас. Прошу высказаться.

Присутствующие разочарованно вздохнули. Речь нового начальника не произвела на них впечатления. Они думали, что он умеет хватать с неба звезды, а оказывается, он такой же, как и они. По правде сказать, они больше знали о недостатках, но, увы, не могли перебороть их и винили в этом не себя, а общие порядки на стройке.

Первым начал Костюченко.

— Беда состоит в том,—сказал он,—что у нас очень много хозяев. Можно привести примеры, когда мои указания неоднократно отменял главный инженер стройки. Это расхолаживает работников, понижает авторитет руководителей управления. Вторая причина нашей плохой работы — низкая трудовая дисциплина рабочих и средних командиров. Прогулы рабочих исчисляются сотнями часов. Прорабы и мастера часто наплевательски относятся к своим обязанностям. Они несвоевременно выдают и закрывают наряды рабочим. Бригадиры жалуются, мы даем строгие указания, а дело с нарядным хозяйством продолжается по старинке. Социалистическое соревнование проводится формально.

— То есть как формально?

— А так: обязательства берутся, но они никем в бригадах не проверяются. Собрания в бригадах не проводятся...—Костюченко замолк.

Сосков спросил:

— Григорий Кузьмич! Вы сказали, что главный инженер стройки отменяет ваши указания...

— Я думаю, Дмитрий Андреич,—вмешался Мельниконис,—что дело даже и не в том — отменяют приказы или не отменяют, — отменяй, на то он и главный инженер,—а в том, что наше управление обезличили. Посмотрите, как выходит на практике. Мы основные производители работ, но нам механизмы и машины не подчинены, арматурный двор от нас отделен, опалубку делает независимый от нас лесокombинат.

— Совершенно верно, Антон Антоныч!—горячо произнес Сосков.—Мне эта мысль пришла давно. Поэтому я буду настаивать перед руководством строительства о подчинении нашему управлению основных механизмов, об организации опалубочного двора и площадки для сборки армокаркасов. Когда механизмы будут в нашем ведении и когда мы сами будем заготавливать арматуру и опалубку, тогда темпы строительства повысятся. Но только своими силами мы не справимся, так как арматуры и опалубки нам ежедневно требуется очень много. Поэтому арматурный двор и лесокombинат по-прежнему будут выполнять наши заказы. Организуемые же площадки будут их дополнять. Чтобы ускорить продвижение заказов, необходимо закрепить за арматурным двором Антона Антоновича, а за лесокombинатом Василия Захаровича. Завтра об этом напишем приказ. И последнее: Григорию Кузьмичу надо подобрать из числа мастеров и прорабов наиболее способных организаторов, которые сумели бы наладить работу на вновь создаваемых площадках. На этом совещание закончилось.

Рабочее время истекло, но Сосков не уходил домой. Он сел к телефону и долго говорил с начальником строительства, который, взвесив выдвинутые им предложения, сказал, что мероприятия хорошие, и предложил провести их в жизнь.

Котлован ГЭС ночью.

Около 11 часов вечера Дмитрий Андреевич пошел в котлован. Здесь он не был новичком. В период наибольшего напряжения в котловане ГЭС его перевели из управления жилищного строительства, где он был главным инженером, сюда начальником третьего участка. На этой работе он достаточно освоился, сумел вывести участок из прорыва, после чего ему и поручили руководить работой всего управления.

Каждый раз, приходя в котлован, Сосков замечал новое. И на этот раз он отметил, что на первом агрегате ГЭС забетонировано дополнительно три блока, гидростанция росла на глазах. Это его радовало. И все-таки темпы были еще низки. Скоро ГЭС должна вступить в строй действующих, а работы был еще непочатый край. Прежде всего нужно уложить так называемый предпусковой бетон в здание ГЭС, затем закончить строительство противофильтрационного зуба, понура и гибкой рисбермы. Объем работ колоссальный!

На первом участке бригада Марии Сотневой укладывала бетон в левобережный устой. Люди торопились. Бригадир стояла с вибратором, уплотняла бетонную массу.

— Как дела, товарищ Сотнева? Успеем забетонировать блок? — спросил Сосков.

Не оставляя работы, она утвердительно качнула головой:

— Обязательно, Дмитрий Андреевич!

И Сосков знал, что она не подведет. Но ведь это была передовая бригада, а как же остальные?..

Он побывал и на других объектах и увидел, что проставляли краны и некоторые бригады. На участках недоставало лесоматериала. Тут были виновны мастера и прорабы, с которыми в ближайшее время Сосков решил провести совещание.

II

Общее собрание рабочих и инженерно-технических работников началось с небольшим опозданием. Просторная обогревалка, выстроенная на верхнем бьефе, была полна народу. Здесь собрались бетонщики, арматурщики, плотники, гидроизолировщики, механизаторы, электрики, электросварщики, бензорезчики и люди других профессий. Сосков внимательно осмотрел присутствующих. Многих он знал лично. В первом ряду сидел знатный бригадир плотников-опалубщиков Павел Михайлович Нестеров, с обветренным от непрерывного пребывания на воздухе лицом. Рядом пристроился Володя Шалованов. Длительное время он был бригадиром разнорабочих, недавно выучился на электросварщика и теперь отлично варит арматуру. Заметил Сосков и бетонщицу Риту Куликову—здоровую, хорошо сложенную девушку. Возглавляемая ею бригада систематически перевыполняет план.

На этих можно надеяться, они поддержат, любое задание выполнят.

Доклад начальника был короткий. Он говорил:

— Прошлую неделю наше управление работало из рук вон плохо. Из 7630 кубометров за неделю уложено всего 2234 кубометра бетона, или 29 процентов к плану; график укладки бетона первым участком выполнен на 50 процентов, вторым—на 53 процента, третьим—на 41 процент, а четвертый участок бетон совсем не укладывал. План земляных работ выполнен всего на 36 процентов. Каковы причины срыва недельного графика? Они кроются в организационно-технических неполадках. Бригады испытывают недостаток в материале, экскаваторы работают с перебоями, наши руководящие товарищи плохо организуют производство работ, не придерживаются принятой технологии. Безответственность средних командиров приводит к тому, что на днях были затоплены два блока. Слабо работает диспетчерская служба. Мы собрались сюда для того, чтобы наметить пути по устранению недостатков. Что предпринимает руководство управления со своей стороны?—и Дмитрий Андреевич рассказал о намеченных мероприятиях, одобренных начальником строительства. После этого он обратился к собранию:

— Но успех зависит во многом и от вас, товарищи. Вы непосредственные исполнители работ, и вы должны требовать, чтобы вам до работы выдавали наряды, обеспечивали всем необходимым. Нужно шире развернуть соревнование за быстрой пуск Горьковской ГЭС.

Коллектив горячо откликнулся на призыв о развертывании соревнования. Поднялся Нестеров:

— Предоставьте нам фронт работ, не задерживайте материалами—и вы увидите, как мы будем работать!—взволнованно произнес он. — Дело не в нас, а в руководителях.

— Мы согласны работать по две смены, лишь бы дело двигалось, — воодушевленно проговорила Куликова.

Из задних рядов неторопливо поднялся пожилой рабочий Михаил Дмит-

риевич Карпов. За своими плечами он имеет производственный стаж свыше двадцати лет.

— Дайте мне слово!

— Пожалуйста, проходите вперед.

— Ничего, я и отсюда. Услышите.

Собрание повернуло головы в его сторону.

— Как я понимаю, отставание по укладке бетона зависит и от нас, арматурщиков. Мы бы рады работать хорошо, но что же получается? Арматуру нам поставляют не в комплекте, сваливают ее как попало. Придешь на работу, роешься в куче, роешься, покаду-то найдешь нужный металл. Железо не солома, его сразу не поднимешь. Обязательно надо кран. А кран занят. Ждать приходится. Ну и ждешь. Проходит время, рабочие стоят, ругаются. Кому охота лодырничать? Надо деньги зарабатывать, семью кормить. Вот они и ругаются. Кран освободился, достаем из-под низа пятидесятку, в блок по чертежу нужна еще двадцатка, а ее нет. Как быть? Бежишь к мастеру, толкуешь ему, что так-то, мол, и так, — нет нужного профиля металла. Мастер заглянет в чертеж, а читать-то его не умеет. Разведет руками и бежит к прорабу, тот к начальнику участка. В беготне да в телефонных звонках так и проходит полсмены... Рабочие волнуются. А что можно сделать? Жди указания начальства... Так что, товарищ Сосков, дело-то не в нас...

К столу президиума подошел бригадир Елов. Теребя в руках шапку, он рассказал о своей бригаде.

— Карпов верно подметил недостатки. Есть они и у нас. Мы тоже иногда стоим. А из-за чего, спрашивается? Арматурщиков подводит металл, а нас арматурщики. Ведь не будешь ставить опалубку, когда не поставлена арматура. Поджидаешь. Да и им ждать приходится не только металл, но и сварщиков. Выставят арматуру, а сварщика нет... Я предлагаю организовать комплексную бригаду. В ней должны быть и плотники, и арматурщики, и сварщики. К бригаде такой надо прикрепить кран. Тогда дело пойдет.

Долго еще говорили рабочие. Сосков все их замечания записывал и тут же решал, что следует предпринять.

Возвращаясь с собрания, он говорил Костюченко:

— А ведь рабочие правы, Григорий Кузьмич, от нас все зависит... Да вот вам иллюстрация, — и он указал на скопление автомашин у экскаватора, вынмившего грунт для строительства гибкой рисбермы. — Схема подхода к забою не продумана. Пути не подготовлены. Кого тут винить? Экскаваторщика, водителей? Нет, конечно. Наш техотдел надо ругать. И крепко. Займитесь, пожалуйста, Григорий Кузьмич, подъездами.

III

Прошло больше двух месяцев.

Изменилось ли дело?

Цифры укладки бетона и выемки грунта в абсолютном выражении выросли, но в то же время с каждым месяцем увеличивался и план. На совещаниях у начальника строительства, в партийном комитете Соскова строго предупреждали, что если он не исправит положение, то его привлекут к партийной и государственной ответственности.

Обычно уравновешенный и спокойный Дмитрий Андреевич стал нерв-

ничать. Он приходил в возбужденное состояние иногда по пустякам. Раз как-то завернул он на гибкую рисберму. Его внимание привлекли рабочие, которые разворачивали мерзлую землю с помощью ломиков и забивали металлические клинья кувалдами. Сосков коршуном налетел на них.

— Это что за дедовская техника? Почему не рвете землю взрывчаткой? Почему не работают пневматические молотки?

Рабочие распрямили спины и недоуменно уставились на начальника управления. Один посмелее насмешливо произнес:

— Уж мы-то не знаем, спросите у прораба Сазанкова..

Дмитрий Андреевич прошел в прорабскую и накричал на Сазанкова. Прораб оправдывался:

— Поймите, Дмитрий Андреевич, не мы виноваты. Взрывпром не прислал взрывчатки, а два компрессора, предназначенные для нас, находятся в пути. На участке есть еще два компрессора, но один не имеет шлангов, второй еле-еле питает пару молотков, да и то сейчас встал из-за поломки. Работать-то надо, ну, мы и работаем вручную.

— А вы что же? Те не прислали, другие не дослали, а вы успокоились на этом?—в сердцах бросил Сосков.

Он тут же позвонил на центральный склад, потребовав срочной доставки шлангов. Вскоре он услышал из своего кабинета мелкую дробь пневматических молотков, разбивавших мерзлую землю.

К Соскову в это время заглянул мастер, работавший на рисберме.

Д. А. Сосков (справа) на рабочем участке.

— Заходи, заходи, голубчик, — пригласил его Сосков: — Расскажи, как работаешь, что нового? — У него в столе лежал рапорт начальника участка о том, что мастер во время дежурства напился и уснул в забое экскаватора. Механизаторы, ребята озорные, взяли да и погрузили его ковшем экскаватора на самосвал, но когда шофер подъехал к месту свалки грунта, на машине мастера уже не было. Он, видимо, протрезвился и выпрыгнул. Сколько было потехи потом, передать трудно.

— Так что же нового? — спокойно допытывался Сосков.

— Что нового? Да вы же знаете, Дмитрий Андреич, — нерешительно, переминаясь с ноги на ногу, еле слышно проговорил мастер.

Он явно трусил, хорошо помня, что за появление на работе в нетрезвом виде Сосков уволил с работы старшего прораба Тютяева.

— Ничего не знаю. Говори. — Сосков заставил мастера по порядку рассказать о своем проступке. Тот краснел, потел, не знал, куда глаза вести.

— Дмитрий Андреич! Только прошу не увольнять со стройки. Больше не будет со мной такого...

— Не будет! Знаю я вашего брата... не будет! — и вспыхнув, как спичка, Сосков хлопнул ладонью по столу:

— Не туда идешь, не туда шагаешь! Вот что я тебе скажу. Люди ночами и днями работают в котловане, чтобы быстрее построить станцию, не считаются ни с чем, а ты в такое время вздумал пить? Позор! — и, закурив папиросу, сказал: — Иди. Скоро будет партийное собрание, там разберем это дело, чтоб не повадно было другим.

— Но, Дмитрий Андреич!

— Иди, иди... Сумел провиниться, умей и отвечать.

Вечером в его кабинете собрался весь руководящий состав.

— Антон Антоныч, — обратился Сосков к Мельниконису, — как с арматурой?

— Металл нужных профилей на складах конторы техснаба есть. Завозим его на арматурный двор...

— А как с лесом, Василий Захарыч?

— Лесу достаточно, — коротко ответил Николенко.

— Вот видите, материалы есть, а план все еще мы не вытягиваем. В чем дело?

В разговор вступил Костюченко.

— Раньше с меньшим планом рабочей силы у нас было достаточно. Иногда она даже простаивала. А сейчас не хватает рабочих.

— Знаю об этом, и об этом хотел поговорить с вами. По приказу заместителя министра руководство стройки сосредоточивает все усилия на пусковых объектах. Во все подразделения дана разнарядка на выделение рабочих в котлован. На днях к нам прибудет около тысячи строителей разных профессий, а с наступлением весны, как и в прошлом году, придет около двух тысяч комсомольцев из районов области. Нужно хорошо подготовиться к приему их. Начальникам участков надо немедленно продумать вопрос о формировании бригад, об обеспечении их всем необходимым, о предоставлении фронта работ... Товарищ Велонишкис, вы готовы принять через два дня 600 рабочих?

Велонишкис почесал затылок.

— А куда же я их дену?..

— Это ваше дело. Продумайте, — возразил Сосков. — Где-где, а на здании ГЭС работы достаточно.

Велонишкис, прикинув в уме, что даст увеличение рабочих, согласился.

— Ладно. Расширим имеющиеся бригады и организуем новые.

Как ни строго предупреждал Сосков о тщательной подготовке к приему новых рабочих, однако, не обошлось без неприятностей. Люди приходили и толпились в коридоре управления, не зная, куда идти. Потолкавшись, группами шли на улицу покурить. Поднимали смех, крик. Друг у друга осведомлялись:

- Откуда такой?
- А ты откуда?
- С водного транспорта.
- Значит, моряк.
- Выходит, что так.
- Что будешь в котловане делать?
- Сам не знаю пока. Но думаю поставят плотником. А тебя?
- Я слесарь из управления механизации. Слесарем и стану работать.

В коридоре разговор шел на ту же тему. Беспощадно дымя махоркой, два молодых парня толковали:

— Я работал в энергохозяйстве монтером. Поставят ли здесь на монтерскую работу?

— А почему нет? Поставят.

— Но ведь здесь нужны бетонщики, арматурщики и другие специальности...

— А ты переучивайся на арматурщика.

— Долго, поди. Пока учишься, заработаешь мало.

— Привыкнешь. В помощь дадут опытных парней.

Заметив толкотню, Сосков вызвал к себе Николенко и Мельникониса, спросил:

— Почему народ не оформляете и не посылаете на участки? Отберите по профессиям, оформите через отдел кадров и отправляйте на работу. Гулять некогда.

На участках также не все шло гладко. Начальники посылали к мастерам, новички же в поисках их теряли не только часы, но и дни.

Через неделю все уладилось. Люди были расставлены по бригадам. Для оказания помощи к ним прикрепили опытных инструкторов из числа наиболее квалифицированных рабочих. А еще через неделю новички работали уже не хуже старых рабочих.

Неоценимую услугу оказали агитаторы. Они рассказали о задачах коллектива по сооружению гидростанции, познакомили с элементарными обязанностями каждого рабочего.

С прибытием нового пополнения количество укладываемого бетона за день начало постепенно увеличиваться, но еще не стало таким, какое полагалось по графику. Обходя объекты, Сосков мысленно отметил, что люди стараются. На опалубочном дворе его встретил прораб Кузнецов. Сосков спросил:

— Семен Михайлыч! Как новички?

— Работают. На первых порах я поручил им разбирать старую опалубку. Это они освоили быстро. Сейчас влил их в основные бригады. Вот эти щиты сделаны руками новичков, — и Кузнецов показал на аккуратно сложенный штабель новой опалубки.

Недалеко от опалубочного двора, на крутом берегу котлована, рядом с кабелькранами, раскинулась площадка по приготовлению армокаркасов. Подбирая по чертежам нужный профиль металла, арматурщики раскладывали его по горизонтали, а затем ставили по вертикали. Вслед за ними

электросварщики варили металл на стыках, а газорезчики обрезали излишние выпуски.

Слаженно шла работа и в организованных комплексных бригадах Елова и Нестерова. Каждый член бригады выучился смежным профессиям и мог без труда заменить своего товарища. Если в бригаде недоставало арматурщиков, ими становились плотники, выполняя работу несколько не хуже, как будто это была их основная специальность. Взаимозаменяемость давала хорошие результаты. Комплексные бригады в два-три раза перекрывали полученные задания.

По узкой лестнице, проложенной из спиральной камеры первого агрегата, Сосков взобрался на 82-ю отметку второго агрегата. Здесь на подгенераторном цилиндре работала бригада Нестерова. Она ставила арматуру и опалубку. Бригадир, уцепившись за металл, наклонился вниз и давал указания плотникам. Сосков посмотрел туда. Он хотя и привик лазить на верхние точки, но тут ему сделалось не по себе. Между бетонными гнездами второго и третьего агрегатов еще зияла глубокая пропасть. Сосков невольно подумал: „Ничего себе—высота!..“ Здесь опасно работать, особенно зимой, когда рабочие одевают теплые стеганые ватники и брюки, валяную обувь, на руки варежки; в таком одеянии человек становится менее поворотлив, руки и ноги ему менее послушны, чем летом. А если добавить к этому обжигающий ледяной ветер, дующий неистово с поймы реки, тогда становятся понятны те трудности, какие ежедневно преодолевают строители-верхолазы.

Нестеров обернулся и, заметив Соскова, поздоровался.

— Работа идет,—сказал он.—Нашим ребятам и зима нипочем. Готовьте фронт для следующей недели, Дмитрий Андреевич.

— Фронт будет. А как у вас с техникой безопасности? Все ли имеют предохранительные ремни? Дорожите человеческой жизнью, Павел Михайлыч.

— Ребята работают не первый год. Вот разве новички?!

— Вот именно новички. Обратите на них самое серьезное внимание.

Над головами Соскова и Нестерова медленно проплыла тележка кабель-крана. С нее спускался трос, на гаке которого была зацеплена связка арматуры. Железо покачивалось в воздухе из стороны в сторону. Но поднятый высоко груз казался связкой легких прутьев. Где-то близко телефонистка кричала:

— Майна, майна!

На третьем агрегате шла укладка бетона в бычок верхнего бьефа. Бетон сюда подавался насосом. Слышно было, как густая бетонная масса шуршала гравием о стенки чугунного бетонопровода.

На блоке работала бригада Тараканова. Заметив приближающегося к ним начальника, бетонщики оживились. Они усердно нажимали на вибраторы. Не успел Сосков спросить об их работе, как услышал, что бетононасос встал.

— И часто он останавливается?

— Раз десять за смену... не столько работаем, сколько отдыхаем,—ответила молодая девушка, стоявшая на прутьях арматуры.

— А механик знает?

— Может, знает, может, нет... Откуда нам известно.

Сосков спустился по бетонопроводу вниз. У насоса бегали в растерянности двое молодых рабочих, пытаясь безуспешно разыскать неисправность. Возле ожидали два самосвала, привезшие в бадьях бетон.

— Вот так мастера! Что у вас? — и, не дождавись ответа, Дмитрий

Андреевич стал осматривать насос. В нем повреждения он не обнаружил, но, взглянув на мотор, заметил, что на соединительном проводе изоляция разматалась, получилось замыкание цепи с землей, ток утекал, а в мотор не поступал, насос не работал.

— Вот где собака зарыта! Смотрите, — он показал ребятам место повреждения и сам принялся исправлять его.

На монтажной площадке Сосков встретил начальника строительства Юринова. Дмитрий Михайлович был в коротком зимнем пиджаке (так сподручней лазить по лесам и блокам), валенках и в шапке со спущенными, но завязанными сзади „ушами“. Чувствовалось, что он был чем-то недоволен. На приветствие Юринов кивнул головой и отвернулся в сторону. Пояснить состояние дел ему не надо было. Старый гидростроитель, он сразу замечал промахи и успехи. Пройдя на первую секцию здания ГЭС, Дмитрий Михайлович долго стоял над кратером первого агрегата.

— Торопитесь, Сосков, — сказал Юринов, — монтажники не будут ждать. Им нельзя ждать. Время не позволяет... „Все — для монтажников“, — вот под каким лозунгом вы должны работать... — и, подняв голову кверху, добавил: — Когда выйдет пятисоттонный кран на первую секцию?

— Это надо спросить гидромонтаж, Дмитрий Михайлыч.

— Гидромонтаж само собой. А вы? Где ригеля и поперечные балки? Почему медлите?! Спешите, Сосков, еще раз вам напоминаю. Подчините монтажу все работы.

Начальник строительства и главный инженер почти каждый день бывали на объектах. Обычно они заходили в первой половине дня, но сегодня Юринов нарушил свой распорядок. Завтра ожидался приезд иностранной делегации, поэтому он решил накануне продумать маршрут для них непосредственно на месте.

Через неделю коллектив управления основных сооружений правого берега одержал невиданную до сих пор производственную победу — в блоки основных сооружений за сутки было уложено 2000 кубометров бетона. Но успокаиваться было слишком рано. Впереди предстояло сделать еще немало.

Весна в 1955 году выдалась дружной. Зимние метели свирепствовали весь февраль и первую половину марта, во второй половине первого весеннего месяца уже слышалась звонкая капель. В апреле образовались непроходимые лужи. Вода залила половину финского поселка и отдельные улицы Лесозаводской стороны. Гидрометеобюро ежедневно передавало тревожные сводки. Ожидался невиданный паводок. По строительству был издан строгий приказ — всем подразделениям бросить основные силы на подготовку к паводку. В соответствии с общим приказом по строительству Сосков и Костюченко разработали мероприятия по правому берегу. Чтобы спасти котлован от возможного стихийного затопления, стали укреплять перемычки и левобережное сопряжение. Сюда направили большую часть автотранспорта для перевозки камня, гравия и песка, экскаваторы, значительную партию рабочих. Это не могло не сказаться на темпах укладки бетона. К тому же на складах конторы материально-технического снабжения оказалось мало цемента. Бетонный завод простаивал. Снижению выработки способствовало и то, что верхние блоки по конфигурации были сложнее, на них требовалось бетона меньше, на зато работы были более трудоемкими.

Графики, составленные Сосковым, снова трещали по всем швам. За короткий период Сосков получил от начальника строительства несколько строгих выговоров, а от партийного комитета — строгих предупреждений. Он находился в котловане ночью и днем. Люди видели его на работе в любое

время суток. Но эти „бешеные“ дни не отразились на его внешнем облике. Он всегда был чисто выбрит, ходил в хорошо отутюженных брюках. Разве только несколько похудел. Если бы не излишняя вспыльчивость, можно было бы подумать, что нависшая угроза паводка его мало беспокоит.

Возбуждение Соскова было вполне оправдано. Он держал серьезный экзамен перед собой, перед руководством строительства, перед партией. Сумеет довести строительство до конца—значит, созрел, значит, ему смело можно давать выполнение ответственных поручений и в будущем. Дмитрий Андреевич это прекрасно понимал и старался не уронить своей чести.

Принятые меры по борьбе с паводковыми водами спасли котлован. Однако было потеряно около полутора месяцев, и это время нужно было наверстывать. По инициативе комсомольцев стройки, работники других управлений и предприятий стали выходить в котлован на воскресники убирать строительный мусор. Сосков сам принимал в работе непосредственное участие: он таскал старые щиты, щепу, арматуру наравне со всеми.

Выработка по земле и бетону снова стала увеличиваться. Однако у начальника появились новые заботы. До затопления котлована необходимо было закончить строительство понура и гибкой рисбермы, всесторонне подготовиться к перекрытию русла Волги. На эти работы он и сосредоточил главное внимание.

Понур—это водонепроницаемое покрытие перед зданием ГЭС, предохраняющее сооружение от подмыва и фильтрации вод. Строился он из глины, битума и железобетона. Глину возили с Урковского карьера, находившегося в конце правобережной земляной плотины и удаленного от ГЭС на 8 километров. К месту разгрузки глины был сделан только один подход. При усиленном потоке транспорта создавалось скопление машин, которое нужно было регулировать. Сосков держал засыпку понура под постоянным наблюдением. Он поставил туда диспетчера, который день и ночь руководил пропуском автотранспорта. Вскоре засыпка глины, покрытие ее битумом и железобетоном были закончены.

Подходили к концу и работы на гибкой рисберме.

Возвращаясь с обеда в контору управления, Сосков прошел по проспекту Сталина. Он смотрел на белые каменные дома и думал: „А ведь в эти дома и мой труд заложен“. Да, и много труда. В первые годы стройки, его—инженера по промышленному и гражданскому строительству, только что окончившего Горьковский строительный институт имени В. П. Чкалова, министерство направило на строительство Горьковской ГЭС. Дмитрий Андреевич был назначен старшим мастером управления жилищного строительства, через семь месяцев—прорабом участка, затем—старшим прорабом, а вскоре он стал начальником управления жилищного строительства. Характеризуя молодого инженера для представления в министерство, начальник строительства Дмитрий Михайлович Юринов писал о Соскове: „энергичный, инициативный молодой специалист... Показал себя хорошим организатором и технически грамотным работником“.

Организаторские способности молодого инженера не остались незамеченными. И вот теперь он—начальник УОСа правого берега. Это не пришло само по себе. Все годы работы на стройке Сосков упорно и настойчиво учился. Учился по книгам и периодическим журналам, учился у практиков-строителей, учился у рабочих. Каждое ценное слово или совет он впитывал, как морская губка влагу. Учебу и работу Сосков сочетал с общественной деятельностью. Он был депутатом поселкового Совета и членом партийного комитета строительства. Много сделал Сосков по благоустройству поселка не только как начальник участка и главный инженер, но и как

депутат. Избиратели шли к нему с жалобами и просьбами, и он чутко относился к ним, старался удовлетворить их желания. Как член партийного комитета и депутат, он выступал с политическими докладами перед населением, помогал молодым секретарям партийных организаций оживить партийно-политическую работу.

В первой половине июля 1955 года начальник строительства отдал приказ о демонтаже оборудования и разборке строений в котловане. Это означало, что в основном все подводные работы на здании ГЭС и водосливной плотине были завершены.

12 августа 1955 года котлован был затоплен. Это событие прочно вошло в память Соскова...

... Синее глубокое небо. Горизонт не омрачает ни одна тучка. Солнце стоит в зените, и хотя оно греет жарко, но речная прохлада освежает лицо. С трибуны Дмитрий Андреевич наблюдает колыхание тысяч людских голов; люди волновались так же, как и он: ведь это сооружение—дело их рук! На верховой перемычке народа скопилось не меньше, чем на берегу котлована. Там земснаряд начал свою работу. Через десять минут мутная волжская вода устремилась к плотине. Огромные водяные валы катились по подводящему каналу, ударялись о затворы плотины—и рассыпались на мелкие брызги. Вода поднималась все выше и выше. На ее поверхности мелькали белые пенные пузыри. Вскоре в котлован зашел катер. Он свободно проходил там, где всего день тому назад еще стояли брезентовые палатки—временные командные пункты для прорабов, мастеров и начальников участков. Через открытые щиты ГЭС и водосливной плотины вода устремилась в нижний бьеф, стремительно несясь на соединение с Волгой...

После митинга Дмитрий Андреевич пришел домой радостно возбужденный. Он подхватил на руки дочку и стал с ней кружиться по комнате.

— Праздник, Лариса, понимаешь, праздник сегодня,—шептал он.

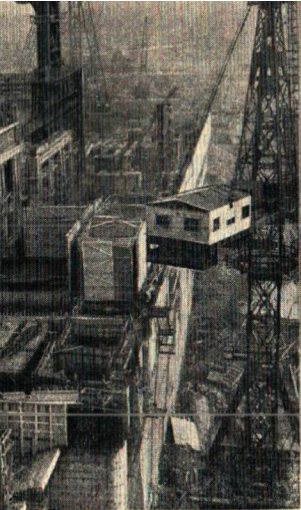
Дочь оживилась, звонко смеялась, ухватив отца за шею, ласкалась к нему. За праздничным столом Дмитрий Андреевич вспоминал с женой—Галиной Александровной Дубровиной—прожитые на стройке годы.

— А помнишь, как мы жили в барже: гостиница „Балахна“, мерзли и недосыпали. Смешно даже вспомнить! Да... А теперь и поселок выстроили и скоро станция даст ток. Сегодня—только первая победа...

... Через две недели было перекрыто русло реки Волги. Только благодаря тщательной подготовке этот процесс можно было провести за 12 часов. Сосков и секретарь парторганизации управления Соколов провели в партийных группах собрания, отобрали передовых рабочих—коммунистов и поставили их в качестве регулировщиков движения автомашин по понтонному наплавному мосту. На скорейшее выполнение задачи были мобилизованы водники, механизаторы, водители самосвалов и строители, и они добросовестно выполнили возложенные на них обязанности.

С затоплением котлована количество механизмов уменьшилось, маневренность их ограничилась. В первое время это создавало известную трудность. Часто бывало так, что один и тот же механизм был нужен в одно и то же время разным участкам. Как же быть? Не разрывать же его на части. Руководство строительства все краны—сухопутные, водные и железнодорожные—подчинило Соскову. На основании заявок он составлял график, в котором указывал, какой участок и в какие часы пользуется тем или иным механизмом. Но такой жесткий распорядок не всех удовлетворял. По этому поводу очень часто возникали споры.

Но спорили не только из-за кранов. Гидромонтажники требовали быстрее

Строительство здания ГЭС.

бетонировать закладные части щитов на верхнем бьефе, скалывать излишний бетон, спецгидромонтажники — очищать проходы к агрегатам от мусора, срезать ненужные выпуски арматуры, форсировать строительство перекрытий на агрегатах и эстакады для пятисоттонного крана. Дмитрий Андреевич должен был удовлетворять их требования, успокаивать, обещать, что работы будут выполнены согласно утвержденному графику. Но случилось, что его заверения оказывались и невыполненными: то вовремя не сумел проверить состояние работ, то его подвели начальники участков. Это волновало, мучило. Настроение резко понижалось. Больше всего он не любил тех, кто легкомысленно бросал обещания на ветер, а вот случилось, что и сам он оказывался в положении таких людей. Но он тут же стремился исправить допущенные ошибки, сделать, что от него зависело.

Монтаж первого агрегата шел полным ходом. Уже опустили рабочее колесо первой турбины, собирали статор и ротор, на монтажной площадке вели сбор узлов других агрегатов. Начальник строительства с монтажом торопил. На плановых совещаниях, которые проводились у него по субботам, он все строже и строже требовал, чтобы Сосков спешил, не задерживал монтажников. Дмитрий Михайлович Юринов говорил:

— После затопления котлована и перекрытия Волги появилась непонятная самоуспокоенность. Она может вредно отразиться на монтаже.

Эту же мысль подчеркивал и секретарь партийного комитета Александр Николаевич Калянов.

— Сроки затопления котлована и перекрытия Волги сорваны. Сорван и срок пуска первого агрегата. Эта незначительная оттяжка со сроками во многом обусловлена длительным весенним паводком. Однако и ваш коллектив, Дмитрий Андреевич, тут повинен. До конца года, как теперь выяснилось, мы можем сдать только четыре агрегата. Направьте усилия коллектива на решение этой задачи.

... Время летело так быстро, что Сосков не заметил, как прошло лето и наступила осень, холодная, с пронзительными ветрами. Заканчивались монтажные работы на первом агрегате. И вот, наконец, долгожданный день наступил — 2 ноября 1955 года Горьковская ГЭС дала промышленный ток стране.

До конца 1955 года строители и монтажники сдали еще три агрегата.

V

Зима 1955-56 года стояла суровая и многоснежная. Морозы доходили до сорока градусов. Но, несмотря на лютую стужу, строители трудились не покладая рук. В развернувшемся соревновании в честь XX съезда партии

они обязались сдать в эксплуатацию ко дню съезда пятый агрегат, значительно продвинуть вперед земляные работы по правобережному и левобережному сопряжениям, закрыть гребенку водосливной плотины.

Ведя сборку агрегата в закрытом помещении, монтажники шли в графике. Хуже обстояло дело с земляными бетонными работами. В условиях сильного мороза грунт для засыпки сопряжений приходилось рвать взрывчаткой, потом черпать его экскаваторами, погружать на самосвалы и транспортировать на место засыпки, где бульдозеры утрамбовывали его. Мороз выводил из строя машины и особенно бульдозеры, так как топливо застывало.

Забота о машинах отнимала почти все рабочее время.

Не лучше обстояло дело и на водосливной плотине. Вода просачивалась в промежутки между затворами, и нередко откваченный пролет снова заливалось водой. Часто выходили из строя трансформаторы. Прекращение подачи тока останавливало насосы, и снова вода заливала пролеты. Все эти трудности требовали правильного инженерного решения, которое Дмитрий Андреевич мучительно искал и находил.

После очередного оперативного совещания, которое проводил главный инженер строительства, Дмитрий Андреевич направился домой, но его потянуло пройти вечером по всем строительным объектам.

На участке плотины 1—2 усиленно подсыпали грунт для того, чтобы заполнить пустое пространство между земляной плотиной и правобережным устоем гидроэлектростанции. Бесперывно проходили самосвалы, опрокидывая свои тяжелые кузова. Сброшенный ими грунт тут же подхватывался бульдозерами и подтягивался на более высокую отметку. Каждый ход бульдозера обозначался широкой вдавленной полосой, как после тяжелого утюга...

Сделав несколько замечаний, Дмитрий Андреевич направился на монтажную площадку. Здесь при свете прожекторов с помощью стотонного крана такелажники переносили детали и узлы последующих агрегатов, в стороне под брезентовой палаткой монтажники собирали ротор. Стучали деревянные молотки, звякало роторное железо...

На водосливной плотине все пролеты были закрыты. Ранее бушевавшая здесь вода утихомирилась. На верхнем бьефе она покрылась толстым слоем льда, на нижнем, увлекаемая потоком, прошедшим через турбины, стремительно неслась вдаль, где снова ее ждали ледяные оковы.

В конце водосливной плотины мерцали огненные точки. Это на левобережном сопряжении самосвалы возили грунт, а бульдозеры разравнивали его и уплотняли, чтобы прочнее была плотина, чтобы выдержала напор весеннего паводка и вод Горьковского моря.

Несмотря на ночь, кругом было светло. Ослепительно искрились лампы на ГЭС, на поселках и в Городце.

На всех объектах работа шла дружно...

В дни работы XX съезда—19 февраля состоялся пуск пятого агрегата. В машинный зал собрались монтажники, руководители работ. Был среди них и Сосков. В зале стояла тишина, нарушаемая лишь монотонным гулом работающих турбин. На панелях управления прыгали стрелки приборов. Дежурный инженер пристально следил за их поведением. Но было все в порядке. Агрегат работала нормально, посылая через преобразователи по проводам волжскую энергию фабрикам, заводам, колхозам.

Наступили последние минуты перед пуском пятой машины. Сжатым воздухом монтажники очистили от пыли все верхние узлы. И вот подана команда:

— Открыть направляющий аппарат!

Вода устремилась в турбину. Вал генератора вздрогнул и постепенно стал набирать скорость. Приборы показывали мощность 5, 10, 15, 20... тысяч киловатт. С каждой минутой она увеличивалась, и вот дошла до предела.

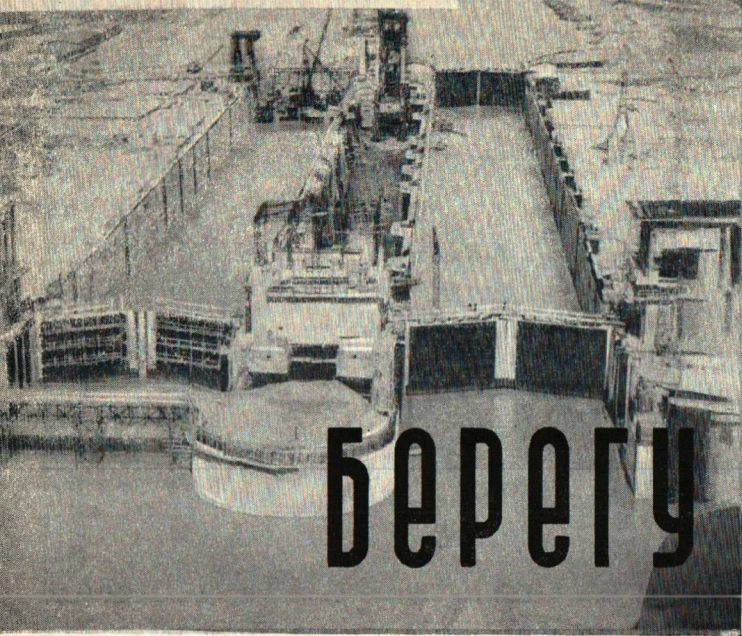
У Соскова защеколало в горле. Он повернулся и встретился взглядом с Соколовым.

— С победой, Дмитрий Андреевич!—взволнованно произнес Соколов и с чувством пожал Соскову руку.

— И вас также...—ответил Дмитрий Андреевич и, подумав, добавил:— Впереди еще много работ, много трудностей... не надо забывать об этом.

— Одолеем... Обязательно одолеем!—и, поглядев друг на друга, они весело и радостно засмеялись.

На левом

БЕРЕГУ

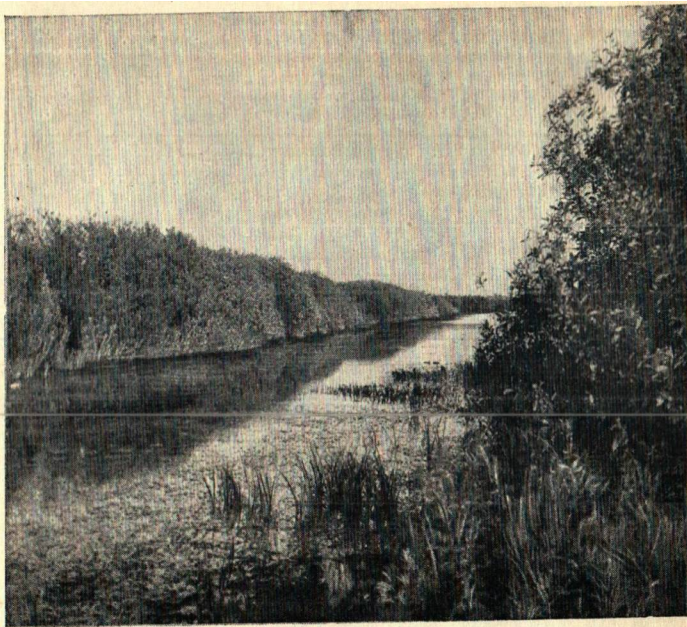
ДРЕВНИЙ ГОРОДЕЦ ОМОЛАЖИВАЕТСЯ

Зосима Львович Серый прибыл на стройку в Городец в 1948 году еще молодым инженером, но уже, впрочем, имеющим серьезный опыт в гидростроении: целых четыре года он работал на восстановлении Днепрогэса. В то время еще цвели купавами вдоль пойменного берега Волги топкие болота. В камышах гнездились утки, над болотами летали стаи куликов. Жители Городца мирно ловили рыбу с лодок и в заводях стерегли карасей, а в ближайшей рамени леса собирали грибы.

Когда городецкая хозяйка узнала, что инженер Серый тут будет строить плотины, она с сожалением поглядела на него и сказала:

- Батюшки святы, что делать инженеру в болоте?!
- Строить будем, — ответил молодой инженер.
- Да разве на болотах строят? Кому тонуть охота?

А по окрестностям Городца, на правом и левом берегах Волги, по полям и по топам, по зарослям лесов и кустарников бродили уже дотошные люди

Озеро в левобережной пойме.

с оптическими приборами, с вешками, с лейками. Они что-то измеряли, высчитывали, бурили землю, разглядывали ее, увозили куда-то. Это были геодезисты. Люди бывалые, они не боялись ни болот, ни лесов.

Квартирная хозяйка как-то спросила молодого постояльца:

— Аль золото ищут?

— Нет,—ответил он,—хотим Волгу перегородить, хозяйюшка.

Хозяйка захохала, захохала, перепугалась вконец. Уж не с сожалением, а с неприязнью поглядела она на постояльца.

— Нет, батюшка, божью волю не пересиличишь,—говорила она каждый раз, как только он уставшим приходил с работы, а она согревала ему самовар.— Тут Волга-матушка река. Ее вольную-раздольную, голубушку, не остановишь. Тысячу лет город на Волге стоит, и не было такого, чтобы кто останавливал ее.

— А мы, хозяйюшка, остановим.

Инженер Серый сперва работал рядовым прорабом, жил в городе и строил линию механических опор. Зимой в лютую стужу соединил он левый берег с правым, руководил укладкой на дно Волги тяжелых кабелей. На дне эти кабели замывали водолазы. И только после того, как левый

берег был обеспечен электроэнергией, здесь начали разворачиваться строительные работы, которые возглавил Серый (он вскоре был назначен начальником Управления основных сооружений левого берега Волги). Ему выпало на долю возводить земляные плотины, и перегораживать русло Волги, и двигать шлюзы, и прорывать обводный канал, и строить рабочий городок, дороги и все подсобные промышленные сооружения.

Подсобные сооружения—это звучит будто очень скромно, буднично, а на самом деле каждое подсобное сооружение, взять хотя бы, к примеру, бетонокомбинат,—это огромный строительный объект, потребовавший много времени и сил. А таких подсобных предприятий пришлось возводить немало.

ШКОЛА ОПЫТА

Быстрыми темпами воздвигались на болотах подсобные сооружения... Об этом легко сказать. А в жизни был очень тяжелый и большой труд. Редко Серый приходил домой на ночь. Хозяйка только головой качала, когда он падал утомленным на подушку. А говорила она все одно и то же.

Левобережная пойма.

— Эх, дела, дела не божи. Мы всем Городцом маленькую речку Змейку пробовали запрудить—и то не запрудили. А уж сколько навозу побросали в реку, сколько мусору,—все снесло. Как корова языком слизала.

Забот у Серого была уйма. Прежде чем строить плотину и шлюзы, надо было обеспечить рабочих жильем.

Внизу у Волги—болота, повыше—голое поле...

Началась подготовка тылов. На высоком берегу выросстал рабочий поселок, однотипные каменные дома на широких улицах. Внизу на стройплощадке появился лесозавод, бетонокомбинат взметнулся вверх своими эстакадами и высокими башнями.

Заболоченная пойма реки Волги превратилась в стройплощадку. Над некогда спокойной водной гладью матушки Волги, знавшей только жалобный писк чибиса да курлыканье журавлей, поднялся гомон молодого рабочего люда, многоголосого, задорного, уханье молотов, острее тыпанье топоров, железный скрежет кранов, скреперов и лебедок. Кулики и утки, перепуганные гудками автомашин, рабочим шумом, улетали в тихие края.

На левом берегу Волги, по зеленой пойме проложили дороги, и по ним пошли пешеходы, поползли тракторы, помчались легковые машины. По водам Волги поплыли к причалам новостройки баржи с песком, с гравием, лесоматериалом и прочими грузами. Гравий и песок шел из Плёса, цемент из Вольска, шлакобетон из Балахны. Страна снабдила горьковчан мощными землеройными и землесосными машинами, гигантскими подъемными кранами, превосходными автосвалами. Тяжелые сильные механизмы поступили из Горького, Ярославля, Москвы. С Уралмаша прибыли экскаваторы, краны, из Минска—самосвалы. Сотни заводов страны предоставили стройке металл, оборудование, строительные материалы, запасные части.

И вот началось то буйное кипенье жизни, которое воцаряется везде вместе с началом индустриальной стройки.

Скоро в сказке сказывается, да не скоро дело делается. Легко сказать— „началось буйное кипенье“, а на деле всю ту неорганизованную деревенскую массу юношей и девушек, прибывшую на строительство из разных краев, надо было обучить, воспитать, привить им уважение к технике, индустриальному труду и коллективным формам жизни.

Председатель цехового комитета левого берега Николай Степанович Малютин, прошедший путь от простого парня и рядового плотника до профсоюзного вожака огромной массы строителей и своей собственной судьбой явивший ярчайший образец того замечательного процесса перековки, в котором деревенская масса людей переваривалась, фигурально выражаясь, в рабочем котле индустриального труда, сколачиваясь в дружные, организованные, опытом умудренные и надежные рабочие коллективы,—Николай Степанович теперь имел под своей рукой в разгаре стройки три тысячи рабочих, из которых только половина была охвачена профсоюзом и которых надо было каждодневно воспитывать.

— Вот какой был народ. Некоторые женщины решительно отказывались быть членами профсоюза. „Пошла бы, говорят, да на билете написаны слова: „Профсоюз—школа коммунизма“, а мы—верующие, крест на шею носим“. Добился, что они по-другому стали смотреть на профсоюз. Потом сам провожал их на новую стройку, поехали квалифицированными мастерами.

Простое слово—„перевоспитать“, а какой трудоемкий это процесс. Мы им—читальни, Красные уголки в тепляках на самых участках работы и в общежитиях. Артистов, концерты, лекции... Слушайте, учитесь, забавляйтесь. Сколотили ядро активных членов профсоюза. На них я потом

Начало строительства шлюза № 13.

опирался как на рычаг. Парторганизация крепко помогала нам, поддерживала нас, поскольку партия—руль всему делу. На профсоюзную работу, уважаемый писатель, еще кое-кто свысока смотрит. А она требует будничного подвига, некрикливого, незаметного,—тогда она работа. На плотине, на шлюзах обрабатывали мы массу, в труде, на отдыхе, в школе, в кино, в столовой и в общежитии. Выделялись передовые рабочие, отмечались, премировались, в газетах их имена гремели. И ведь вырос коллектив—любо-дорого взглянуть. Сейчас держит переходящее Красное знамя всего строительства, заметьте—всего строительства, коллектив арматурного двора.

Малютин вынул Книгу почета УОСа* левого берега, положил ее на стол. Я раскрыл ее и увидел в этой тяжелой красивой книге портреты первых из первых рабочих стройки. Это были все молодые, энергичные энтузиасты труда, получившие здесь работу, навыки, квалификацию и коммунистическую идеологию передового рабочего. Это были портреты: плот-

* УОС—Управление основных сооружений.

ника Королева, слесаря Брусникина, арматурщика Гришина, изолировщика Четкова, электросварщика Богомолова и двух совсем молодых, но выдающихся работниц Люды Князькиной, Вари Приваловой.

— Как мы раздували соревнование?—говорит Малютин.—Молодежь соревновалась со стариками. Женская бригада с мужской... Всяко. Только бы на пользу делу было,—и переварили массу.

Вот так и появились свои кадры рабочих на ГЭС—слесари, электросварщики, арматурщики, бетонщики, мотористы, словом, целая армия строителей, навсегда связавших свою судьбу с судьбой советских гидростроений.

И верно, руководителям приходилось быть не только строителями, но и воспитателями масс.

— Видели, убеждались, радовались, что из деревенских паренков и девушек на виду у нас получались отличные рабочие,—говорил Серый.

На плотине отбирались комсомольские бригады сплошь из девушек.

Бригада Вари Приваловой, например, никогда не отказывалась от самых неприятных и тяжелых работ. И всегда выполняла их точно и в сокращенные сроки. Девушки этой бригады все начали учиться. Они занимаются спортом.

На каждом объекте стройки стали выделяться люди, на которых можно было положиться, которые служили примером в работе для других. На

Инженер З. Л. Серый (слева) беседует с рабочими.

бетонокомбинате левого берега вышла вперед Любовь Князькина, прекрасная производственница-мотористка. Она потянула за собой остальных, обеспечивая своевременную работу транспортера, подачу инертных материалов.

Среди плотников выделился русской сметкой своей Власов, он потом вырос до мастера. Большую изобретательность в своем деле выказала бригада каменщиков Сухорукова. Среди бетонщиков отличилась бригада Козлова. Козлов начал с разнорабочего, копал траншеи под фундамент, расчищал территорию от кустарника, вырос до бригадира, и все члены бригады его овладели несколькими профессиями. Куда ни ставили бригаду Козлова: стены ли возводить, раствор ли готовить, шлакобетон подносить, дороги ли мостить, все она могла, все умела, со всем справлялась. Ни метель, ни мороз—ничто не останавливало эту бригаду. На арматурном дворе высоко поднял дело мастер Лазарев.

— Я взял его к себе заместителем,—сказал Серый,—и не ошибся. Отличный получился из него организатор.

Так вместе с ростом стройки росли, развивались, квалифицировались, отбирались, выявлялись лучшие производственники. Работали вечерами, учились на курсах, в электротехникуме и поднимались до мастеров, мастера до техников, техники до прорабов.

На всех трех участках Управления левого берега подобрались дельные начальники. На плотинах—Серов, на шлюзе № 13—Палагичев, на шлюзе № 14—Михеев. Разные характеры, но все хорошие работники.

Ими умно и деловито руководил З. Л. Серый.

Все отмечали в Сером—и рабочие, и инженеры, и служащие—его твердость характера, осведомленность в строительной технике, справедливость в оценках людей, принципиальность в поступках и отзывчивость к рабочим. Он оказывал помощь рационализаторам, боролся с бракоделчеством, внедрял передовые методы труда, углублялся в соревнование.

— У нас начальник стоющий,—говорят про него рабочие.—Дверь его всегда для нас открыта. К каждому подход у него правильный. Он со строителями полную увязку имеет.

О нем инженеры говорят:

— Человек большого опыта и разносторонне культурен. Приятно иметь такого начальника.

И даже шофер Толя сообщил про него интересный штрих:

— Дали нашему Зосиму Львовичу новенькую „Победу“ для деловых разъездов. Блестит, как новый пятиалтынный. Я был очень рад, а он наотрез от машины отказался. „Неудобно, Анатолий, говорит, на такой праздничной машине по рабочим объектам стройки разъезжать, как по гостям“.

И добавил Толя грустно:

— Починили вот этот вездеходик старенький, его здесь козлик зовут, на нем и мотаемся по стройке.

Один раз мы разговорились с Зосимой Львовичем о судьбах инженера-гидростроителя, вынужденного жить на новостройках, часто в захолустье, среди необжитых мест, толкучки, скопления рабочего люда, стремительных темпов производственных тревог. Только что выстроил плотину, обустроил местность, наладил свой быт и—подавайся на новое место.

— Захолустье или то, что раньше называли провинцией, по-моему, в условиях советской жизни, понятие не территориальное, а психологическое,—сказал Серый.—Ветхого Адама по психологии можно встретить и в Москве, а человека с смелой мыслью и высокими страстями—везде найдешь, где-нибудь вот вроде нашей стройки. Иной раз таких оригиналов встретишь в так называемой глуши—в столице таких не сыщешь.

Я согласился с ним.

— Трудна, тяжела и иной раз неустроена наша жизнь. А разве комнатная, тепличная, однообразная жизнь не скучна? Иной раз до такой степени нудна, страшна, что люди воют. И бросают ее ради вот такого беспокойства, как мое.

Я согласился с ним.

— Почти всю свою жизнь я прожил на стройках, на необжитых местах, на местах болотистых, лесистых, на берегах рек, среди шума машин, грузов, сборищ народа, на лесах стройки. Вот и здесь, на Горьковской ГЭС, я хлебнул немало всего. Это скрыто и от газет, и от парткома, и от жены. Иной раз уедешь с объекта, залезешь под одеяло и все думаешь: справится ли там такая-то бригада или нет? Ночью вскакиваешь, звонишь на участок стройки, спрашиваешь: справляются ли? И только тогда заснешь, когда ответят: да! Ни днем, ни ночью покоя нет. Иногда думаешь с досадой: и что это за скачка с препятствиями, твоя жизнь? Но когда я лишаюсь этой скачки, жизнь кажется бессмысленной, незаполненной. И тогда охватывает тебя непобедимая жажда деятельности. И ловишь себя на мысли, что если бы начал жизнь сызнова, то именно так бы жил, как сейчас. Сиди я в московском конструкторском бюро или в главке, словом, в кабинете, разве я узнал бы страну и людей и свое дело так, как я знаю теперь? Никогда. И в глубине души я не завидую, а жалею тех строителей, которые лишены этих могучих впечатлений жизни и цепляются за кабинетную работу, даже канцелярскую, лишь бы не быть в глуши. А инженеру, как и писателю, необходима гуща жизни.

Так как это отвечало моим настроениям и жизненным привычкам, то и в этом я с ним согласился, присовокупив, что те впечатления, которые я получил от ГЭС, не могут быть компенсированы никакой образованностью, никаким чтением или даже самым обстоятельным изустным рассказом очевидца.

Разговор происходил в красном уголке Управления. В окно виден был ажурный, стрельчатый пейзаж стройплощадки, в коридорах гудела и двигалась рабочая масса. Художник в углу писал оранжевый плакат о рационализаторе, в другом углу библиотекаря Люда выдавала рабочим книги.

— А ведь какая полнота жизненных красок на гидростройках, богатство ситуаций и какое разнообразие характеров. Совсем не в похвальбу, а так кстади пришлось заметить,—сказал Серый.—Все эти житейские сетования на людей, на быт, на обстоятельства, случайные вспышки гнева, мелкие неприязни и крупные неприятности, все они окупаются тем, что вот воочию видишь, как в результате твоих усилий изменяется лицо земли. Я уеду отсюда, но я знаю, что уже сейчас, когда мы перегородили Волгу и построили шлюз, изменяется местность до Щербакова. В этом и моя частица пота есть. Убраны, сдвинуты села, на Волге построены новые пристани, причалы, порты. Центр города Чкаловска перемещен в другое место. Водохранилище вызвало к жизни новую погрузо-разгрузочную технику, новый вид складов. Приятно знать, что все закипает, шевелится. Лицо Костромской, Ярославской, Ивановской областей тоже изменилось в связи с нашей работой на Горьковской ГЭС. И в этом—частица моего труда. Вот оно—невыдуманное ощущение счастья.

Он улыбнулся действительно счастливо.

— И вот я уже забыл, как ко мне приходили проникшие на стройку хулиганы и уголовники, грозили убить, рвали на себе у меня на глазах свои рубахи, царапали в неистовстве животы, требовали перевести их на более легкую, выгодную работу. Приходилось волноваться, горячиться...

Много нервов и крови потрачено на то, чтобы научить людей экономить гвозди, кусок теса, беречь инструмент, соблюдать ту культуру и навыки индустриального труда, на которых зиждятся великие дела. Мелкие обиды людей, всякие и по всем линиям трения, личные невзгоды,—как все это быстро уходит в прошлое и забывается перед лицом содеянного, исполненного долга, как на все это смотришь теперь с улыбкой, без надсады. А вспоминаешь события, когда приходилось ставить на карту жизнь перед лицом опасности... Я говорю о страшных случаях на строительстве. Один такой особенно памятен. Он был весной 1955 года, когда разъяренная Волга готова была свести на нет усилия тысяч людей, затопить технику, стереть все, что мы делали в течение нескольких лет, отбросить нас к начальным дням стройки, нанести нам колоссальные убытки, сорвать план строительства и отсрочить момент перекрытия Волги и пуск ГЭС еще на год, на два.

ГНЕВ ВОЛГИ

К весне 1955 года работы на сооружении шлюзов подходили к завершению. Шлюз № 14 летом должен был пропустить первые суда. От сооружения шлюзов зависели сроки перекрытия Волги. И ясно почему. Перекрывать реку можно только тогда, когда подготовлен выход судам из водохранилища.

Но вдруг весной наступило такое половодье, которое поставило строителей лицом к лицу с надвигающейся катастрофой.

— С водой всегда беды приходят в жизнь гидростроителей,—сказал Серый.—Я знаю, что половодье—одна из излюбленных тем для поэтов и живописцев. Их привлекают красота, ярость необузданной стихии,—он усмехнулся и опять лицо его приняло сосредоточенное выражение.—А если бы спросили экономиста, сколько половодье попортило железнодорожных насыпей, снесло стогов сена, мостов, мельниц, сокрушило домов, попортило дорог, завалило песком пашен—живописцев и поэтов взяла бы оторопь. А если вы спросите нас, гидростроителей, то я скажу, что нет более ехидной и враждебной нам стихии, чем вода. Вода—она приятна и скромна в умывальнике, в чайнике, в ванной. А видели ли вы мутные, грязные потоки, атакующие жилища и сооружения, когда река, словно сорвавшись с цепи, беснуется и, покидая привычное русло, опрокидывает все на пути? С водой нельзя шутить. Ей нельзя приказать:—эй, ты, перестань, не разрушай наших сооружений, которые мы строили пять лет коллективом в пять тысяч человек. Вода—она равнодушна к сетованиям человека, хоть вы и часто воспеваете ее в стихах, сравниваете ее кротость с кротостью и лепетом ребенка, а она, тихоня, даже подкрадываясь незаметно, наносит нам миллионные убытки. Вечный наш противник—она бросается в стороны, срывает суда, мосты, переправы. Грунтовые воды подбираются под наши сооружения. Обваливаются плотины, сползают перемычки, рассыпаются дамбы. А в ледоход и того хуже. Лед подступает к нашим стройкам, портит сооружения. Для вас, писателей, ледоход—приятное зрелище, предмет воспевания, тема для стихов. Для нас, гидростроителей, ледоход—экзамен на аттестат зрелости.

И вот в прошлом году готовились к весне. Чтобы паводок плотины не размыл, не испортил шлюзы, старались закончить вовремя работу. И сколько раз мы ни встречались с водой, всякий раз она подводила нас к бедам, каждый раз по-особому, но всегда с исключительной хитростью, разгадать и побороть которую многим стоило больших жертв.

Так было и в ту весну 1955 года. Паводок наступил неожиданно, бур-

ный и страшный... Такое обилие воды было только в 1926 году. Нам казалось, что мы были предусмотрительно застрахованы от всяких неожиданностей, подняв высоко перемычку, защищавшую котлованы, где строились шлюзы. Но мы ошиблись. Против этого половодья перемычка наша оказалась недостаточно высокой. Мы оглянуться не успели, как вода подошла к краю перемычки,—случай, которого никто из строителей не только не ожидал, но даже не мог себе представить.

Все руководители стройки прибыли на место грозящей катастрофы. Воды Волги на глазах у всех нещадно грызли песок и гравий перемычки. Ожидали спада воды. Казалось невероятным, что она могла так высоко подниматься дальше. И это казалось нам—гидростроителям, а не профанам.

Паводок весной 1955 года.

А она не только не сползала с перемычки, а росла и лезла вверх, потрясая воображение всех, нагоняя панический страх на малодушных, вселяя ужас в прорабов.

Перемычка становилась все уже, вода все шире, свирепее, перемычка все больше гаяла и готова была образовать промоину, через которую вода могла хлынуть в котлованы.

Работницы, которые вместе с администрацией в течение нескольких суток без сна и отдыха отбивались от воды, воспроизвели в своей памяти этот момент.

— Самое страшное совпало с Первым маем,—рассказала Варя Привалова.—Никто из рабочих не праздновал тогда, не до праздника было. Все явились без зову на опасное место. В самом котловане висел плакат: „Все силы отдадим для спасения шлюза“. И правду сказать, все машинисты, все мотористы, техники, рабочие, коммунисты, комсомольцы и беспартийные, все до единого были на местах. Перемычку разделили между всеми по метрам, у каждого метра земли был свой сторож и охранитель и, так сказать, боец. У каждого отряда был свой командир. Началась война со стихией.

Земснаряды безостановочно намывали землю, шоферы на самосвалах подвозили песок и бут, девушки носили землю в подолах, на носилках, как придется, повышая гребни перемычки. Но вода к общему ужасу все прибывала, все лезла на людей. Даже не верилось, что она может так быстро прибывать. Те из малодушных, которые еще не освободились от суеверий, начали повторять предсказания кое-каких городецких старух: вот, мол, и верно говорят, быть беде великой, Волга в самом деле разгневалась и решила нас проучить.

— И представьте, в самые полудни Первого мая, река „проела“ в одном месте перемычку и хлынула в котлован.

Рабочий Козлов телом прикрыл промоину. Все мы бросились туда. Катастрофа нарастала. В промокшем и грязном костюме Зосима Львович охрипшим голосом давал распоряжение привезти тотчас же весь запас цемента в мешках с бетонозавода. Бешено помчались самосвалы. Он сам бросился к ним и первый схватил мешок и понес к перемычке. Все сделали то же. Целый день навстречу разъяренной воде бросали эти мешки с цементом. Наваливали на них землю, бут, гравий и опять бросали мешки с цементом. И день и ночь бросали, не спали, не отдыхали. Девушки наши хватили эти мешки с такой же легкостью и проворством, как и мужчины. А мешки весили пятьдесят килограммов. Праздничные платья девчат превратились в обвислые и линючие тряпки, но никто не думал об этом.

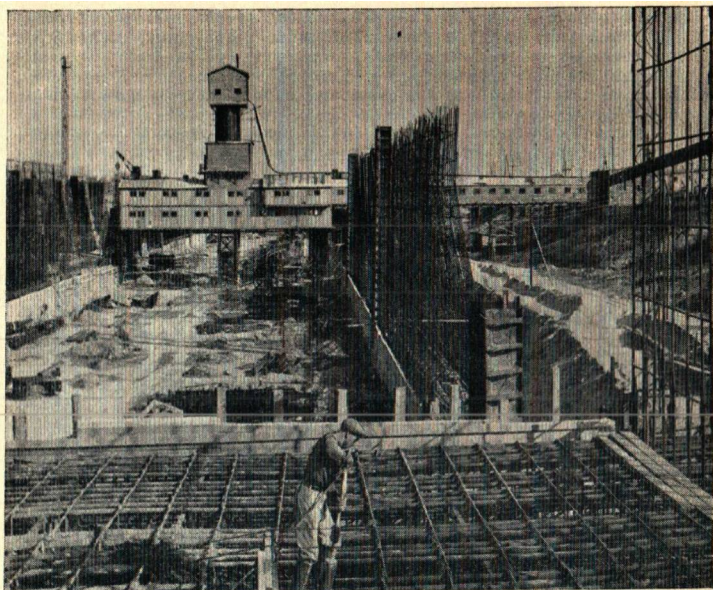
Никто не шел домой. Стерлась разница между начальством и рабочим. Все занимались одним делом и никто не уклонялся от него.

Ночью горели костры в котлованах и на перемычках, освещая черное, страшное, разъяренное море волжской воды. Стерegli каждый шаг его, каждый вздох. И никто не ходил ночевать домой.

И в конце концов Волгу одолели...

НА ШЛЮЗАХ

В Городец на гористом берегу Волги возвышается на узком постаменте бронзовый бюст Героя Советского Союза летчика Ворожейкина. Отсюда и открывается чудеснейшая панорама строительства Горьковской ГЭС, с рабочими городками по обеим сторонам водохранилища, со строительной пло-

Строительство шлюза № 14.

щадкой, с плотинами и шлюзами. С правого берега на левый властно легли и навечно перегородили Волгу железобетонная и земляная плотины. Они сковали реку, утихомирили ее, заставили работать на человека. На фоне лазурного неба вычерчены контуры ажурных опор линий электропередачи. И на левой стороне моря возвышаются над всем окружающим огромные высокие монолиты, это—башни шлюзов. А ночью с того же места панорама еще величественнее. Над зеркалом воды—море огней, вся окрестность пылает, искрится и горит. С высоких башен прорезают ночную тьму прожекторы достраивающихся шлюзов. Величественно, гордо, сияют огни Горьковской ГЭС!

Мы попали на стройку в январе 1956 года. И знакомство со шлюзом № 14 начали с пирса, отделяющего одну камеру от другой. Здесь технически выражаются так: „Шлюз имеет две нитки“, попросту две параллельных камеры, по одной пароходы впускаются в водохранилище, по другой одновременно выпускаются из него.

Вот мы пошли по потопорту—пловучей насосной станции—к первой нитке шлюза. Потопорт—мощная машина. С ее помощью высосали из шлюза воду, перегородили ей путь из Волги в камеру, чтобы строители могли опускаться на самое дно шлюза и там работать.

— Вот как с Волгой научились разговаривать,—говорит Серый.—Да, редко кто знает из потребителей, каждый день пользующихся услугами воды, сколько труда тратится на изучение ее свойств. Мы—гидротехники,— строящие сооружения на воде, ирригаторы, обводняющие пустыни и степи, мостовики, перекрывающие реки, энергетики, эксплуатирующие ее, все изучают ее свойства и до сих пор не все ее свойства изучили.

Вода, она не только друг, но и ужасный враг гидростанций. Во время ледохода вдруг останавливаются турбины, город погружается в мрак, заводы перестают работать. Смотришь—лед забил приемные решета, закупорил напорные трубы. Иногда река выходит из берегов неожиданно и как будто

Шлюз № 14. Первое шлюзование.

беспричинно. Что случилось? Затоп: донный лед. Он растет незаметно. Перегородил русло реки. Вода бросилась в улицы. А лед? Он иногда разрывает пополам баржи. А затоп? Всякий видел его на реках. Льдины на повороте русла лезут друг на друга. Образуются плотины из льда.

Серый озабоченно посмотрел в сторону плотины и сказал:

— Теперь твоя песенка спета. Легла навечно. Только вот забетонировать к весне откосы.

14 августа 1955 года сдан в эксплуатацию шлюз № 14. Огромные, черные ворота шлюза отворились при одном повороте рычажка, как игрушечные, флагманский пароход „Волга“, полный пассажиров—гостей и строителей, торжественно и плавно вошел в шлюз под восторженные возгласы толпы. Весь Городец высыпал на берег. Пришли и те старухи, которые считали божью волю neodолимой.

Навигация через шлюз открылась.

Мастер шлюза Сухоруков так рассказывает об испытании шлюза:

— И вот, представьте, когда вода хлынула в камеру шлюза и ее наполнила, войдя в бетонные камеры, нашими руками сделанные, все рабочие до одного высыпали на парапет. Начались шутки, прибаутки. Веселья—море.

Вдруг арматурщик Кузнецов разделся и с парапета—бултых в воду. Тут мы все, как один,—за ним. Увидали шуку, ее занесло шквалом воды в этот бетонный коридор, и ну за ней гоняться. Долго ныряли и не поймали, конечно. Баловались как дети. Сколько лет мы тревожились за судьбу этого шлюза... А после того, как флагманский пароход „Волга“ повел свой караван через шлюз и было официально открыто судоходство,—с тех пор наш шлюз стал „на бойком месте“. Войдет астраханский пароход в него, и сейчас же мы все тут как тут. Деньги в ведро и на веревке его спускаем. Вынимаем,—уже в ведре арбузы, дыни, яблоки... И пассажиры машут нам руками: „До ближайшей встречи, горьковские гидростроители“.

Через полгода, зимой, мы осмотрели камеру и нижние башни шлюза № 14—очень трудоемкие, огромные железобетонные сооружения. В башне заключен мощный механизм для открывания и закрывания тяжелых железных ворот.

По скрипучим деревянным лесам поднимаемся на самый верх центральной башни шлюза. Она еще не отделана. Но именно тут будет пульт управления, тут будет сидеть оператор и одним нажимом пальцев открывать огромной тяжести ворота.

Мы на самом верху. Сквозной ветер, пронзительный и свирепый, рвет полы шубы, выхватывает из рук бумажные листы блокнота и забрасывает их выше башни. Цепко ухватились мы за шапки руками.

— Мы находимся с вами выше здания станции,—говорит Серый,—выше водосливной плотины...

Открывается вид на участки всей стройки ГЭС. Как гравюра. На фоне зимнего снега вычерчены черные фигуры металлоконструкций, зданий, кранов, линий электропередач. На бьефе между шлюзами стоят, вмерзшие в лед, здесь зазимовавшие баржи. Синее вдали приподнятый правый берег, и необъятный снежный покров, укрывший водохранилище, теряется там где-то, сливаясь с горизонтом.

Мороз тридцать пять градусов. Но все живет в этом обледенелом, оснеженном царстве воды. Вижу мчащиеся по дорогам самосвалы с грузами, слышу гудки сирен, различаю людей, принимающих с крана груз на пятой плотине. Замечаю,—в сцеплениях арматуры, внизу, копошатся люди, неумные старатели наших могучих новостроек.

Спускаемся вниз, в самую камеру шлюза, пролезаем через паутину желез-

ных прутьев. Глухо шумит компрессор, стремительная струя воздуха, незримая, но хлесткая, как хлыст, сметает с плит мусор, досуха сдирает с бетона корку снега и грязь. Девушки на самом низу, в железной этой сети, на коленях киркуют бетон. Карабкаемся по арматуре, спускаемся на самое дно шлюза. Четыре метра железобетона положено на его дно. Какая в том надобность?

Начальник участка Василий Николаевич Михеев говорит мне:

— На одной из американских гидростанций вода подмыла дно шлюза, и вся ушла. Сооружение осталось невредимым, но повисло на воде. Станция вышла из строя. Ремонт такого сооружения стоит больше, чем строительство нового. И от него отказались. У нас вода не подмоет, не подкопается под четырехметровую толщу бетонного дна.

На следующий день мы осмотрели шлюз № 13. Здесь руководит работами Петр Михайлович Палагичев.

— Это—очень деловая и положительная фигура на нашей стройке,—все говорят о нем.

И даже не для специалистов очевидны хозяйственность и деловитость этого человека. На его площадке не видишь хлама, свалки, зря разбросанных материалов. Он все настойчивее борется за экономию средств и за снижение себестоимости.

— Он сэкономил в 1955 году 185 тысяч рублей,—сказали о нем в техотделе.—Он приучил прорабов и мастеров бережно хранить и правильно использовать материал. У него каждый рабочий знает, сколько стоит килограмм гвоздей и кубометр леса.

— Он не отпустит нового материала, пока не использован старый,—сказали плотники.—И мы экономим на опалубке. У него везде свой глаз. У него невозможны всякого рода приписки по механизмам. Он сам проверяет заполнение справок, не передоверяет это помощникам.

— У него лишних рабочих нет ни на одном участке. Он все учтет. Все расставит как надо,—говорят рабочие.—А о прогулах мы и не слышали...

Действительно, средняя производительность за месяц на его участке 145 процентов. 25 ноября 1955 года он уже выполнил годовой план.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Стройка подходит к концу. Постепенно Управление строительством освобождается от лишних рабочих рук. Люди уезжают на другие стройки

— В нашей работе есть особые неприятности, совершенно закономерные и неодолимые, конечно,—сказал Серый.—Вот я проработал с людьми восемь лет. Уговаривал их, учил, подбирал, премировал, поощрял, хвалил и ругал и гордился ими. Я сросся, сроднился с ними. Это моя родная семья. Каждого знаю в лицо. При мне они мужали, многие уже обзавелись семьями. Я создавал кадры, воевал за них, болел. Но вот построили шлюзы, соорудили плотину, на которой они оставили частицу своего сердца. Вот покорили Волгу. Свертывается работа, и мне их нужно увольнять. Они должны куда-то опять ехать, искать работу... Очень это мне больно.

Ничего страшного для строителей в этом нет. Просто у начальника хорошее умное сердце, с работавшимся коллективом не легко расставаться, конечно. Но ведь вербовщики тут же, в рабочих городках, неустанно ищут строителей. Подбирают рабочих на Каму, на Урал, на Лену, на Енисей.

В городскую гостиницу понаехали из Сибири, с Дальнего Востока, с Забайкалья. Куда хочешь, туда и поезжай.

Раньше все географические представления деревенской девушки ограничивались районом, да разве областным центром, куда она ездила за нарядами. А сейчас послушаешь, так Сибирь эта для нее вроде своей оклицы.

Я встретил здесь землячку из Дальне-Константиновского района. Несколько лет назад она, живя в деревне, с опаской ездила в районное село, а теперь говорила подругам:

— Что ж такого, что в Сибирь? До Братской ГЭС всего семь суток езды, пустяжное дело. Шоссе там уже проложено... Поезд, столовая, магазины.

— Сколько человеческих страстей, сколько событий, — сказал мастер Сухоруков. — Вот я получаю письма с Ангары, с Оби, с Енисея... Я с ними здесь работал. Какая у каждого интересная биография. Да любую вот девушку здесь возьмите. Вот хоть эту. Откуда? — спросил он вдруг молодую женщину в ватных штанах.

— Из Саранска.

— Мордовка?

— Ну, да.

— Комсомолка?

— Недавно в кандидаты партии принята.

— Кем работаешь?

— Мастером на бетонокомбинате.

— А поступила кем?

— Разнорабочей. Кирпичи таскала. Выучилась в техникуме.

— Норму вырабатываешь?

— На Доске почета мое имя.

— Куда после нашей стройки надумала?

— На Братскую.

— Почему?

— Там муж и подруги. И притом, говорят, масштабы там большие.

— Видите, — сказал мастер. — Целая история, простая и поучительная.

Раньше у ней вся география околлицей ограничивалась, а тут — Сибирь!..

Она вынула из платка уголок газетной бумаги, на нем рисунок и статья: „Жемчужина советского гидростроения“. На фотоснимке огромная скала, на скале сосны, у скалы — река. Суровая, величественная природа. Подпись под картинкой: „Здесь у Падунского порога будет сооружена Братская ГЭС“. Такого гиганта не знало еще мировое гидростроительство... Иркутск превратится в морской порт. По Енисею, из Карского моря пойдут пароходы в озеро Байкал. Плотина станет выше высотных зданий Москвы. Все это вооружает дух бодростью, потрясает воображение гидростроителей своими размерами. И в самом деле в этих наметках, цифрах великого плана живительная поэзия, очень далекая от повседневных интересов обыденщины и домоседства. Именно в юности надо путешествовать, лазить по горам, увидеть лик нашей необъятной, богатейшей, многообразной по климатам и ландшафту страны. Девушки столпились, страстно обсуждают, жадно разглядывают рисунок. Изумляются, восторгаются. Сколько трепета, жару, огня! Они постигли душу цифр:

— В месяц, девушки, укладывать будут там только одного бетона триста тысяч кубометров.

Цифры эти способны опьянить только строителя, знающего по опыту — какая это мощь, какие это масштабы.

— И будут там, девушки, машины самые мощные для дробления камня,

экскаваторы, один ковш которого берет сразу двадцать кубометров земли...

Здесь чаще всего поэтому говорят о Братской ГЭС. На быструю Ангару. В Сибирь! В тайгу!

Каждый уголок своей земли ощущается ими, как родной. Расширяется мир. Раздвигаются горизонты.

В гостиницу Городца прибыли девушки с Бухтарминской ГЭС, из Казахстана. Сидят на узлах и чемоданах и сокрушаются: никто не знает, где в Городце гидротехникум. А гидротехникум, в который они командированы для получения квалификации, на правом берегу, откуда они только что приехали. Как ни убеждали мы, чтобы ночью не ходили, они в темноте пошли по льду на тот берег.

— Какая беда! Везде одни и те же люди—наши гидростроители.

И ушли. Они — из Казахстанской деревни, на стройке — отличницы, и начальство Бухтарминской ГЭС решило отправить их сюда поучиться. Они уже привыкли к движениям, к перемещениям, к массовым скоплениям рабочего народа, к живой жизни огромного советского коллектива, к темпам новостроек. И как знают много и как обо всем горячо спорят! У них цифры шестой пятилетки по энергетике в сердце написаны пламенными знаками личного опыта.

— Я на Цимлянском была,—сказала одна девушка.— Там на море волны по три метра ходят. Боюсь, земляную плотину как бы не размыло.

Инженер-гидростроитель заметил при этом, улыбувшись:

— Я тут на стройке пять лет. Скажу прямо: нет решительно ни одной проблемы, возникшей в гидротехническом строительстве, которую обошла бы рабочая мысль... Они не теми словами скажут, но всегда о самом главном, о деле. Ведь вопрос об откосах плотин, с чем несомненно столкнулась на работе девушка,—все время обсуждается в Москве большими специалистами. И ведь до сих пор нет рациональнейших видов крепления земляных сооружений. Все еще ищем, проверяем... Ведь та же Братская ГЭС—она задала строителям большие задачи. Плотина высотой сто метров, это не шутка. Такие еще не строили. Какие нужны расчеты, уточнения норм? Тут придется применять еще более усовершенствованные способы производства. Так что устами девушки глаголет истина.

Не надо думать, что квалифицируется тут только молодежь. Удивления достойно, что люди на старости лет обретают здесь специальность, о которой никогда не думали. Взбодрила, встряхнула его, старика, и общая жажда деятельности, и заманчивый добыток.

Иду утром по снежной накатанной тропке к шлюзу между вмерзшими в лед баркасами, лодками, баржами, паромами. Передо мной семенит ногами, но бодро семенит старичок.

— Куда, дедушка, спешишь?

— На работу. Нешто не видишь. Вот каждый день семь верст туда и семь обратно. Я в слободке живу, за Городец три версты. А работа для меня не маятна.

— А кем работаешь?

— Крановщиком у дизельного крана.

— Сколько же тебе лет?

— Одного дня до семи десятков не хватает. Комиссаров фамилия моя.

У нас половина слободы Комиссаровы и все живучие.

— Фамилия у тебя советская, а сам ты человек давний.

— Так вышло, и я сам не знаю почему. Жену зовут Комиссарихой, хотя я и беспартийный. Дети—те партийные. Дочь в Якутии инженером—

золото добывает. Другая—учительница. Один сын в Севастополе, в теплой стране, где орехи растут, он майором. А еще один—летчик. Этот самый озорной был, теперь вот носится по небу. Хорошие дети, стариков не забывают.

Усмехнулся добродушно:

— Знамо дело — современная поросль. Пишут — брось кран, пора отдыхать, мы тебя прокормим. Эх... Мне не только кормежка, мне и выпить надо. Нет, не буду из чужих рук глядеть.

Идем сугробами, и это ему нипочем:

— Да што эта за работа—кран. Нажимай туда-сюда, и ведь деньги платят, и какие деньги, тысячу рублей приношу каждый месяц старухе. Разве я за такую цифру при царе спину ломал? Я за пятнадцать целковых спину ломал, это—гульба, а не работа—факт.

Шагает он быстрее меня, и я за ним еле поспеваю.

— Как изменилась земля-то. Где луга, деревни, леса шумели, девок водили мы в эти леса, теперь машины шумят. И еще ведь изменится, и ни плотины, ни ГЭСы не нужны будут скоро.

— Как так?

— А так... Скоро и это все на слом.

— Почему?

— На слом, я уж знаю. Всему будет голова атом. Ни вода, ни уголь, ни нефть не нужны будут. Привез атомов малую малость, укомплектовал весь город, вот тебе и в тепле, и в свете.

Вот так старик! Вот и говори ему о покое. Разговорились еще. И вдруг государственные мысли зашевелились.

— Главная беда—портфельщики.

— Как так?

— Развелось, говорю, много портфельщиков. У нас в конторе десять. Десять девок. Губы красят, ногти мажут, а мы их обрабатываем. Довольно бы и трех. Одна—рабочих считай, другая—деньги выдавай, третья—в книгу записывай, вот и все.

Подумал.

— И то трех много. Одной хватит. У нас староста был неграмотный при царе. На падоге всю канцелярию носил. Зарубками отчитывался.

Вместе с профессией на стройке человек приобретает не только большие интересы, у него вырабатывается нетерпимость ко всем видам закорюстной психологии и быта.

Шофер Толя везет меня в гостиницу в Городец. Как только мы миновали шоссе, обкатанные дороги гэсовской территории и добрались до города, поехали мимо длинного приземистого, заваленного сугробами порядка домиков, куда девалась его веселость. Он стал угрюм, раздражительно злобен, то и дело крутил баранку то в ту, то в другую сторону, неприлично ругался. На огромных выбоинах машина подскакивала, потом ухалась вниз, вся тряслась как в лихорадке. Разъехаться было негде, и шоферы, встретившись, изворачивались на все лады, лишь бы как-нибудь разминуться. Холмы грязных сугробов мешали этому. Дальше пошла улица еще уже, как гроб. Машина отжимала пешеходов к самым калиткам, но вдруг накренилась и завертела колесами на одном месте. Она засела.

— Вот, черти,—зло бросает Толя и вылезает из машины.—Рядом такая стройка, двадцатый век, можно сказать, а здесь дороги, как при Иване Грозном. „Чудный город... древний город“...

Толя яростно раскидывает лопатой размельченный снег под машиной, бросает откуда-то принесенные доски.

— А вы бы летом здесь поехали,—говорит он, когда машина двинулась, наконец, дальше. — Один песок перемолот ногами. Машины крутятся на одном месте. Ветер подымается, бьет песком в открытые окна, ничего — не чешутся. Выглядывают серые тетки и судачат в раскрытые окна часами. А то, что по улицам у них ездить нельзя, это, говорят, нас не касается, на то дорожтранс есть. А ведь только по камню им всем снести — тут пятьдесят тысяч жителей. Вот тебе и дорога. Я бы сам согласился каждый выходной здесь работать, только бы хорошую дорогу в город иметь.

И долго еще он говорит мне что-то не очень одобрительное по адресу горodeцких улиц и равнодушных жителей.

НАВИГАЦИЯ ОТКРЫТА

Последние месяцы перед навигацией 1956 года на шлюзах были необыкновенно трудоемкими и очень напряженными.

Всем было ясно, что нельзя откладывать подготовку плотины и шлюзов к пропуску паводковых вод. Все понимали, что само водохранилище этой весной непременно должно быть готовым к приему нужного количества воды. Все знали, что исключительное значение имел факт наполнения водохранилища: вступал в работу пятый агрегат. Ток пошел по трем областям: Горьковской, Арзамасской и Ивановской.

В первую очередь торопились закончить укрепление русловой плотины, перекрывающей Волгу и сооруженной на каменном банкете. Закончить капитальное сооружение плотины в зимних условиях — это было тяжелым делом. И некоторые специалисты проектных организаций не верили в благополучный исход дела. Но дело — оно пошло своим чередом. Гидромеханизаторы с помощью земснарядов намывали грунт в воду, под лед у каменной подводной гряды, наращивали надводную часть плотины. Уже в апреле эти участки, о которых так беспокоились специалисты из проектных организаций, были готовы к паводку. Надо добавить, что на этот участок в лютые морозы были направлены самые лучшие бригады.

Все торопились, — уж очень много нужно было сделать к весне.

После укрепления плотины следовало закончить проверку электрооборудования и механизмов шлюзов, надо было испытать механизмы ворот на пульте управления.

Стужа, метели, поземка, слепящая глаза на привольном обледенелом пространстве водохранилища, — ничто не остановило рабочих. Разжигали костры, обогревались походя, но не прекращали работу: ставили арматуру на шлюзах, опалубку, укладывали бетон в устои голов и каркасы башен, в пирсы и парапеты, производили каменную кладку башен управления шлюзов. Особенно отличились тогда плотники бригады Зайцева: в самые короткие сроки при страшных неудобствах закончили они установку опалубок шлюзных парапетов. Бригада Крупиной — все женщины разнорабочие — славно потрудились на очистке верхней головы шлюза.

Парторганизация левого берега оказалась на высоте. Она приняла все меры для наивысшего подъема духа масс. XX съезд КПСС влил новый приток энергии и в партийную и беспартийную среду.

Горьковское водохранилище в быту принято называть морем. Это имеет свой резон. Кто не видел натурального моря, может о нем составить совершенно верное представление, если поднимется на высокий левый берег, а еще лучше, если удосужится взобраться на водосливную плотину и с нее

Шлюз № 14.

глянет вдаль, к городу Чкаловску. Сквозь шум сливающейся через гребенку воды, в котором тонут отрывочные разговоры монтажников, лязг железа и грохот кранов, он различно ловит подлинный ропот волн. Левый берег теряется в мутно-фиолетовой дали. Совершенно синяя вода, чуть светлее, чем в Черном море, ничем не отличается от воды Балтийского моря. Если погода ветреная, Горьковское море свирепеет. Изборозженное солидными волнами, бросается оно на забетонированные откосы земляной плотины со страшной силой, с ропотом, с глухим остервенением и брызгами сыплет в лица прохожих. Настоящее море.

Навигация была уже в разгаре и шлюзование налажено, когда мы последний раз посетили шлюзы.

Шлюз— интересное сооружение и очень остроумно придумано: на гидроузлах оно устраивается в реках с целью пропускать суда по реке, когда русло ее перекрыто глухой плотиной и основная масса воды направлена в турбины, вырабатывающие электроэнергию.

На Горьковском гидроузле два двухкамерных шлюза № 13 и № 14 (счет ведется от первого шлюза в верховьях Волги). № 13 позволяет выйти судну из водохранилища и остановиться в бьефе, т. е. пространстве воды, заключенном между верхним шлюзом и ниж-

ним. Здесь судно сперва подходит к причальной стенке и останавливается. Оно ждет тут до тех пор, пока ему не разрешат войти в камеру шлюза № 14, а из нее в Волгу.

Такого рода шлюзы строятся на всех гидроузлах Волги. На Горьковской ГЭС они вместительнее и совершеннее тех, которые сооружены недавно на Волго-Донском канале.

На постройку шлюзов шел раньше камень, а всего чаще лес. Знаменитые русские шлюзы Тихвинской и Мариинской водных систем сплошь из дерева.

Горьковские шлюзы построены из железобетона. Железобетон в течение ста лет только еще набирает крепость. А сколько лет он будет служить, того пока и сами строители не знают.

Мы прибыли на шлюз в полдень. Шлюзование было в разгаре. И мне удалось до вечера увидеть и проследить несколько циклов шлюзования. К нашему приходу ждали выхода из моря большого пассажирского парохода два буксирных судна—одно с шестью груженными баржами, другое с вереницей плотов с Унжи.

Мы увидели, что входы в шлюз были перегорожены воротами, поверх которых проходили пешеходы из Городца в Заволжье и обратно. Мы были в комнате механика у пульта управления. Управляет шлюзом товарищ Янсон, не выходя из комнаты. Здесь на щите он видит положение и состояние ворот, высоту наполнения водой камеры шлюза, все малейшие отклонения от нормальных условий шлюзования. Словом, значками, стрелками, сигналами выражена перед ним полная картина того, что делается на воде,

в шлюзе и с механизмами, заключенными в башнях. Здесь, нажимая кнопки, повертывая рычаги, разговаривая по микрофону и отдавая распоряжения,— молодой техник управляет всеми огромными механизмами.

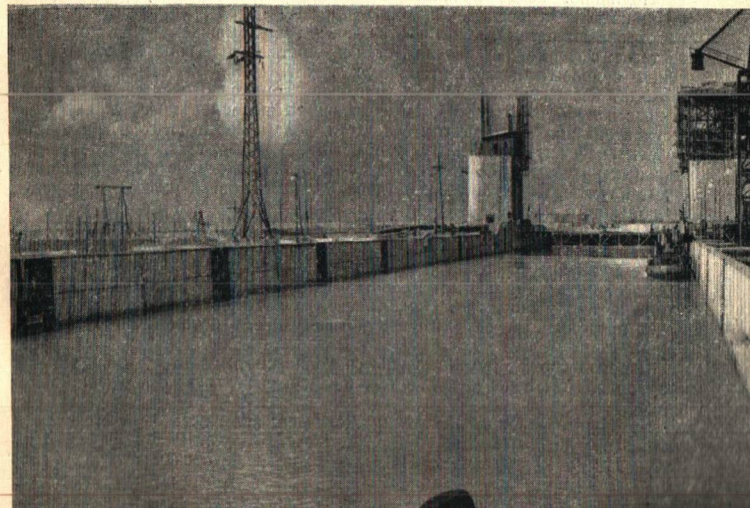
Тут воочию убеждаешься, какой покорной является сложная и тяжелая техника в руках умудренного знанием человека: одним мгновенным прикосновением пальцев к податливым рычагам он производит работу, которая не под силу целым человеческим армиям и неисчислимому количеству лошадиных сил.

Комната с пультом управления находится у самой воды. На огромном зеркале ее застыли суда, виден верхний шлюз с высокими башнями, над которыми повис железный мост. Но техник не глядит туда. Он спокойно сидит на стуле и только изредка поворачивает голову да протягивает руку. Но он безошибочно перемещает все, что надо.

Когда он через маленький микрофон, который поднял ко рту на ладони, отдал приказание о шлюзовании,—мы вышли на площадку.

Шлюзование началось. Вода была гладкая, голубая. В камере шлюза уровень воды был ниже уровня воды за воротами на семь метров. Нам сказали, что через акведуки в стенах шлюза вода пошла в камеру. Сначала это было совершенно незаметно. Но вот вода в углах камеры шлюза, у самых ворот, зашевелилась и вскоре стала выбиваться снизу вверх и бить ключом, как это бывает в омутах с подводными родниками. Вода расходилась по глади спокойного зеркала буйными кругами. Заметно, что снизу выбивается, но какими путями—этого не видно. Вода шумит, как отдаленный прибор.

В камере шлюза.

Через десять минут громадный бассейн, именуемый камерой шлюза, наполнился водою до положенного предела,—почти доверху. Пятьдесят пять тысяч кубометров воды вошло туда. И тогда ворота, которые преграждали вход в камеру, стали медленно погружаться в воду. Это зрелище очень занимательное. Погружались они почти незаметно и вскоре исчезли с глаз под водою. Сказали, что ворота ушли в днище шлюза. Вода в шлюзе и в верхнем бьефе сравнялась. Теперь камера площадью в 90 тысяч квадратных метров готова к приемке судов.

И никогда не пришло бы в голову, если бы не убедился перед этим сам, что тут пять минут назад была какая-то неприступная для воды перегородка.

Техник Янсон через рупор в сторону судов сказал:

— „Гоголь“! Иди в камеру шлюза. Зачем медлишь. Камера готова для твоего приема.

И „Гоголь“ прогудел важно, как ему и подобает по чину классика, степенно развернулся и медленно двинулся в камеру шлюза.

З. Л. Серый, нагнувшись через перила площадки, махнул кепкой, чтобы привлечь внимание старого речника на палубе парохода, и спросил, сделал из ладони рупор:

— Дед! Сколько плаваешь?

Дед, коренастый, как дуб, сматывая толстый канат на корме, ответил снизу:

— Сорок девятуу навигацию, батюшка мой. Еще при царе Николае десять навигаций оттыпал... Бугрова Николая Александровича живого видел... И Сироткина.

— Волга краше стала?

— Куда там! Чистая механика... Едем по Волге, как по квартире в собственном доме.

Подлинно: везде крепчайшие бетонированные стены, утихомирена, неподвижна вода в шлюзе; спокойно прохаживаются люди по парапетам и разговаривают с теми, кто в каютах, совсем по-домашнему и на домашние же темы; в форменных кителях, стоя на мостках, шлюзники дают распоряжения судовому начсоставу; поверх ворот, вновь закрытых, торопливо проходят бесконечной цепочкой городские домохозяйки с цветными узелками, с палубы парохода нарядные женщины пересмеиваются с речниками и строителями; береговые мастера то и дело наведываются в пароходные буфеты „освежиться“... Шлюзы уже обшиты, предстоят тяготы отделки для должных красот и парадной нарядности. Тут вырастут сады, тут разбиты будут клумбы, и стремительная дорога ляжет поверх шлюза для услуг многолюдного потока.

Когда „Гоголь“ обосновался в камере, а за ним вошли еще несколько судов, вода стала переключаться из камеры шлюза в рукав Волги. Вот вода в реке и камере сравнялась, и нижние двустворчатые ворота открылись. И „Гоголь“, а за ним и другие суда вышли на простор, мимо Городца поплыли к городу Горькому. Там, дальше, на матушке Волге они также вот будут проходить через шлюзы Куйбышевского, а потом Сталинградского морей.

Пароходы эти прошли очень спокойно, потому что царил тишина в природе. Но к вечеру подул ветер, и картина на шлюзах совершенно изменилась.

Буксирный пароход „Академик Докучаев“ вел шесть барж с песком и бутом, груз предназначался для строительства ГЭС. Шел „Докучаев“ из Плеса. И тут я увидел на лицах шлюзников сосредоточенность и беспо-

койство. „Академик Докучаев“ пристал к причальной стенке и не решался от нее оторваться. В чем дело?

Техник Янсон то и дело взывал через рупор (звон гремел над водой):

— „Докучаев“! Почему не идешь в камеру шлюза? Почему, говорю, не идешь в камеру шлюза?

„Академик Докучаев“ грузно, натужно шевельнулся, колыхнул, потянул баржи за собой и поплыл к камере. И вот на глазах у нас ветер отогнал баржи в противоположную сторону, и когда пароход вошел в камеру, баржи спутались. За несколько минут их прибило к пирсу соседнего шлюза. Они загородили оба входа обеих камер, все перепуталось и остановилось.

При этом одна из барж притерлась к бетонной стенке пирса и смяла бок. Образовалась пробоина в надводной части судна.

— Ну, считай, что баржа уже вышла из строя,—сказал старик матрос, досадливо махнув рукой,—в ней возили нефть. Перед тем как заделывать пробоину автогенной сваркой, баржу надо выпаривать. Это—работы на месяц.

Оторвался от пирса кусок железобетона, железные прутья торчали как кости скелета. Не представлялось, как выйдут из этого положения, как сдвинут спутанный хвост баржи, увязший среди железобетонных сооружений? На шлюзование тоже отведена норма—не позволено стоять судну, сколько оно хочет. Да и плакат на башне шлюза обзывал: „Герой сегодня тот, кто в работе вперед идет“.

Народ высыпал на палубу парохода, на парапеты, на мостики. Только женщина на корме одной из барж спокойно развешивала белье да пятилетний ее мальчуган невозмутимо катался по палубе на велосипеде.

При шлюзовании не должно быть ни аварий, ни промедлений в темпах, ни порчи сооружений. Вот почему все беспокоилось.

Техник в рупор провозгласил:

— Катер?! Что же ты не приходишь на помощь?! И ты—буксир № 013?.. Выходите! Выпрямляйте положение.

Подсобный катер засуетился. Он подъехал к боку баржи и начал ее кормой толкать, отжимать от пирса... Баржа чуть заметно отстала от стенки пирса, а вслед за нею медленно, но верно начали двигаться другие.

А катер все шипел, все суетился, то ту, то другую баржу отжимал к фарватеру.

И вот „Академик Докучаев“ дрогнул, пошатнулся и потянул баржи. Они пошли тихо в камеру шлюза.

— Это случилось при легком ветре,—заметил начальник шлюза.— А вы поглядели бы, когда большой ветер. О! Тогда—сплошное мученье с этими устаревшими пароходами. Ветер их быстро отжимает от камеры на середину бьефа, а Волжское пароходство не дает подсобного транспорта. И предстоит нам много мученья, пока не обновим речного транспорта...

Это говорилось о тех волжских теплоходах, о которых в нижегородской печати когда-то писали, что они „знаменуют собою новую эру в судостроительстве“.

Суда на Волге почти все устарели сразу с появлением гидроэлектростанций и огромных водохранилищ: Рыбинского, Горьковского, Куйбышевского, Сталинградского. И пристани тоже устарели. Государство распорядилось строить для Большой Волги новые суда. „Красное Сормово“ уже строит теперь сухогрузные теплоходы и первоклассные пассажирские дизельэлектроходы, очень комфортабельные, с искусственным климатом, с кинозалом, с душами, с изящными каютами! Они быстроходны, приспособ-

соблены для плавания на волжских водохранилищах, и им не страшен любой шторм.

Изменяя лицо Волги, гидростанции заставляют изменяться и технику речного транспорта. Так человек накладывает свою печать на природу: он не только переместил растительные и животные миры,—заметил Энгельс,—но изменил также вид и климат своего местопребывания и изменил даже растения и животных до того, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с гибелью всего Земного шара.

В Большой Волге подрастают новые породы рыб, на берегах образуется новый пейзаж, по воде пойдет более сложный и современный транспорт, и новый производственный быт рождается у новых пристаней, у новых сел и городов.

красотой этого спуска до тех пор, пока ротор с глумлив шумом не садится на вал. Лишь после этого Роман Нестеров выходит на волю, на „капитанский мостик“ и вытирает рукавом с лица крупные капли пота, будто не механизм, а он сам сейчас грузил эти 420 тонн металла, и весело кричит помощнику—электрику Митькину:

— Покурим, Коля!.. Сто лет теперь не станем трогать это колесо. Вот клад заложили!

Чуть подальше, на гребне плотины еще четыре, меньшей мощности, козловых крана уставились глазами окон на волжские берега.

Они подают бетон и армокаркасные блоки строителям, двигают стальные затворы плотины, чтобы дать возможность опалубщикам и бетонщикам откачать воду и закончить до весны сливной гребень. Опустят два крана многотонную стальную задвижку в пазы, уходящие в водяную пучину,—и на глазах иссякнет, замрет водопад. Слово Гулливер ступил башмаком поперек лиллипутского ручья и запрудил его. Шумят блоки тяжелых гаков, с грохотом перекачивается верхняя тележка, перемещая тросы в поперечном направлении; хрипло кричат рожки кранов, предупреждая каждого, кто стоит на пути: иду-у-у!.. Гляди в оба. И вот уже слышен глухой гул, от которого сотрясается все: величаво катит по рельсам на широких чугунных колесах кран. Потом останавливается в двух-трех шагах от вас, и далеко вниз уплывает очередной армокаркасный блок, чуть раскачиваясь на ветру.

— Вира, понемногу...

— Майна!

— Еще майна!

— Стоп!

И сбегаятся к грузу люди в комбинезонах, которые только что грели руки вокруг костра. Сверху все они кажутся коротконогими, несоразмерно маленькими по сравнению с только что поданным им блоком.

А над плотиной, кранами, над обледеневшими тросами кабелькрана свистит морозный ветер, даже тогда, когда там, на берегу, тихо: будто другой климат на плотине. Видимо, широкая полоса чистой воды на нижнем бьефе создает у плотины какие-то дополнительные воздушные движения.

Пробираясь от проходной до третьего пролета плотины, я трижды слышал упоминание фамилии Бренцова.

Вот, переругиваясь с погрузочной бригадой, перевесился сверху, из кабины крана, вымазанный в масле, большеглазый машинист Гриша Тихонов. Он что-то доказывал рабочим, ожесточенно махал коричневой от ржавчины рукавицей:

— Не крути мне мозги, Парфен... Надо от центра такой груз подавать, лучше потом чуть покантовать вправо. Так и Бренцов сказал.

Метров через пятьдесят на узенькой стремянке, прилепившейся сбоку плотины, навстречу мне попался хмурый рабочий в рыжем ватнике, с тетрадкой, скрученной в трубочку.

— Не встречал, товарищ, в шестом пролете Филатыча?

— Кого?

— Да Бренцова, прораба...

Морщины его разгладились. Он добавил, расправляя на груди не первой свежести тетрадку:

— Технику безопасности нынче сдавать, а какой я, понимаешь, студент. Филатыч помочь обещал.

Чуть подальше словно повисла над водой вздрагивающая на ветру дощатая контора—временка. Там вокруг самодельной электрической печки,

какими обычно пользуются строители ГЭС, сгрудилось десятка полтора краснощеких от мороза людей в брезентовых костюмах—курили, „отходили“, как пояснил крайний рабочий с отвислыми усами.

Какой-то парень с торчащими ушами шапки, мечтательно прищурившись, вспоминал, как они работали на экскаваторах в котловане.

—Кругом—вода, грязь, а мы с Сенькой ползем на своем кубовом, как корабль... Встали—черпаем, аж грот звенит. Одну жижу достаем, половина обратно сплывает, а все-таки по пятьсот кубиков черпали за смену. Были такие, что и больше давали—Бренцов, Сорчаков...

Парень говорит о трудной работе в воде в студеную уже осеннюю пору, когда нет-нет, да и просачивались в сапоги ледяные струйки, бросающие в озноб, а сам улыбается во весь рот, будто вспоминает невесть о чем приятном.

С Бренцовым я столкнулся на крайнем пролете плотины, там, где еще готовились бетонировать сливной гребень. Надо было как-то изловчиться—наглухо закрыть затворы, откачать воду, чтобы впустить на дно строителей. А в пазах вырос толстый, твердый, как металл, так называемый „донный“ лед—результат переохлаждения до поры растревоженной волжской воды, с которой в стужу сдернули теплое ледовое одеяло.

Высокий, плотный человек стоял на самом краю перемычки, заложив руку за борт теплой тужурки, и разговаривал с небольшим мужчиной в шинели речника—как оказалось, капитаном небольшого залатанного катерка, выванного на помощь строителям.

—Ничем не возьмем этот лед, друг. Погляди—камень,—серьезно говорил Бренцов, и лишь где-то в глубине глаз мелькали искорки добродушной усмешки.—А твой корабль—сила, техника, понимаешь? Пустишь пар—и льда как не бывало... Выручай, браток, оба берега на тебя глядят...

У водника, видимо, были какие-то особые соображения, но, польщенный, он потоптался, махнул рукой и неловко полез по трапу вниз, на „корабль“, где, задрав кверху круглое лицо, поджидал капитана подросток в большом, не по росту ватнике—вся его палубная команда.

Потирая озябшие руки и так же сдержанно улыбаясь, Бренцов присаживается на ступеньку лестницы, неторопливо достает из оранжевой бумажной пачки сигаретку „дукат“ и закуривает, прежде чем начать новый разговор.

Трудно заставить человека разговариваться вот так, с первой встречи: часто он внутренне съеживается, говорит мало, да и то не своими словами. А о главном,—о труде, подвиге, открытии—и вовсе не мастак рассказать. Мы слышим фразы вроде:

—А что такого? Вижу—в котловане вода не убывает, а копать надо. Ну, заехал на экскаваторе прямо в воду. Дело помаленьку и пошло...

Или:

—Как приспособление-то придумал? Присмотрелся, значит, к машине, набросал расчет на листке, изготовили с ребятами детали, потом собрали...

Это неумение рассказывать идет от внутренней скромности, настороженности человека: слишком уж много было пережито, передумано об этом деле, целая полоса жизни прошла. Про такое легко расскажется разве близкому другу. А тут пришел чужой человек—и с налету хочет узнать.

Но Бренцов говорит о жизни просто, без смущения, с той задушевной непосредственностью, которая сразу обнаруживает цельную, мужественную натуру.

—Что ж... Я хоть теперь и на кранах работаю, прорабом, ребята говорят—в начальство вышел, а мысли все там, на экскаваторах... Главное

это у меня, всю стройку на экскаваторах воевали, горы подняли, и не для красного слова говорю: в самом деле гору. А сейчас дело к концу идет, спели мы тут главную арию. Вон, видите, в одном только месте экскаваторы сейчас копают. Один-два, и обчелся. Могикане, — усмехается он, и не поймешь сразу, что в его задумчиво-усмешливых глазах — и гордость будто, что вот „гору подняли“, и сожаление, что кончилось это трудное-трудное, долгое время. И забота о сегодняшних делах нет-нет, да и метнется в зрачках: водолаза что-то долго не шлют. В пятом пролете льдом все забито, пазы на полметра промерзли — будет возня... После паузы Бренцов говорит:

— Нас ведь сотни тут трудились, общее это дело. А я что, капля в нашем рабочем море. Так, для примера разве, потому — из капель-то и моря складываются. Вон, гляди...

Бренцов широко повел рукой вдоль белого льда, что выше плотины, уже не по-речному неоглядного, и добавил:

— Видели здание станции? Каково?

И тут же вытащил из какого-то дальнего кармана, отгибая полы, старую книжку в клеенке, стянутую резинкой. (В таких книжках иные годами хранят разные памятные бумаги.) Он порылся в пухлых страницах и достал желтую фотографию с отломанным уголком:

— А вот как было тут лет пять назад...

Не верилось, что на снимке изображены эти же самые места: другие были тут холмы, заросли, овраги, будто попали мы в иную геологическую эпоху. На месте серой, отграненной громадины генераторного зала лежала глубокая, сырая впадина с замороженными берегами — знаменитый котлован, который старые строители Горьковской ГЭС вспоминают с не меньшим уважением, чем солдаты гражданской войны — Перекоп.

В глубине котлована, у высокой деревянной опалубки стояло с лопатами несколько человек в резиновых сапогах, в брезентовых комбинезонах. Среди них один высокого роста, со знакомым лицом...

— Вы?

— А я ж, — усмехнувшись, говорит Бренцов. — Тогда, в пятьдесят первом, стоял наш экскаватор в этом же котловане, копали по полторы нормы. А подошел срок бетон закладывать в плотину, первый кубометр поручили уложить тем, у кого были самые высокие показатели по своей профессии. Попал и я в тот список...

* * *

Чем дальше мы смотрели на старую фотографию, тем больше появлялось воспоминаний: нам тоже довелось в то, далекое уже теперь, утро быть здесь, на торжестве закладки первого кубометра бетона.

Выпал тогда солнечный апрельский день, ветерок приносил с верховьев влажные запахи весны, сверкал взбудораженный волжский разлив у водозабора.

По краю котлована с песнями, с флагами шагали тысячи людей — с бетонного, ремонтно-механического, шлакоблочного заводов, арматурщики, шоферы, бетонщики. Бухали барабаны в оркестрах.

В какой-то миг на всем поле наступает тишина. К увитому ветками крану, трепыхая алым флагом на радиаторе, подходит первая машина с бетоном.

Стрела беззвучно поворачивается, и под крики „ура“ первый груз бетона опускается в котлован.

Там, под скрестившимися взглядами тысяч людей, сноровисто работают семь-восемь почетных бетонщиков.

Высокий человек в брезентовом комбинезоне держит увесистую лопату с серой массой. И, будто не испытывая тяжести, широко улыбается... Это был он, лучший экскаваторщик правого берега.

...Бренцов пришел на стройку одним из первых экскаваторщиков, в сухую, солнечную осень 1949 года, вспомнив профессию юности. Ожил тогда пустынный берег Волги напротив Городца. Поднимались деревянные и каменные жилые здания, двухэтажные щитковые строительные конторы, закладывались корпуса подсобных заводов. Как воздух, сразу стала нужна стройке хорошая дорога, и Александр Филатович, вместе с другими экскаваторщиками, вывел свою машину на трассу.

В короткое время надо было насыпать высокое дорожное полотно, экскаваторы все больше и больше отвлекала основная стройка, и на собраниях дорожных строителей призывали к напряжению, к борьбе за темпы. Бренцов по скромности почти не выступал, но думать над делом стал больше и сменщикам своим как-то сказал:

— По одному только плану силу нам мерить не стоит, други, много лишку останется... Завтра попробую кубов сто добавить к заданию...

Переглянулись машинисты, ничего не сказали. А „старшой“ слово сдержал: на другой день он выполнил более полутора норм, да так и закрепился на этом уровне. Потянулись за Бренцовым и товарищи.

Тогда в Шеляхове, Пестове, Липовках экскаваторы были еще в диковинку, и с утра до вечера толпились у гусениц деревенские ребятишки. Бренцов не гнал их, а однажды даже поманил пальцем одного, вихрастого, одетого в отцову гимнастерку военных лет.

— Как звать, служба?

— Михайлой, — шмыгнув носом, ответил тот.

— Так, Михайла... Сидеть спокойно умеешь?

— Умею.

— А ну, давай в кабину, и чтобы ни-ни...

В кабине мальчишка в первые минуты онемел от удивления. Машинист тронул ручку контроллера — и река, деревенские дома, скотный двор с черепичной крышей двинулись влево. Перед глазами протянулось ржавое торфяное болото, проплыла синяя, зубчатая как пила, полоска леса вдали. Секунды — и все это, как в кино, снова двинулось, но в другую сторону, и деревня стала на место. В то время, когда ковш вгрызался в почву, лицо и руки Бренцова напрягались, будто это он делал своей силой.

— Ты сколько поднимешь, Михайла? — прервал молчание машинист.

— Пуд подниму, а то и больше.

— Ну, а я, знаешь, сколько сейчас поднимаю?

— Сколько?

— Сто пудов одной рукой, понял?

Опять помолчали. Потом Бренцов начал будто думать вслух:

— Мало этого, однако, — поднять и перенести. Надо еще и быстро делать...

Последика по часам, сколько секунд у нас на цикл уходит?

— На какой цикл? — спросил мальчик.

— Э, служба, я и забыл, что ты этого не знаешь... Ну, это значит полный поворот за землей и обратно с грузом, ясно? Попробуем подъем с поворотом враз делать — секунды три еще урвем, пожалуй...

Мальчуган, затаив дыхание, следил в одно время и за юркой секундной стрелкой и за зубастым ковшом машины, который будто стал взлетать и падать еще резвее. Вот он вливается железными зубами в красноватый

суглинок, заглядывает сразу столько земли, сколько другой землекоп вскопает за день, а потом, вместо того, чтобы подняться на тросах и плавно покатить влево—срывается с места и взлетает к отвалу по диагонали: движения подъема и поворота слились в одно.

Но стрелка у часов маленькая, легкая, а ковш огромный—может, поэтому у Михайлы и не получается со временем: цикл занимает по-прежнему то 26, то 25 секунд. И лишь после многих попыток мальчуган радостно взвизгивает, покрывая шум машины:

— Двадцать четыре!

А Бренцов недоволен, цедит сквозь зубы:

— Не годится так. Давай еще учиться.

— А почему?

— Машину дергать стали—чуял? Так трос ежом станет...

Как бы то ни было, но борьба за сокращение цикла, за каждую минуту смены быстро дала плоды.

Бренцов стал изо дня в день перевыполнять задания: при сменной норме в 440 кубометров он вынимал по тысяче. Товарищи с молчаливым одобрением приглядывались к его работе.

А новая дорога с каждым днем продвигалась все дальше, подминая под себя болота и пески, раздвигая кустарники, слизывая ненужные холмы, перешагивая через безмянные, крохотные осенью, но бурные по веснам речушки...

Есть уже в Заволжье и Городце свои летописцы большого волжского строительства. В газетных статьях, в рисунках и фотографиях, в простых стихах хранят они для потомков картинки быстролетной жизни этого маленького уголка Волги, на описание которого, пожалуй, ушла бы целая древняя летопись.

Поздно вечером этого же дня нам довелось побывать у одного из таких летописцев-фотографов и перебрать одну за другой десятки фотографий. Нас поразила одна—цветная, названная автором „Нашей дорогой жизни“. Извиваясь, теряется где-то в оголенном осиннике старый Пуреховский тракт, поросший по краям болотными травами, кое-где пересеченный, как наростами при переломах, деревянными мостиками. А правее, возвышаясь метра на полтора, пролегло новое каменное полотно дорбги на стройку. Нет такого леса и болота на пути, которое бы заставило его вильнуть в сторону. Поперек безлюдной старой дороги стоит розовый, как утро, теленок и, задрав веселую морду, глядит на вереницу машин, катящих по новому шоссе...

Это было первое дело Бренцова и его товарищей. Но впереди ждали куда более серьезные и жаркие дела. Предстояло готовить основание для гигантской земляной плотины станции. Это значило—начисто срыть огромные массы негодного грунта, докопаться до более надежных слоев земли, куда земснаряды уже могли смело намывать донный песок. Работа невиданая, закулисная, без зримого результата.

— Тут уж снимать на карточку, брат, было нечего, только пленку портить,—сказал как-то к слову сам Бренцов.

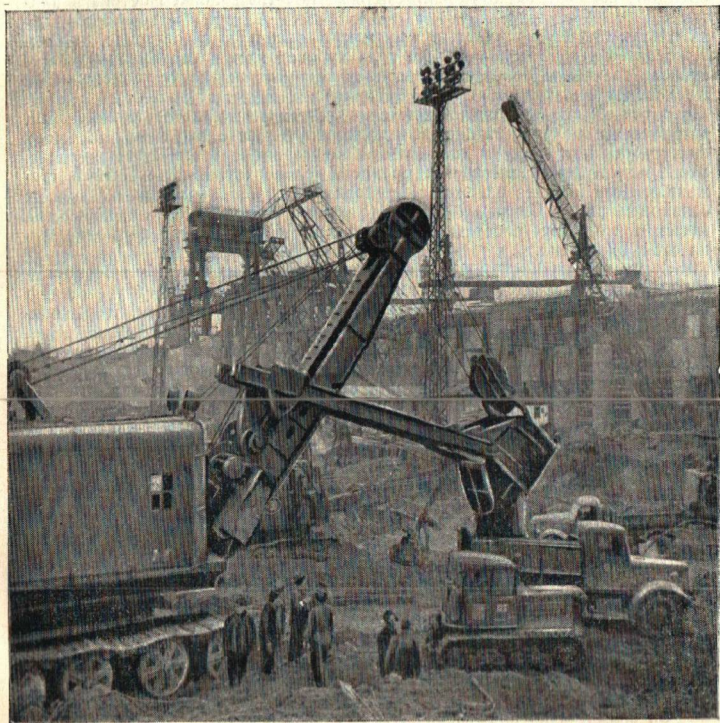
А по размаху работа та была трудная, требующая великой выносливости не только от машин, но и от людей.

Еще сложнее было рыть глубокие котлованы на десяток—другой метров ниже уровня реки—они требовались для постройки здания станции и бетонной водосливной плотины, что должна была грудью остановить течение могучих вод.

В конце 1950 года, когда настала пора первой лобовой атаки на Волгу—

строительство стального водозабора—Бренцова и его экскаватор перевели на котлован.

Просто вспоминать о месяцах, которые пережил он там: память отбрасывает обычно самые благополучные, яркие дни и часы. То вырвет конец какой-нибудь особенно трудной смены, когда промокший насквозь, но довольный итогами экскаваторщик прямо по ледяной жиже идет на „сушу“, к теплу, к рукопожатиям друзей; то покажет отрывочек торжественного собрания, где машинисту под аплодисменты вручают переходящее знамя. Куда труднее было неделю за неделей, день за днем работать. Непрерывно сочится, набегаёт вода в яму—порой она едва не покрывает гусениц, грозит затопить, засосать неприспособленного к воде механического труженика. Ковш с грузом едва оторвешь от слипшейся глины.

Экскаваторные работы в котловане ГЭС.

А над всем этим с утра до вечера свистит неласковый ветер, секут лицо леденеющие дождинки... Даже машина не всегда выдерживала такой „режим“. До срока снашивались тросы, рвались цепи, когда в них попадали комья твердой глины. „Великомученики“, „водолазы“—звали экскаваторщиков в эту пору шоферы и электрики.

Все вынесли сильные плечи Александра Филатовича Бренцова. И план он перевыполнял по-прежнему, и машина служила исправно, никогда не стояла из-за поломок, потому что суров был „старший“ и к себе, и к сменщикам, когда речь заходила о техническом уходе.

— В кабину нет ходу, пока последнюю гайку не проверил,—говорил он.—Савраска один и то чистки требует, а тут сколько лошадиных сил, знаешь?

Вот за это хозяйское, мудрое отношение к делу и доверили тогда Бренцову среди лучших уложить первые почетные лопаты бетона в плотину.

Нигде так не крепнет дружба, как в общем деле—в труде, в бою. И когда во второй половине 1951 года кубовой экскаватор Бренцова № 40 послали расширить основание для большой намывной плотины, сменщиками Александра Филатовича стали два его лучших друга.

В той же старой записной книжечке Филатыча есть листок, где крупным, разбросанным почерком написано и подчеркнуто несколько фамилий. Среди них трижды подчеркнуты две—Ивана Комиссарова и Петра Рукавишникова. Это и есть лучшие помощники Бренцова—словоохотливый, скорый в движениях Иван и более сдержанный, упорный Петро—„неразливный“ экипаж славной машины. Связывал их неписанный договор—днем ли, ночью, на глазах или одному—работать на совесть, не ронять марки, не подводить ни себя, ни других.

Старшим машинистом, „хозяйном“ стального землекопа был Бренцов—и не столько по штатной должности, сколько по твердому убеждению остальных членов экипажа. Он больше других думал над тем, чтобы опсанную в руководстве работу „умной“ машины сделать еще умнее.

Вечера три кряду, прислушиваясь к свисту ветра за окном да поглядывая на угли печки-самодельки, рассказывал мне о событиях на работе охотник до всяких „бак“ Иван Комиссаров.

...Было это в дни, когда трое друзей бились над расчисткой основания плотины. Несколько суток подряд задувал холодный северо-восточный ветер, и вдоль песчаной впадины уныло шуршал песок, напоминая шум далекого водопада. Он забивал глаза, проникал за воротник, противно хрустел на зубах. Кругом было пустынно, экскаватор представлялся маленьким живым островком в сером, мятущемся мире, и от этого работа казалась еще необъятней.

Нет ничего приятнее в такую погоду дожидаться конца смены и, подняв воротник пиджака, идти к людям, к теплу, к горячему обеду. А молчаливый Бренцов не спешит в поселок. Вот уже и смена кончилась, и Комиссаров занял место машиниста, беззаботно напевая о далеких кострах, а он все не уходит домой. Позабыв о холоде, Бренцов не отрывает глаз от дрегляйна.

— Ты что, Филатыч, али золото в нашем песке нашел?—смеется Комиссаров.

— Погоди, Ваня...

Он внимательно прослеживает весь сложный путь грунта. Вот со скрежетом захлопывается крышка дрегляйна, тросы подтягивают груз кверху и стрела бросает песок вправо. Крышка дрегляйна отпадает, из острозу-

бой пасти его песок с глухим шумом падает в холм отвала. Тут же рядом работает второй экскаватор—с прямой лопатой. Он подбирает песок с отвала и пересылает в подставленный кузов самосвала.

„Канитель, не работа,—раздраженно думает Бренцов.—Две машины одну ношу несут! Сколько времени теряется, горючего, людей лишних занято... Варварство“...

— Слушай, Иван,—уже вслух говорит он, когда его друг вышел из кабины передохнуть.—А что, если мы грунт в машину прямо дрегляйном будем подавать, а?.. Отпустим второй экскаватор на все четыре...

Комиссаров с недоумением глядит на товарища. Дрегляйн, в отличие от ковша-лопаты, связан со стрелой тросами—так называемой гибкой связью. При работе от движения стрелы, даже от ветра он порой превращается в гигантский маятник и может сокрушить весь кузов автомашины. Чтобы точно подать и благополучно высыпать грунт, нужна сноровка, исключительная точность в управлении. Машинист должен слиться воедино с механизмом, чутко, как музыкант, войти в ритм машины. До тех пор никто на стройке так работать не пробовал.

— Не подашь точно, Филатыч. Да и прораб не разрешит.

— Уломаем!—бешабно тряхнул головой Бренцов и, выпрямившись во весь рост, большими шагами пошел искать прораба участка. „Уломать“ его было не так-то просто. Как это нередко бывает, на все доводы рабочего тот находил десятки возражений. Пошли в ход и параграфы из правил техники безопасности, и ссылки на ветер, и угрозы тяжелыми последствиями в случае неудачи.

— Всю ответственность в этом деле, любую—моральную, материальную, уголовную, черт возьми,—беру на себя!—яростно отрезал Бренцов.—Я считаю, что работать по-старому, пересылать вот так песочек с ладошки на ладошку, пускать на ветер народные богатства и силы—преступление... Косность, трусость, вот как оно называется!..

Наконец, начальство махнуло рукой: давай, пытай, с тобой не сговоришь. Но только смотри, в случае чего...

Бренцов быстрым молодым движением сдвинул шапку на затылок и молча полез в кабину. Шофер, предупрежденный об опыте, с чуть пугливым выражением подвел самосвал на указанный место и выскочил из кабины. Подошел машинист соседнего экскаватора-лопаты, ничего не сказал, но недоверчиво покачал головой. Все смотрели на высветленные зубы дрегляйна: он чуть покачивался на ветру, будто оскалась в недружелюбной улыбке.

...Не прост первый шаг человека, решившегося на новое. Идти надо против многих, а отвечать одному. Сорвется дело—послышится торжествующий хор осторожных людей: „говорили... предупреждали...“. Выйдет—все равно неизбежны еще долгие проверки, придирки, повторения, опровержения.

Но что все это по сравнению с той великой радостью творчества, которая потрясает новатора при удаче? Столь полное ощущение счастья знакомо еще, может быть, писателю или художнику, чьи творения безоговорочно приняты мир, да еще матери, когда она впервые сталкивается с чудом появления на свет нового человека, ее человека.

„А вдруг не выйдет“,—мелькнула у Бренцова предательская мысль, когда он плавно передвинул рычаги управления, и тут же отозвалась в чуть дрогнувших руках. „Нельзя“,—сурово остановил себя машинист и усилием воли настолько слился с машиной, что на какие-то мгновения почувствовал стрелу и тросы прямым продолжением своих рук... Вот ковш,

захватив землю, плавню, без рыжка оторвался и наискосок пошел к машине—вправо и вверх. Машинист поворачивал стрелу не быстро, чтобы не раскачать трос. Секунды—и огромный, тяжелый дреглайн остановился, чуть покачиваясь, над кузовом. Новое легкое движение пальцев—он опустился ниже, и в то мгновение, когда чуть качнулся от кабины к середине,—вдруг накренился и открыл пасть... Весь песок с глухим шумом ударил о дно машины, лишь несколько лопат просыпались у задних колес.

— Ур-ра!—гаркнул во все горло Иван Комиссаров и бросил фуражку о землю.— Гуляй теперь, Митрофан, куда хошь верхом на своей лопате,—обратился он к машинисту подсобного экскаватора,—амнистия тебе, значит, вышла... Сами управимся!

Бренцов поработал еще около часа, потом неторопливо выбрался по лесенке, вытирая зеленым платком большие капли пота со лба.

— Кажись, все теперь... Будем работать так. И мы, и... другие. Залазь, Иван, пробуй...

Он ничего не сказал прорабу, лишь чуть покосился в его сторону, ждал.

— Ну, что ж,—проговорил тот, помедлив,—продолжайте проверку... Чтобы рекомендовать такое, надо всем нам пуд соли съесть...

— И съедем, товарищ начальник, честное слово съедем,—пробасил Бренцов, озорно хлопнув по спине Ивана Комиссарова.— Ты глянь, богатырь какой, он и два съест!

„Пуд соли“, однако, есть не пришлось: день-два прошло, и заговорили об удачном опыте на всех строительных участках сначала правого, а затем и левого берега. Сперва единицы, потом десятки людей начали отказываться от помощи экскаваторов-лопат. Стройка будто получила новый отряд экскаваторов. Резко подскочила производительность, сократились расходы. „Кубики подешевели“,—отметили на экскаваторах машинисты.

* * *

Позднее экскаватор № 40 перебросили на другой участок—на так называемую шестнадцатую „карту“.* Здесь работать было еще труднее: рядом протекал глубокий ручей, его воды сразу напитывали любое углубление, сделанное ковшом, и избавиться от воды было невозможно. Однако экипаж машины не унывал. Бренцов еще более усовершенствовал свои приемы погрузки грунта дреглайном. Самосвалы теперь тоже работали производительнее. Их так и подгоняла неутомимая стрела сорокового экскаватора. Могло бы дело пойти и еще быстрее, но...

Как-то раз Комиссаров работал, а Бренцов сидел рядом с ним в кабине, курил, глядел в подернутое изморозью окошко... Вот тяжело сдвинулась с места и пошла, переваливаясь по ухабам, груженная доверху машина. Навстречу бойко подбежала другая, пустая. На погрузку она встала, как обычно, не сразу: надо было еще развернуться, стать не фарами, а кузовом к дреглайну, дать задний ход. Друзья сидели, курили, ждали. Бренцов легонько насвистывал песню о последнем севастопольском матросе. Где-то так же тоненько повсвистывал ветер в щели.

— А ведь это не обязательно, черт возьми!—вдруг громко молвил он и поднялся.

— Ты о чем это, Саша?—спросил Комиссаров.

* „Карта“—участок земляной плотины, площадка, на которую производится намыв.

— Да вон... маневры у нас самосвалы делают—разворот, задний ход... как океанские корабли. А время бежит впустую. Знаешь что, а если мы сделаем вот так...

Прямо пальцем на запотевшем стекле Бренцов принялся чертить. Вместо того, чтобы тратить время и горючее на разворот автомашины, на подъезд задом, он предложил сделать просто круговой заезд. Подходящая машина стремительно минует экскаватор, на полном ходу заезжает сзади, и прямо по ходу встает под ковш, уже устремившись фарами в обратный путь. Первый ковш грунта самосвал получает еще на подходе, последний—когда уже тронулся с места. Ни секунды простоя! Машины свободно подходят одна за другой, иногда совсем рядом, не выжидая, как прежде, конца „маневров“ предшественника.

— Филатыч, да это же конвейер получается, поток, а?—загорелся Комиссаров.—И до чего просто...

На этот раз рабочие даже и в известность никого не поставили о своей выдумке, кроме шоферов. А с ними договорились быстро: кому же не лестно увеличить выработку в полтора-два раза? Так и вышло на деле: почти на нет сошли простои, ходом двинулась работа в забое.

— Как в атаку побежали, Филатыч,—резюмировал Иван Комиссаров, стараясь не сбиться с ритма земляного конвейера.

Бренцову сначала эта новая организация погрузки казалась не ахти каким важным делом: просто легкое усовершенствование, заслуга здравого смысла. Но не так отнеслись к этому товарищи, инженеры, технологи. Вскоре многие поставили дело так же, как „на сороковом“. А самого Александра Филатовича заставили подробно рассказывать о новом способе подъезда автомашин не только в клубах стройки, но даже в Москве, на совещании механизаторов при Министерстве электростанций СССР.

В дни, когда тройка работала на прорези для земснарядов, срывая высокий гребень берега, на стройке ощущался недостаток подъемных тросов. А при работе в сложных геологических условиях они изнашивались быстро, так что, бывало, долгие часы и работать нельзя было.

Бренцов нашел выход. Он заметил, что трос на экскаваторе ставится длиной в 28 метров, а изнашивается быстро лишь семиметровая „рабочая“ часть,—та, что постоянно подвергается перегибам и трению. Получалось явно нелепо: приходила в негодность четвертая часть, а выбрасывать надо было весь трос. Бренцов поступил очень просто: в следующий раз он выписал с материального склада не 28, а 42 метра троса и так весь и поставил в работу: сносится семиметровый конец, его быстро отбрасывают и выпускают запасную часть. Так повторяется дважды. Это нововведение позволило сэкономить в два с половиной раза дефицитный в то время трос.

Шел месяц за месяцем, и каждый из них за работой походил на другой. А стройка росла. Другой раз идет утром Бренцов на смену, взберется на золотую насыпь плотины, глянет направо, налево—и не узнает привычных мест. Там, где месяц назад они брели в резиновых сапогах по колону в грязи, поднимается бетонная стенка. На месте пригорка, поросшего тальником, в котором так пронзительно свистел ветер,—ровная, как беговая дорожка, тропа будущего намыва.

Где они неделю назад в выходной искали рыбу бреднем—шурует, булгачит воду земснаряд, протянув, будто длинный хвост, бурый пульпопровод. В эти минуты Бренцов радостно улыбался и говорил вслух сам себе—благо вокруг было пусто:

— Так... Даром хлеб не едим, братва, растет дело...

В начале 1953 года сороковой экскаватор вновь бросили в котлован

А. Ф. Бренцов в кабине козлового крана.

у водосливной плотины: чтобы окончить ее и перекрыть Волгу, надо было вынимать самые трудные кубометры донного грунта. Прежде чем съехать к месту, Бренцов, Комиссаров и Рукавишников задержались наверху и долго смотрели вниз, на желтую жижу грязи.

— Потонем, Саша, а? — с сомнением в голосе спрашивал Комиссаров.

— Да, други, — протянул Александр Филатович, почесывая затылок. — Звали волов не мед пить, а воду возить... Ну, была не была!..

„Старшой“ махнул рукой и стал медленно съезжать с экскаватором вниз, в расступающуюся донную воду. Однако это не был простой риск: он уже прикинул в уме, что площадь опоры широких гусениц машины не даст ей погрязнуть „по уши“, тем более, что ниже должен идти более плотный слой грунта.

Экскаватор, действительно, утонул только сантиметров на двадцать пять. Но зато тут пришлось иметь дело с древней, уже окаменевшей глиной — так называемым мергелем, впервые потревоженным за многие тысячи лет...

Жалобно стонали захватывающие ролики, звенели, натягиваясь, тросы; снова рвались цепи. И только люди работали молча; лишь курили вдвое против обыкновенного да чаще пользовались словами, которых избегают словари.

Как упрямый, обозленный серый крот, вкапывалась машина все глубже и глубже в дно, а почти над ней, за тонким валом перемычки,

высилась 20-метровая грозная стена воды. Но машинисты даже не думали об опасности, и только в апреле, когда была дана команда затоплять котлованы, последним, яростно фыркая, вылез из ямы чудовищно грязный экскаватор № 40.

У машин на гидростроительстве, как и у людей, — свое место, своя судьба. Сначала здесь безраздельно главенствовали геологи. Они уступили свое место землекопам всех специальностей. Те в свою очередь сдали позиции монтажникам, электрикам на станции, речным специалистам на шлюзах. Так постепенно шла к закату трудная эра механических грабарей, очищая место стальным грузчиком — кранам. Все чаще теперь экскаваторы шли на подсобные участки — на рытье котлованов для жилых зданий, на засыпку последних проранов, на бетонный завод. В самом конце 1954 года работал на бетонном заводе и экскаватор Бренцова.

— Гм... Курорт, не дело, — сказал товарищам старший машинист, — тихая пристань...

Потом молчал час-другой, как всегда перед какой-то новой выдумкой, и спросил Комиссарова с улыбкой, не предвещавшей спокойной жизни у „тихой пристани“:

— Ну, как, в сон не кидает тебя от такой работы?

— А что? — недоверчиво ответил тот, поднимая очередной ковш с грузом.

— А то — давай, вместо кубового ковша поставим полуторакубовый?

Честное слово — потянет

Сказано—сделано: Бренцов, уж если решил, не любил долго раздумывать.

На тросы навесили большой полторакубовый ковш, отчего машина стала еще больше походить на какое-то древнее чудовище с клювом, и работа пошла почти в полтора раза скорее.

Как-то на досуге, собравшись в праздничный вечер вместе, друзья подсчитали, какую работу выполнил их экскаватор № 40 за четыре года. По техническим нормам после 7,5 тысячи часов работы железному землекопу положено длительное санаторное лечение—капитальный ремонт. А их машина уже была в работе около 20 тысяч часов—и не нуждалась в большом ремонте. Благотворно сказались на ее здоровье бренцовские профилактические осмотры и „ремонты на ходу“.

По плану за четыре года кубовый экскаватор должен был вырыть 480 тысяч кубометров среднего грунта. А Бренцов, Комиссаров и Рукавишников выкопали 723 тысячи кубометров—свыше 150 процентов к плану. На добрых два года они опередили календарь: шел еще 1954 год, когда их маленький коллектив завершил свою программу за 1956 год—первый в шестой пятилетке.

Трудно наглядно представить себе количество земли, которое выгрыз стальными челюстями и перенес этот скромный экскаватор,—один миллион кубометров. Если бы эту землю понадобилось везти по железной дороге, ею можно было бы загрузить 32 тысячи товарных вагонов. Составы с бренцовским грунтом заняли бы тогда расстояние от Горького до самой Москвы и обратно до Владимира!

...А дни шли бурные, кипучие, как струи Волги у нижнего бьефа. Уносили одни, приносили другие дела и события. Пришел и такой день—появился в неурочный час у сорокового экскаватора начальник экскаваторного участка Павел Андреевич Самофал. Долго смотрел он на людей, на машину, потом подошел, положил обе руки на плечи старшему машинисту:

— Ну, шабаш, духи земли... А машину, Филатыч,—на капитальный пора... Прощайся, значит... Помнишь: „прощай, мой товарищ, мой верный слуга, расстаться настало нам время...“

Бренцов стоял и глядел на машину, трогал выветренные, сношенные части: привык за годы, как к живому существу. Каждая царапина на ней—будто на теле...

Так и пришел он в лето 1955 года на водосливную плотину. А с осени стал прорабом...

* * *

— Да, и стал тут прорабом,—вторично, на ходу, гудит Бренцов, когда мы шагаем после смены в город строителей прямо по стежке. С ним рядом, то и дело оступаясь рыжим валенком в сугроб, тяжело идет и усталый Комиссаров. Работают они теперь в разных местах, а ходят часто вместе, хотя Ивану заходить—большой крюк.

С бугра поселок, как на ладони. На площади Ленина вспыхивают огоньки автогенов. Черные глазницы недостроенного дома, как при молнии, на мгновение освещаются изнутри синим мерцающим светом. А левее, на правдинском тракте, где-то на самом краю горизонта рождаются крохотные движущиеся светлячки. Они вытягиваются в цепочки, пропадают и появляются вновь. Вливаясь в поселок, эти вереницы огней исчезают в нем, как в озере.

Иван щурит глаза на свет, отчего в них тоже бегают яркие точки, и думает о чем-то своем.

— А людно стало, Филатич... Глянь—огни,—негромко говорит он, заглядывая другу в глаза.

— Знамо—огни,—подтверждает тот.—Везде огни, брат... Если взять вон ту сторону—так вдоль всей Сибири... Ты сибирские реки знаешь?

Поглядывая на темную полосу волжской воды, Бренцов продолжает:

— Реки там, брат, сурьезные... Однако тысячи лет зря текли... И не в ту сторону... Двинем туда на своей лопате, а?

— Айда,—в тон „старшому“ отвечает Иван.—Только машину бы вот малость обновить... Кубов бы на пятьдесят кошшик, а?

— Ну, ну... Набаловала тебя техника... Я, брат, начинал, знаешь... с простой лопаты. Уже потом, когда усы выросли, на американский „маршон“ сел—был такой паровой кранишко, из-за границы выписывали... Тоже, скажу тебе, не машина...

Мне в общем известна его жизненная история—типичная жизнь советского рабочего, поднятого на крыльях стремительных планов страны. Трудное детство в подмосковной рабочей семье. Когда началась Великая Октябрьская революция, мальчик едва достиг школьного возраста. Лет шестнадцати поступил в школу ФЗУ, и из него воспитали неплохого экскаваторщика.

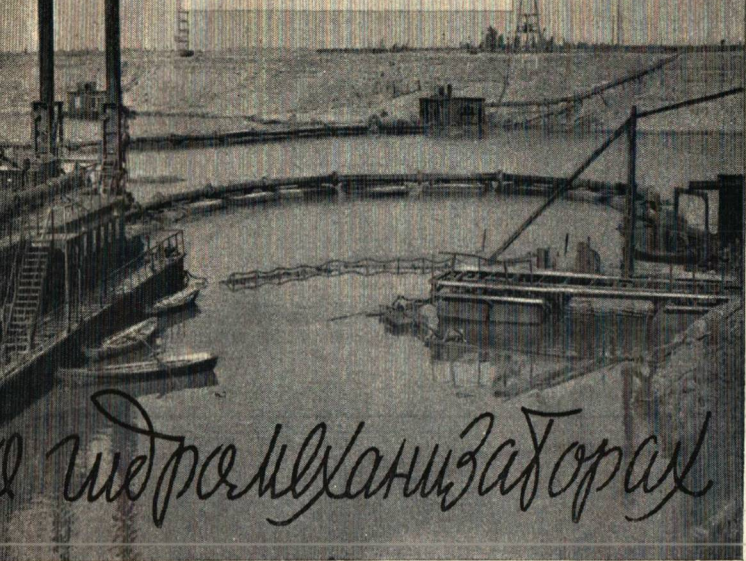
Был это 1929 год. Специальность парень получил золотую, но... машин для нее страна еще не производила, а заграничных имелось маловато. Лишь в годы второй пятилетки, когда советские заводы стали тысячами выпускать стальных землекопов, вполне ощутил Бренцов великую красоту своей профессии.

Вот он—идет сейчас впереди, в двух шагах, могучий, хорошо поработавший труженик, и говорит другу тоном вполне счастливого человека:

— Не знаю, куда закинет теперь доля—широки у нас края, заманчивы планы. Вот подметут тут улицы, сожгут мусор, цветов насажают по берегам... А мы, Ванюшка, снова где-то станем в глине копать, матушку землю на дыбы ставить... Так и будет, друг, долгие годы...

Поздно уже, а огни на эстакаде не гаснут, шум не стихает. Где-то там гигантские веера генераторов рождают ветер, от которого слетают шапки. Рычит вода на волноломах, поют провода—на две-три области—песню великанов, шагая через поля, дороги, реки...

С Л О В О

Гидроэлектростанция

С верхней площадки стройной ажурной башни — опоры кабелькрана с семидесятиметровой высоты отлично просматривается вся панорама нового действующего волжского гидроузла.

Отражаясь в зеркале нового моря, поднимаются над водой здания ГЭС и ребристая стена водосливной плотины. От здания станции, вплотную примыкая к ней, тянется по правому берегу земляной вал двадцатиметровой высоты. Это земляная плотина — искусственный берег моря. Чтобы волны не разрушали плотину, склон ее, обращенный к морю, облицован железобетонными плитами.

Такая же земляная гряда идет по левобережной пойме. Она начинается от крутого коренного берега, сопрягается со шлюзами, перебирается через русло Волги, перекрытое каменным банкетом, и подходит к водосливной плотине, смыкаясь с ней.

Линия плотин и составляет так называемый фронт напорных сооружений — главное звено в строительстве любого гидроузла. Они закрывают путь волжским водам, которые теперь, чтобы течь дальше, туда к Каспию,

должны пройти или через пролеты водосливной плотины, или через каналы, подводящие воду к лопастям вала турбин.

Из всех волжских гидроузлов Горьковский имеет самый большой по протяженности фронт напорных сооружений. Длина земляных плотин и дамб превышает здесь 18 километров.

Смотришь на этот вал, раскинувшийся огромной дугой, концы которой теряются в синюющих даях, и с уважением думаешь о тружениках, создавших его, и прежде всего о гидромеханизаторах, о людях, работающих на воде и с помощью воды. Ведь гидромеханизация как раз и означает не что иное, как особый способ производства земляных или горных работ, когда разрыхление грунтов ведется землесосными снарядами или напорной водяной струей гидромониторов и потоком воды грунт переносится к месту укладки. А так как на крупных стройках ГЭС земляные работы обычно одни из самых трудоемких, то не удивительно, что, бывая на таких стройках, слова „гидромеханизация“, „гидромеханизаторы“ вы услышите весьма часто в рассказах строителей.

* * *

Управление службы гидромеханизации строительства Горьковской ГЭС расположено в длинном одноэтажном барачного типа домике, с широкими окнами, недалеко от Волги. „Ближе к производству“,—как говорят работники управления.

Неказистый вид домика как бы напоминает о том, что работают в нем люди временно: кончится дело, и они уедут на другие большие стройки, вместе с остальными строителями.

Да и то сказать, есть чудесная поговорка: „Не место красит человека, а человек место“. А Почетная доска, установленная, около здания Управления, красноречиво свидетельствует о том, что люди здесь привыкли хорошими, большими делами „красить место“, где они трудятся.

В светлом, небольшом и скромно обставленном кабинете я застал начальника Управления службы гидромеханизации Анатолия Даниловича Шаргородского, молодого еще, но опытного, выросшего на этой стройке инженера. Он проводил совещание с начальниками отделов, и мне пришлось ожидать окончания его. Когда все разошлись, выяснив какие-то дополнительные, как всегда возникающие неожиданно сверх программы вопросы, сомнения, Анатолий Данилович обратился ко мне.

Я постарался объяснить, что привело меня в Управление, и подчеркнул, что,—вот, мол, хотелось, чтобы вы, Александр Данилович, о чем-то замечательном, выдающемся в работе гидромеханизаторов сообщили.

— Ну, конечно,—улыбнулся он.—Представьте, что ни бывало у нас на стройке журналистов, писателей, каждый требует материала интересного, выдающихся примеров. Нужны, так сказать, события героического плана, исключительные факты, какие-то особые люди. Но когда просят дать факты особенные—оказываешься в затруднении. Я искренне говорю, задумываешься: о чем рассказать, что выглядело бы для вас особо запоминающимся. Мы, знаете, ничего иного не делаем, как землю гоним, в этом вся наша задача и состоит: берем землю из воды и гоним на берег, а то и опять в воду. Удивляетесь, как это так в воду? А вот в 1949 году двумя земляными перемычками воложку перекрывали, позднее русловую плотину на Волге намывали. Вот это и есть наш повседневный труд.

Подобный характер начала разговора мне уже был знаком. С кем бы

Работающий земснаряд.

из строителей ни приходилось беседовать, все они, часто не без удовольствия показывая, что ими сделано или делается, говорят о работе своей мало, как бы с таким подтекстом: „Ну, что в этом удивительного? Работаем и работаем“.

А между тем видишь: поручено, например, двум каким-либо бригадам одно и то же дело, а делается оно по-разному. Люди одной бригады, добросовестно трудясь, едва „натягивают“ план, а соседняя бригада изо дня в день дает 150—200, а то и больше процентов выполнения задания. Вот и разница, вот и деловое, практическое выражение просто добросовестного отношения к труду и такого же отношения, но сочетаемого с проявлением инициативы, сметки, поисками более совершенных приемов работы, лучшей технологии производственных процессов, точного расчета времени.

Я высказал эти соображения моему собеседнику и спросил: неужели,

говоря о повседневной работе гидромеханизаторов, Александр Данилович хотел сказать, что в коллективе, руководимом им на большой волжской стройке, не было ни поисков нового, ни трудового энтузиазма, ни подвигов героизма?

— Все дело, по-моему, в различии двух взглядов на одно и то же явление. Конечно, все те черты нового в труде, о которых вы только что говорили, я знаю это по своим наблюдениям, присущи многим строителям на любом участке стройки, в том числе и на нашем. И мы не проходим мимо таких фактов, оцениваем значение успехов, предположим, одних в сравнении с трудом других. Но в то же время и в этих успехах видим не что-то выдающееся, исключительное. Для нас стало привычным такое отношение к труду. Вот взгляните сюда.

Мягким округлым движением руки Шаргородский показал на стену, на которой висел большой лист бледно-зеленой кальки с нанесенными черными ломаными линиями, пересекающими лист во всю ширину.

Что изображалось на этом плане, догадаться было не трудно. Я узнал в линиях чертежа графическое изображение фронта намывных напорных сооружений гидроузла.

— Узнаете, что на чертеже?—спросил он.—Вот наша работа. Результаты ее вы видели в натуре. Более 80 миллионов кубометров грунта вынута и перемещено на всей строительной площадке. Из них свыше 50 миллионов кубометров переработано способом гидромеханизации. Представляете себе реальное выражение этих объемов? Из той земли, что мы вынули, насыпали в плотины, можно было бы сделать вал примерно в полтора метра шириной и метр высотой, и такой вал опоясал бы земной шар по экватору.

А теперь представьте и другое: вот, если бы не было в нашем распоряжении современной техники, замечательных машин—земснарядов, способных подавать ежедневно тысячи кубометров грунта на расстояние до четырех километров от места выработки, а были бы только землекопы, вооруженные лопатами да тачками, предположим 15 тысяч землекопов—целая армия! Чтобы произвести сделанную нами работу, им потребовалось бы не менее двух десятков лет, а то и больше, даже если бы они трудились круглосуточно. Попробуйте на досуге заняться такими вычислениями—любпытные сравнения могут возникнуть. Ведь работали когда-то и так, с одной лопатой и тачкой. Я вот люблю и постоянно вспоминаю, когда думаю о земляных работах, „Железную дорогу“ Некрасова:

Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли, колтун в волосах;
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядысь к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Мы развернули свою работу на строительстве Горьковской ГЭС в 1949 году с тремя земснарядами, производительностью в 150 и 300 кубометров в час, позднее у нас появилось 18 таких машин. Экипажи на них по 20—24 человека. Некоторое время на намыве плотин левого берега действовала мощная землесосная машина, дающая 1000 кубометров в час.

Завершили сооружение своих основных объектов за шесть летних сезонов. Конечно, остается кое-что докончить, но часть техники мы начинаем отправлять уже на другие стройки.

Так начался туго разворачивающийся в первые минуты встречи разговор с А. Д. Шаргородским.

Но как я и ожидал, из последующего рассказа его, прежде чем мы расстались, я смог узнать и о лучших, передовых людях Управления гидромеханизации, о борьбе их за время, решающее многое на стройке, о новаторах, которые внесли существенные изменения в самый процесс намыва, наконец, о фактах, свидетельствующих о том, что на одной и той же работе по-разному раскрываются различные характеры людей, и каждому из них свойственен свой стиль в труде. Есть в этой работе и место, где проявить и находчивость, и смелость, и мужество. В этом я вскоре смог убедиться и сам, более близко знакомясь с работой гидромеханизаторов.

* * *

Значение труда гидромеханизаторов, их успехи высоко оценивают на строительстве все, но не удивляйтесь, если вам придется иногда услышать и такое добродушно-ироническое суждение о работе гидромеханизаторов: „Песок с водой гнать не железобетон ставить“.

Вот и мне первоначально, когда я только что увидел действующий земснаряд, так подумалось.

Стоит земснаряд на воде, механизмы его работают, песок с водой всасываются и гонятся по трубам туда, куда, требуется, и там вырастает земляная гряда. Просто, кажется? Но, именно, только кажется.

А на деле и песок с водой гнать надо умеючи. Вот один багермейстер, оказывается, гонит пульпу плохую, несущую мало частиц грунта, а другой, работая при таких же условиях, дает пульпу хорошей консистенции, в должном соотношении воды и грунта, и на плотину поступает масса, хорошо; плотно ложающаяся. Это зависит от искусства начальника земснаряда, багермейстера, выбора места разработки—„забоя“, мастерства управления разрыхлительной фрезой: чуть не то положение под водой заняла фреза, и пошла почти одна вода, а то врежется в дно глубоко—и грунт забьет трубы, не протолкнешь. Недаром говорят на стройке о таких мастерах-багермейстерах, как Опарин, Лобов, Басов и другие, которые дают отличную пульпу. А какой опыт требуется от гидромеханизаторов при намыве под лед в зимних условиях! (Так намывались плотины на левом берегу.) Но еще более трудное и хлопотное дело, чем выемка и подача грунта,—намыв самих земляных плотин, как оказалось, довольно сложных, гидротехнических сооружений. Прежде чем начать намыв, необходимо подготовить тщательно место, где встанут земляные плотины. Работу начинают геологи и геодезисты; изучаются грунты, на которые будут опираться земляные плотины, профилируются площадки „карт“. Не всегда намеченное место оказывается подходящим по залегающим здесь почвам. На левом пойменном берегу строители встретили на большой территории, через которую должна проходить намывная плотина, болотистые зыбкие почвы, а избирать другое место для прокладки линии плотины было нельзя. И гидромеханизаторам пришлось сначала с помощью мощных гидромониторов размывать, смывать болотистую почву на значительную глубину, затем насыпать в основание будущей плотины несколько миллионов кубометров песку и уже на прочном основании возводить тело земляной плотины.

Но вот место выбрано, определено. С помощью бульдозеров, скреперов разравнивают площадку „карты“, в центре ее возводят гравийную или из других плотных материалов призму или ядро (оно может быть пластичным или жестким), устраивают коллекторы, по которым будут отходить воды пульпы. Когда „карта“ подготовлена, к ней от земснаряда, стоящего иногда

в двух-трех километрах, проводят эстакаду с уложенным на ней трубопроводом, или как говорят здесь, пульпопроводом, и тогда уже люди, работающие на „карте“, начинают принимать поступающую с земснаряда пульпу, укладывать грунт в тело плотины. Процесс этот сложный. При формировании тела сооружения требуется уложить грунт с различной плотностью. Вот почему очень важно уметь выбрать „забой“, дающие необходимый грунт, и подавать пульпу в необходимой консистенции. Укреплению тела плотины способствует и поступающая с пульпой вода. Просачиваясь вниз, она увлекает за собой мелкие частицы грунта, которые осаждаются ближе к центру плотины, по продольной ее оси, плотной массой. Более крупные частицы располагаются по сторонам от оси.

Когда закончен намыв одной „карты“, приступают к намыву на другой, уже подготовленной заранее площадке. Чаще всего на линии плотины работают несколько земснарядов, каждый на своем участке. Участки затем смыкаются друг с другом, образуя единую гряду плотины; чтобы воды моря не разрушали плотины, на откос ее, обращенный к морю, надевают водонепроницаемый железобетонный „экран“, или „рубашку“.

Много неприятностей и хлопот доставляет гидромеханизаторам забивка труб земснаряда и пульпопровода всасываемыми вместе с жидкой пульпой со дна реки камнями, корнями деревьев, щепой, мелким металлическим ломом.

Багермейстер стоит на вахте у пульта в рубке, работают четко моторы, бурлит вода там, где опущен разрыхлитель, а с „карты“ тревожный звонок: „Пульпа не идет“ или „Что вы даете нам одну воду?“. Значит, надо остановить машину, осмотреть всасывающую семнадцатиметровую трубу. Вскрывают „лаз“ в нее и забираются в сырую тесноту, чтобы вынуть застрявший там мусор. И бывает, что раз до 20—30 в сутки приходится заниматься такой очисткой, особенно если земснаряд стоит в забое, недалеко от строительных площадок, мусор с которых попадает в реку.

Подготовка основания плотины гидромониторами.

Намыв грунта в тело земляной плотины.

Такие задержки нервируют гидромеханизаторов, они дорожат каждой минутой в летний сезон. И хорошо еще, если „пробку“ найдешь сразу, а то иногда и сутки можно простоять, если „пробка“ образовалась неизвестно где в двух-трехкилометровом пульпопроводе. Попробуй, поищи ее. Так однажды, глубокой осенью 1955 года, засорился пульпопровод, по которому гнал пульпу земснаряд № 22. Остановили машину, стали искать, где засорилось. Всасывающая труба чиста—значит в трубопроводе. Пошли по линии, стучали, стучали—езде одинаково чистый звук, а пульпа не идет. Что делать? В таких случаях обычно разрезают в различных участках трубы, чтобы обнаружить „пробку“. А это значило—потерять драгоценное время, может быть, не одни сутки. Тогда помощник механика земснаряда комсомолец Н. Гурьянов, нарушая инструкции о технике безопасности, но не желая допустить большого простоя машины, решил найти место „пробки“, полез в холодный металлический шестидесятисантиметровый по диаметру тоннель. Товарищи его шли рядом вдоль пульпопровода, прислушиваясь к стукам изнутри, иногда они вырезали небольшие отверстия, чтобы шел воздух в трубы, по которым полз Гурьянов, подогревали трубы огнем костров. Несколько сот метров так прополз Гурьянов внутри узкого

пульпровода, пока не обнаружил пробку. Вскрыли здесь трубу, очистили ее от мусора и ликвидировали, немногим более чем за час, закупорку. Земснаряд избежал длительной остановки.

И хотя мне не советовали писать об этом случае, поскольку тут налицо нарушение правил технической безопасности, я не могу не упомянуть о смелом поступке Гурьянова, для которого интересы общего дела оказались важнее всего.

* * *

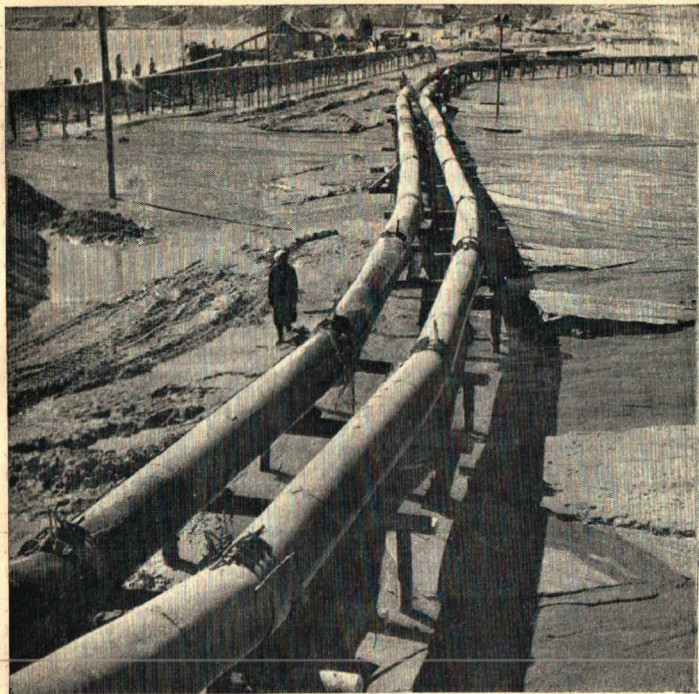
Писавшие о строительстве Горьковской ГЭС, как о стройке средней по своим масштабам, в сравнении, например, с такими волжскими гидроузлами, как Куйбышевский, Сталинградский, называют ее в то же время „полигоном технических новшеств“, местом испытания, проверки на практике новых технических средств.

Одним из таких наиболее значительных по эффективности своей технических новшеств в области производства намыва является внедрение на Горьковской стройке так называемого низкоэстакадного способа намыва.

Выше я говорил, что к „карте“, на которую ведется намыв, пульпровод подводится по эстакаде, состоящей из врытых в землю высоких

Высокоэстакадный способ намыва.

Низкоэстакадный способ намыва.

бревенчатых стояков в форме буквы „П“. Такие эстакады требовали многие десятки тысяч кубометров леса. Ставить такие стояки, поднимать на них тяжелые трубы пульпопровода было и невыгодно, и трудно. Работа на высоте от двух до четырех метров, кроме того, небезопасна, а подниматься рабочим к пульпопроводу приходилось часто и для перестановки труб, соединенных металлическими хомутами, и для прочистки лотков. При высокоэстакадном—ранее обычном—способе пульпа выливалась из отверстий, проделанных в пульпопроводе через несколько метров друг от друга. Пульпа выпускалась таким образом вдоль границы „карты“, и у каждого лотка, по которому вытекала из труб пульпа, необходимы были рабочие, чтобы разравнивать поступающую массу грунтов. Инженеры-гидромеханизаторы Платонов, Успенский, Шаргородский и другие, совместно со Всесоюзным трестом гидромеханизации, учитывая недостатки существующего способа намыва, разработали и применили на строительстве Горьковской

ГЭС новый, существенно облегчающий труд и повышающий качество работ способ намыва. При нем прежние тяжелые высокие стояки заменены низкими, легко устанавливаемыми подпорками, несущими на себе трубы. Пульпопровод составляется из труб, легко и быстро отнимаемых друг от друга. Пульба идет непрерывным потоком из торцового отверстия пульпопровода на дальний конец „карты“. Когда здесь намоет грунт, быстро снимают конечную трубу (или конечные трубы, если намыв идет в два параллельно поставленных пульпопровода) и так постепенно, по мере намыва, снимая трубы, проходят всю „карту“. Намыли на площадку слой грунта нужной высоты, снова прокладывают во всю длину карты пульпопровод, и опять идет в том же порядке намыв плотины. Внедрение нового способа—это экономия десятков тысяч кубометров леса, уменьшение вдвое рабочей силы на сооружении земляных плотин и значительное повышение, на 30—40 процентов, производительности труда и качества намыва.

Земснаряды стали укладывать в тело плотин до 130—140 тысяч кубометров грунта в месяц, вместо 100 тысяч—самого высокого показателя, достигнутого в 1951 году.

При низкоэстакадном способе появилась возможность механизировать и трудоемкий процесс выемки свай с помощью специальной лебедки, установленной на бульдозере.

Изменен, облегчен с помощью бульдозеров и процесс обвалования. На обвалование одной карты длиной в 300 метров требовалось в смену 50—60 рабочих, 400—480 человеко-часов. С применением бульдозеров на устройство обвалования по всей „карте“ при высоте 1½ метров затрачивается 6—8 часов. Все это дает огромную экономию средств и сил.

Еще более высоким технологическим процессом является безэстакадный способ, дающий возможность полной механизации всех работ на сооружении земляных плотин, но на Горьковской ГЭС он из-за отсутствия достаточного количества необходимых механизмов не мог быть применен в широких масштабах и осуществлен только частично, в качестве опыта.

На строительстве положительные результаты дало и изменение организации труда гидромеханизаторов. Ранее экипаж земснаряда был как бы оторван от намывников, работающих на „карте“. Это часто приводило к тому, что работу земснарядов сдерживали работники, готовые фронт намыва. „А нельзя ли,—подумали в Управлении гидромеханизации,—так организовать работу, чтобы два коллектива на одном и том же деле трудились как один коллектив, исходили из единого плана“. Решили найти такую форму организации. Создали первые в Союзе единые комплексные бригады, подчиненные начальникам земснарядов. Они теперь руководят всей работой экипажа и тех, кто работает на месте намыва.

Много и других больших и малых, но оказавшихся одинаково важными для улучшения работы, предложений, мероприятий внедрено гидромеханизаторами. Сколько хлопот доставляла рыхлительная установка на земснарядах! Чугунные свертные муфты на валах ее при ударе фрезы о подводные предметы—камни, твердые древесные породы, например черный дуб—часто ломались, выходили из строя.

По предложению конструктора Орлова и механика Дубова поставили на конце вала предохранительную муфту, и поломки прекратились, стали срезаться лишь предохранительные пальцы на дисковой муфте, но их можно быстро заменить. Подачей отжимной воды к головному подшипнику удалось избежать вывода из строя дорогостоящих деталей в механизме снаряда.

Гидромеханизатором Г. Абакумовым создано приспособление для сборки фрез, начальником земснаряда № 12 Фрамузо, электротехником Сорванцовым

и энергетиком Зайцевым сконструирован прибор—сигнализатор водоточности корпуса земснаряда.

Маленькое дело—провести из рубки багермейстера переговорную трубу в машинное отделение (как на настоящем корабле), но не сразу додумались до этого, а сколько лишнего времени уходило. А вот устроили такую трубу на одном земснаряде. Оказалось—удобно, и маленькое усовершенствование стало применяться на многих машинах.

В кормовой части земснаряда находится так называемый свайный аппарат—две металлические полые трубы метров по 12 высотой (с их помощью земснаряд передвигается на воде). Доступ к ним был затруднен, когда требовалось произвести ремонт, наладку. И вот кто-то предложил устроить маленький мостик около свайного аппарата, и это оказалось тем, что было давно необходимо,

Так творческая мысль гидромеханизаторов, находящая поддержку у руководства и партийной организации Управления гидромеханизации и Управления строительством, направляется на непрерывное усовершенствование технологического процесса намыва, помогает выявлять скрытые внутренние резервы производства и приносит добрые плоды, повышая производительность труда, экономя материальные средства. Только за один 1955 год от внедрения некоторых рационализаторских предложений гидромеханизаторов экономический эффект выразился в сумме 200 тысяч рублей. Только люди, вкладывающие в свой труд душу, инициативу, смекалку, способны решить были ту огромную задачу, что стояла перед гидромеханизаторами Горьковской ГЭС. Я постоянно помнил эту цифру—50 миллионов кубометров вынутого и уложенного грунта: это и намывные земляные плотины, и временный семикилометровый обводный канал, и оградительные насыпи, и другие строительные объекты. Вспоминая об этом, я вспоминал простых, скромных людей, которых встречал, бывая на земснарядах, на сооружении плотин. И об одном из них, с которым чаще приходилось видеться, хочется рассказать подробнее.

* * *

В тот памятный 1943 год, когда после победы в великой битве на Волге, под Сталинградом, воины Советской Армии, ломая упорное сопротивление фашистских полчищ, стали все дальше и дальше гнать их на запад, освобождая родную землю, на военную службу был призван семнадцатилетний юноша из Чкаловска Аркадий Лутвинов.

Направили Аркадия на Дальний Восток, на Тихоокеанский флот. Далек и долг путь от небольшого рабочего поселка на Волге—родины В. Чкалова—до Тихого океана.

Огромная родная страна открывалась взорам юноши: Урал и бескрайние просторы Сибири, суровый Байкал и горы Яблонового хребта, степи и дремучие таежные края.

И хотя крестьянскому пареньку из Курской области, где родился Аркадий, в детстве привелось с отцом, ставшим рабочим-бурильщиком, побывать уже и в Казахстане, и за Северным Полярным кругом в далеком Норильске, от этих поездок остались лишь детские, еще не прочно оформившиеся впечатления. А теперь же, проезжая через большие города и колхозные селения, мимо фабрик и заводов, необозримых зеленеющих полей, Аркадий уже по-взрослому понимал, оценивал огромный размах жизни родной страны, работающей, борющейся; все виденное порождало мысли, что такую страну нельзя победить, наполняло сердце юноши гордостью, что вот он, Аркадий Лутвинов, вступает в ряды защитников Родины.

Во флоте Лутвинов, имеющий почти полное среднее образование (в Чкаловске он учился в десятом классе), попал в школу боцманов, а затем начал плавать на торпедном катере, охраняя вместе с товарищами своими дальневосточные морские рубежи родной земли. А когда в знойные августовские дни 1945 года началась война с империалистической Японией, молодой моряк получил боевое крещение. Ходил не раз он на катере в стремительные атаки на вражеские суда, высаживал десантников. Один из боев особенно памятен Аркадию Лутвинову. Катер, на котором он служил, прорываясь сквозь заградительный огонь охраняющих вражеских судов, вышел в атаку на крупный японский транспорт и торпедировал его. Две медали: „Медаль Ушакова“ и „За победу над Японией“ украсили грудь Лутвинова; дивизион, в котором служил он, стал краснознаменным гвардейским. Отгремели бои на Западе и на Востоке. К мирному труду на заводах и в полях возвращались демобилизованные воины Советской страны, но Аркадий Лутвинов остался во флоте. Там же служил и его младший брат Константин. Семь лет провел Аркадий на Дальнем Востоке. В 1950 году старший боцман Лутвинов был демобилизован. Сердечно проводили его боевые товарищи.

— Куда поедете, товарищ Лутвинов, что думаете делать?—спросил его командир катера.

— Домой, на Волгу, товарищ капитан-лейтенант. Родные писали мне, что около Чкаловска большое дело развернулось. Новую гидростанцию строят. Отец уже там работает, в геолого-разведочной партии. Пишет: люди нужны. Вот я и думаю также поработать на стройке.

— Желаем успеха!—Командир дружески обнял Лутвинова.—Надеемся, что будете отличным строителем, как были отличным моряком.

Несколько дней пути,—и Лутвинов снова увидел Волгу, очутился в родной семье, перебравшейся уже из Чкаловска в Заволжье—в новый поселок строителей ГЭС.

— Гляди, Аркадий,—говорил ему отец, Василий Фаддеевич,—что мы тут без тебя понастроили. Диву даешься, когда только успели. Большое дело заворачивается. Есть где трудовые руки приложить.

Аркадий, отдыхая первые дни после приезда, часто уходил побродить по поселку, на стройку к котловану, и сам уже видел повсюду увлеченных трудом людей, потоки хлопотливо бегущих по проложенным заново дорогам автомашин с различными грузами, десятки экскаваторов, вгрызающихся стальными челюстями ковшей в дно котлована, кварталы каменных домов центрального поселка, эстакады для грузоперевалочных транспортеров, монтируемые высокие круглые, похожие на силосные, металлические башни—хранилища цемента. И над всем этим день и ночь стоящий неумолчный живой гул кипучей работы.

Поговорив с отцом, Аркадий, после краткого отдыха, направился в отдел кадров Управления строительства. Узнав, что он бывший моряк, начальник отдела посоветовал Лутвинову стать гидромеханизатором, идти на земснаряд:

— Хоть и не корабль,—шутливо заметил он,—а все же на воде работает, так что все ближе к родной стихии будете. Технические знания у вас есть, немного подучитесь, а там и за работу. Увлекательное дело! Ей-богу! На воде, на воздухе целый день.

Аркадий сразу согласился, тем более, что и с отцом у него шел разговор о возможности такой работы.

Незаметно промелькнули три месяца учебы на курсах багермейстеров, тут же на строительстве, при Управлении гидромеханизации. Успешно

закончив курсы, Лутвинов получил звание старшего багера*. Его назначили на небольшой земснаряд. И вот Аркадий Лутвинов впервые самостоятельно встает за пульт управления в рубке багермейстера. До этого он уже неоднократно побывал на земснаряде, во время практических занятий, основательно изучил машину, управлял ею, но только вот сейчас, вступая на первую самостоятельную вахту, он испытывает то чувство, которое, вероятно, знакомо каждому новичку, начинающему под взорами других свой первый трудовой день на новой работе.

«Как он справится? Не осрамится ли по неопытности? Ведь он должен теперь отвечать не только за свою работу, но и за труд всего экипажа».

Земснаряд поставлен в конце длинной „прорези“—канала, прорытого от Волги вглубь берега к забою, из которого берется грунт. Из рубки, остекленной с трех сторон, Лутвинов видит перед собой почти вплотную подходящий к носовой части земснаряда, отвесно поднимающейся из воды, слоистый срез вскрытых пород берегового массива; вправо и влево, словно широко раскинувшиеся усики бабочки, тянутся от лебедок на носу земснаряда на берег стальные—так называемые папильонажные**—тросы с якорями на концах их. Недалеко от земснаряда на воде же стоит небольшая баржа с каюткой на палубе. Это бустерная станция,*** к ней от земснаряда идут лежащие на поплавках трубы—рефулер. Аркадий еще раз окидывает взглядом свое „хозяйство“.

«Кажется все в порядке,—думает он.—На своих местах электрики, лебедчики, багермейстеры. Можно начинать работу».

Он берет за телефонную трубку, вызывает мастера отвала, находящегося на „карте“, расположенной километрах в двух от земснаряда, спрашивает, готовы ли „намывники“.

— Пульпу принять готовы,—отвечают с участка.

Лутвинов отдает распоряжение в машинное отделение. Заработали моторы, певучий ровный звук хорошо слышен в рубке. Он подходит к пульта, нажимает кнопку. С металлической наклонившейся над водой рамы на носу земснаряда на тросах под воду опускается разрыхлитель с фрезой на конце, причудливо изогнутыми и собранными друг с другом шестью лопастями-ножами.

Вращается вал разрыхлителя, фреза врезается в донный грунт под откосом берега. Вода около земснаряда, насыщенная мельчайшими частицами земли, сразу мутнеет, покрывается огромными хлопьями грязно-желтой пены.

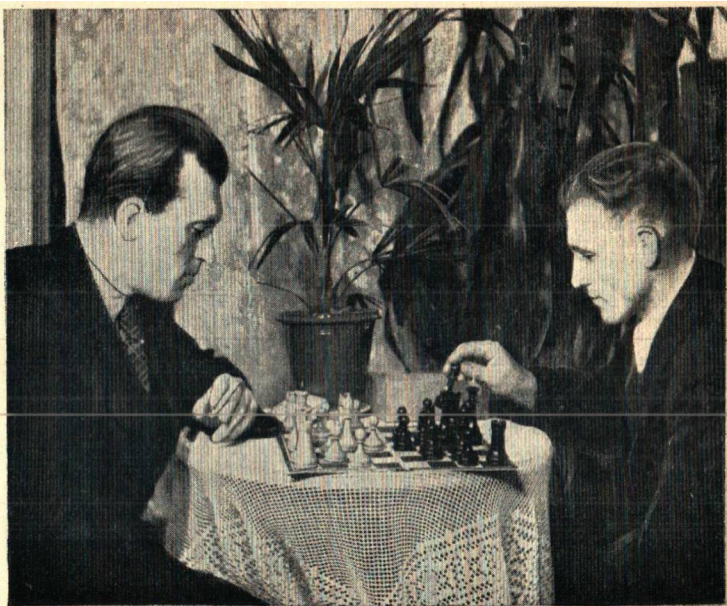
— Набрать вакуум!—приказывает Лутвинов, и в машинном отделении заработал особый аппарат, похожий на раковину гигантской улитки. Пульпа—вода с взвешенными в ней частицами грунта—устремляется во всасывающий патрубок, проходит через „улитку“ и по вертикально стоящей, а затем наклонной трубам, идет в пульпопровод—рефулер, попадает на бустерную станцию, а отсюда, подгоняемая сильными насосами, течет по проложенному по берегу пульпопроводу к месту, где сооружается земляная плотина.

Лутвинов не видит „карты“, но зримо представляет себе, как мощной струей из конечной трубы пульпопровода на обвалованную земляными бортиками и деревянными щитками по границам „карту“ низвергается поток

* „Багер“—так обычно в обиходной речи именуют багермейстеров. Багермейстер—мастер по намыву или выемке грунта с помощью земснарядов или землечерпательных машин.

** От фр. слова papillon (папильон)—бабочка.

*** Бустерная станция, на которой имеются специальные компрессорные машины, служит для усиления „толкания“ жидкой пульпы в пульпопроводе.

Братья Лутвиновы после работы.

пульпы. Вода просачивается в отводящий коллектор, а частицы земли, песка, глины оседают на площадке, наращивая тем самым тело плотины по ширине „карты“ и в высоту.

Через каждые три-пять минут старший багермейстер получает по телефону сообщение от мастера с участка намыва, что все идет благополучно. Такая связь—закон для гидромеханизаторов. Если нет через установленное время сигнала с „карты“, на земснаряде прекратят тотчас подачу пульпы. Но все было в полном порядке в этот первый день работы молодого багермейстера Аркадия Лутвинова. Вахта, возглавляемая им, перевыполнила план намыва. Радостный, он возвращался в поселок, хотя и понимал, что не каждый день будет ровен и гладок, что встретятся в трудовой жизни его и неудачи, непредусмотренные трудности, но он чувствовал, что найдет в себе силы преодолеть их.

Скоро имя багермейстера Лутвинова стало упоминаться среди имен передовых строителей Горьковской ГЭС, а в 1951 году его назначили начальником на модельно-комсомольский земснаряд № 18 типа 20Р-11*.

* 20Р-11—земснаряд с диаметром всасывающего патрубка в 20 дюймов, производительностью 300 кубометров в час.

Экипаж этой машины и раньше пользовался доброй славой на строительстве, как один из лучших по производственным показателям. Лутвинов сумел в дальнейшем поддержать и приумножить успехи экипажа. Он легко сработался с членами команды земснаряда, большинство из которых по возрасту были его ровесники. Молодой, но отлично освоивший профессию гидромеханизатора, требовательный начальник и отзывчивый товарищ Лутвинов завоевал доверие и уважение работающих с ним, а крепко сплоченный коллектив всегда побеждает. Так было и на земснаряде № 18.

Из года в год экипаж перевыполнял производственные задания, что обеспечивалось не только тщательной подготовкой каждого задания, своевременным уходом за всеми агрегатами земснаряда, работающего поэтому безотказно, опытом людей на каждом участке, но и тем высоким чувством товарищества, взаимоподдержки, столь необходимых в каждом деле. Крепкий, спаянный единым желанием работать хорошо коллектив не останавливался в растерянности перед возникающими трудностями, не считался, если надо было, со временем.

В практике работы земснарядов бывают такие моменты, когда бригада, работающая на „карте“, не успевает подготовить площадку для укладки грунтов или не справляется с потоком непрерывно поступающей с земснаряда на „карту“ пульпой: надо успеть вести оградительную обваловку, чтобы пульпа не растекалась по сторонам, надо разравнять массу по всей площади „шапки“ (верх земляной плотины). Иногда возникают заторы. Тогда останавливают земснаряд, прекращают подачу пульпы. Команда земснаряда № 18 стремится не допускать таких заторов, она приходит на помощь „намывникам“. Такая взаимопомощь обеспечивает успех работы, своевременное выполнение заданий.

Экипаж Лутвинова учитывает в работе значение времени, понимая, что каждый час простоя—это недополученные на плотины 300—400 кубометров земли, хоть и незначительное, но все же удлинение сроков строительства.

Однажды ночью сэтакады пульпопровода упали в глубокую промоину три трубы весом по 1200 килограммов каждая. Вызвать ночью бригаду трубоукладчиков, трактор, значило—потерять много драгоценного времени. Часть экипажа в осеннюю темную ночь вышла на место аварии и к началу работы утренней смены подняла и уложила трубы.

На самых ответственных участках строительства, среди других работающих земснарядов, находился всегда земснаряд № 18. Это ему выпало почетное задание—произвести намыв 3-й, русловой плотины, после того как в 12-часовом героическом состязании с могучим потоком волжских вод строители ГЭС перекрыли русло Волги каменным банкетом. От гидромеханизаторов требовалось в кратчайшие сроки намыт на банкет, на каменную основу земляную плотину, смыкающую правобережные и левобережные сооружения гидроузла и обеспечивающую таким образом накопление воды в новом волжском море.

Задание было не только почетным, но и трудным. Не желавшая смириться Волга яростно билась о каменную преграду, как бы стремясь разворотить, снести ее прочь, пробить снова себе свободную дорогу.

Поставить и удержать на страшном течении земснаряд, которому каждую минуту угрожала опасность быть сорванным с якорей и брошенным на камни—для этого требовалось высокое искусство, смелость, находчивость экипажа и его начальника. И гидромеханизаторы земснаряда № 18 отлично справились с порученным делом. Маневрируя—то ослабляя, то натягивая канаты заложенных якорей, поддерживая с помощью тросов и тракторов, поставленных на берегу, трубы рефулера—пульпопровода, идущего от зем-

снаряда к бустерной станции, — экипаж, не сходя с своего „корабля“, двое суток напряженно боролся с Волгой, намывал землю на банкет, пока не смирилась, словно признав себя бессильной против воли человека, река, пока не успокоилась, перестав биться о преграду, дав людям передышку, а затем и возможность вести намыв в нормальных уже условиях.

И на сооружении русловой плотины экипажи земснаряда № 18 и подведенного сюда же земснаряда № 10, возглавляемого старым опытным гидромеханизатором, бывшим помощником и другом Лутвинова, Ананием Васильевичем Сырогину, добились замечательной трудовой победы.

В четыре дня они сомкнули оба берега, а к концу восемнадцатого дня работы, вместо намечаемых двух месяцев, создали такой профиль плотины (т. е. довели высоту плотины до необходимой отметки), который обеспечил возможность накопления воды в новом хранилище—Горьковском море.

В коллективе много хороших опытных мастеров своего дела: это и старший багермейстер Илья Сабурович Опарин, человек нрава крутого, вспыльчивого, но уважаемый всем экипажем, потому, как, если и погорячится, „выпадет 1000 слов в минуту“, то с основанием, и самый старший по возрасту — на второе пятидесятилетие пошло, — живой, энергичный электротехник Иван Васильевич Тузов, знающий отлично свою профессию и не имевший ни одной аварии или задержки в работе, и молодые багермейстеры Яша Назаров и Володя Кузьменков, и мастер на все руки старший моторист Вася Семенов. Он способен заменить в работе любого товарища, а если что у самого „не клеится“, сутки не уйдет с земснаряда, пока не сделает то, что требуется.

— Трудно сказать, — говорил мне Лутвинов, — кто у нас в экипаже лучший, все хороши. Народ молодой преимущественно, задорный, горячий в работе, почти все из армии пришли. У нас, можно сказать, различные рода войск представлены: и моряки есть, и танкисты, и пограничники. Люди военной выучки, дисциплину держат, работают неплохо. Не раз награждали экипаж и персонально товарищей почетными грамотами ЦК и обкома ВЛКСМ.

Я знал об этих грамотах, в рамках за стеклом висящих в Красном уголке земснаряда, как знак признания трудовых успехов экипажа.

Дружно живут и работают люди этого коллектива, спаянные не только сознательной трудовой дисциплиной, но и настоящим большим и горячим чувством товарищества. Это чувство близости друг с другом, когда люди живут как в одной хорошей семье, особенно ясно раскрывается в обстановке отдыха. Те, кто, окончив вахту, может идти домой, в поселок, не торопятся уходить. Ведут жаркие беседы за читкой газет, спорят, устраивают турниры в шахматы, а то компанией отправляются на рыбалку.

Вот в такую дружескую обстановку я попал как-то в один из мартовских дней 1956 года, когда мне необходимо было встретиться еще раз с Аркадием Васильевичем Лутвиновым. Разыскал я его в редакции ГЭСовской многотиражки, куда он зашел, чтобы отдать материал, и мы вместе отправились на земснаряд, стоявший где-то за водосливной плотиной по ту сторону бывшего котлована.

— Э, да вы в ботиночках, — заметил он, — обувка не по сезону. Пожалуй, по льду-то трудновато вам будет переходить, большие сугробы намело. Пойдемте-ка плотиной, удобнее и покороче путь.

И вот мы поднимаемся по зыбким деревянным „строительным“ мосточкам, проложенным по диагонали стены станционного здания, на крышу его, оттуда переходим на гребень плотины, идем над зияющими пролетами по деревянным, с широкими щелями, настилам, огражденным перильцами из металлических прутьев.

Вид с сорокаметровой высоты хорош.

Толстым ледяным панцирем сковано молодое море у плотины. Бескрайней белой равниной расстилается оно слева от нас, смыкаясь с белесым небом у горизонта. Внизу под нами в незакрытые пролеты из-под льда в нижний бьеф бурно низвергаются зеленоватые, пенистые потоки воды. За плотиной (в нижнем бьефе) лед отступил далеко: образоваться ледяному покрову здесь не дает непрерывное движение водяных потоков с плотины и из отводящих каналов от турбин.

Вода за плотиной по-зимнему густая, черная, окутанная клубами морозного пара, она кажется неприветливой.

Картину, открывающаяся с гребня плотины, впечатляющая, но любоватья ею — неподходящая обстановка. На воле, не по времени—все-таки март—крепкий мороз, особенно жгучий здесь наверху, где ему помогает гуляющий резкий ветер. Но вот мы спустились с плотины к земснаряду, стоящему во льдах. Экипаж его был занят тяжелой работой. Машину, в ожидании предстоящего паводка, необходимо было перевести на другое место, и люди пешнями вырубали лед вокруг, огромные льдины обматывали тросами и с помощью трактора вытаскивали из воды.

Лутвинов тут же, с ходу, включается в работу. То сверху, с мостика на корме, около свайных труб, то спускаясь к работающим на лед, он распоряжался, помогал. Дело шло дружно, я бы сказал с каким-то молодцам задором: уж очень лихо, например, прыгали иногда на зыбко качающуюся в полынье льдину то Яша Назаров, то другие, чтобы поправить соскальзывающий трос или отколоть от глыбы куски льда (глыба оказалась столь большой, что маленький трактор, натуживаясь изо всех сил, никак не мог ее вытянуть). Работа всех разгорячила, несмотря на мороз, упорство льдины вызвало какой-то азарт у людей. Но вот еще одна попытка. Трактор, стоящий метрах в пятидесяти от земснаряда, зафыркал, зарокотал, стальной трос натянулся до предела как струна,—и, наконец, упрямая глыбина, засверкав на солнце льдистыми гранями, выползла из полыни.

— Можно отдохнуть! — отдаёт распоряжение Лутвинов.

В небольшой пристройке за рубкой багермейстера—Красном уголке, или, как привыкли здесь называть—в „кают-компании“, поистине тропическая жара. Спирально намотанные на большой керамический полый цилиндр обнаженные провода раскалены добела, и от этой, столь распространенной на стройке, самодельной электропечи исходит душное тепло. Хорошо здесь в морозные дни посидеть, обогреться, обсушиться, после работы на воде. В маленьком помещении скоро становится тесно и шумно. Завязываются разговоры, делятся впечатлениями, вспыхивают веселые шутки, простые и острые, покрываемые дружным смехом. Кто-то уже пристроился к чайничку с кипятком; появились домино и шахматы. Любители „забить козла“ нашлись сразу. И вот уже стучат костяшки по столу. Составилась и партия в шахматы. Ими увлекаются в экипаже поголовно все, но самым страстным игроком является Иван Васильевич Тузов. Вот он только что вошел в „кают-компанию“, и тут же приглашает желающих сразиться с ним.

— Иван Васильевич у нас—непобедимый игрок в шахматы,—с лукавой искоркой в светлых глазах говорит мне Лутвинов,—только вот проигрывает частенько. Кроме того, он и рыболов замечательный.—И, азартно щелкая костяшками домино по столу, Лутвинов рассказывает эпизод о том, как Иван Васильевич три дня „тушил“ где-то на свалке курицу, на которую ему попал сомина в одиннадцать пудов.

По тому, как смеялся вместе со всеми сам рыболов, видно было, что ему совершенно не чужда, присущая, кажется, всем охотникам и рыбакам-любителям, известная склонность к гиперболизации фактов.

— Ну, не одиннадцатипудового, Аркадии Васильич,—добродушно отбивается Тузов,—а все же примерно около того. Дернул, а вытащить его, черта, не могу. Хорошо поблизости народ был, а то хоть бросай сома-то.

— И как ты донес только такого зверя, Иван Васильич?—спрашивает Тузова чернобровый красивый юноша электрик Юницкий.

— А я его надул и плавом, плавом по воде довел. Вот как!

И в этих милых добродушных шутках, которые касались одинаково и Тузова, и не менее страстного рыболова с такими же рыбацкими „удачами“ Лутвинова, и других, и во всей непринужденности общения людей экипажа друг с другом, в их любви к совместным развлечениям, прогулкам, выездам в театры, в город Горький я почувствовал то, что всегда скрепляет трудовой коллектив—дружбу, товарищество.

Лутвинов скромен, лишен кичливости в отношениях. Он умеет найти подход к каждому работающему с ним и отлично передает другим свой опыт гидромеханизатора. Поручая работу, Лутвинов не стремится вмешиваться в то, как исполняется дело, предоставляя работникам большую свободу действий, и он знает, что если человек, преодолевая ошибки, освоит свое дело, то будет стоять в дальнейшем прочно на этой работе, не растеряется при трудностях, сумеет одолеть их.

Учеников Лутвинова можно встретить на других земснарядах на стройке, и их ценят на работе, о них идут хорошие отзывы.

Так мне много рассказывал и А. Д. Шаргородский и другие, например, о старшем багермейстере земснаряда № 22 Льве Поликарповиче Лобове, ровеснике Лутвинова, тоже бывшем моряке, плававшем на подлодке, на эсминце, участнике войны с империалистической Японией.

— Выученик Лутвинова. Он много говорить не любит,—характеризовал мне Лобова Шаргородский,—зря слов на ветер не бросает. Что скажет—сделает. И отлично сделает. Умеет показать, как надо работать.

Я как-то повстречал Льва Поликарповича Лобова, зашедшего к своему бывшему учителю Лутвинову, и, глядя на его плотную, коренастую фигуру в ватнике, в резиновых сапогах с мичманкой—гордостью моряка—на русых волосах, на его мужественное, строгое лицо, с резкими складками у рта, слушая его неторопливую спокойную речь, почувствовал, что это—человек большой воли и энергии. Но не только имена Лутвинова, Лобова широко известны на стройке. Отличных мастеров молодой отрасли техники—гидромеханизации здесь было много. В летописи этой волжской стройки отмечены трудовые успехи земснарядов № 7, 10, 11, имена опытных гидромеханизаторов: Сырогина, Виденина, Иванова и других. Все они, работая на строительстве Горьковской ГЭС, из месяца в месяц, из года в год значительно перевыполняли планы намыва, и если возникали трудности у одних, на помощь им приходили товарищи с других машин.

Когда выяснилось, например, что заметно отстает с выполнением задания в напряженные дни предпускового периода земснаряд № 3, партийная организация Управления гидромеханизации направила на него коммунистов—багермейстеров Плугина с седьмого земснаряда и Басова с семнадцатого. Они помогли своим опытом, выправили положение.

Добрую славу заслужили гидромеханизаторы, что плечом к плечу с тысячами других строителей соорудили Горьковскую ГЭС. Тот привычный обыденный труд, как характеризовал его А. Д. Шаргородский, который заключается в том, чтобы „изо дня в день гнать воду с землей по трубам“, на самом деле, как любой труд, если к нему приложены любовь, сознание государственной задачи, нес в себе огромное мужество, волю, напряжение всех сил того большого коллектива, который был занят сооружением земляных плотин.

ДЕНЬ

на водосливной

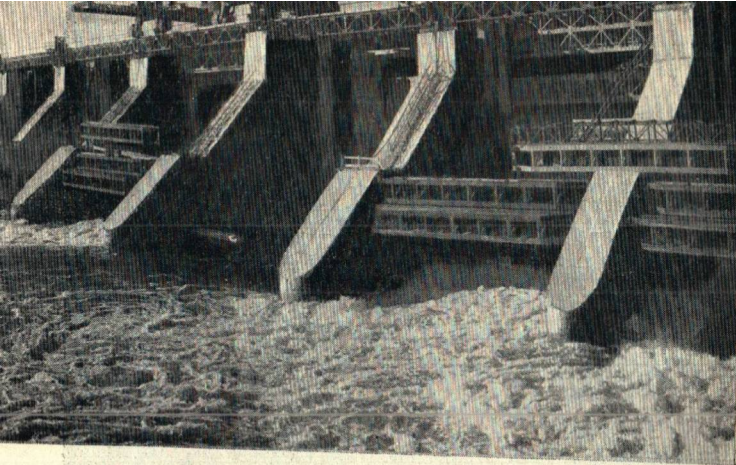

ПЛОТИНЕ

От одного берега к другому тянется плотина,—серая, высоченная, могучая. Она загромождена подъемными кранами, рельсами, тавровыми балками, трубами, горами досок и арматуры. Высоко в небе маячат башни бетонных заводов на обоих берегах, и особенно высоко взметнулись стальные опоры гиганта кабелькрана... В серой дымке редкого кружения снежинок все это представляется необъемлемым хаосом, сплетением неразберихи из железа, бетона и дерева.

По плотине—то вправо, то влево, то вверх, то вниз—петляет жидковатый дощатый помост: он сколочен и грубо, и наспех. По нему изредка проходят рабочие в спецовках, слышится откуда-то ш-шиканье автоматической сварки, редкий и резкий лязг железа—и снова тишина, такая тишина, что я ясно различаю и хлопанье досок под ногами, и скрип грязноватого снега.

И потому, что вокруг почти нет людей и не слышно ни грохота, ни стука, ни крика, ни говора, кажется, что все это большое, сложное, грандиозное сооружение заброшено, пустынно.

Водосливная плотина. Вид с нижнего бьефа.

Но вот я поднимаюсь на самый верх плотины и отсюда, с большой высоты, начинаю различать какое-то оживление. Влево, над ледяным покровом только что образовавшегося нового моря, по подвесной дороге движутся вагонетки с грузом. Где-то далеко впереди, на выступе железобетонного массива, темным силуэтом маячит человеческая фигура. И хотя нельзя различить ни лица, ни рук этого человека, чувствуется—груз этот идет в его сторону, и он—силуэт этот—и следит за ним, и направляет его...

Ближе, на рельсах, чуть сотрясая настилы, медленно—в полуоборота колес—движется махина мостового крана. Из кабины огромного крана торчит голова и плечо молодого паренька,—это второй человек, которого я вижу за каким-то делом. Он смотрит вниз под плотину и кому-то кивает головой, затем делает сильный рывок плечом, и огромные, широченные колеса в несколько тонн весом поворачиваются еле приметно.

Ближе ко мне—правее и чуть ниже—виднеются еще двое. Один из них оседлал трубу, лежащую на подмостках, постукивает по ней молоточком, слушает, всматривается на товарища. Со сварочным аппаратом наготове, как с ружьем, тот стоит рядом. Лица у обоих серьезные, сосредоточенные, и хотя эти люди не произносят ни слова, ясно—они уловили что-то в звуках трубы, и оба понимают, что здесь необходимо вмешательство их.

Больше никого не видно, и я направляюсь к ним.

— Скажите, как найти бригаду Ксенофонтова?

Молодой пареньек, тот что сидит на трубе—рыжеватый, в веснушках,—поднимает голову и долго, явно думая о своем, смотрит в лицо мне.

— А вот... мы и есть бригада Ксенофонтова,—произносит он наконец.

— Вы? Двое?

Снова молчание. И снова этот взгляд—далекий, отсутствующий.

— Нет, зачем же... Нас девяносто человек.

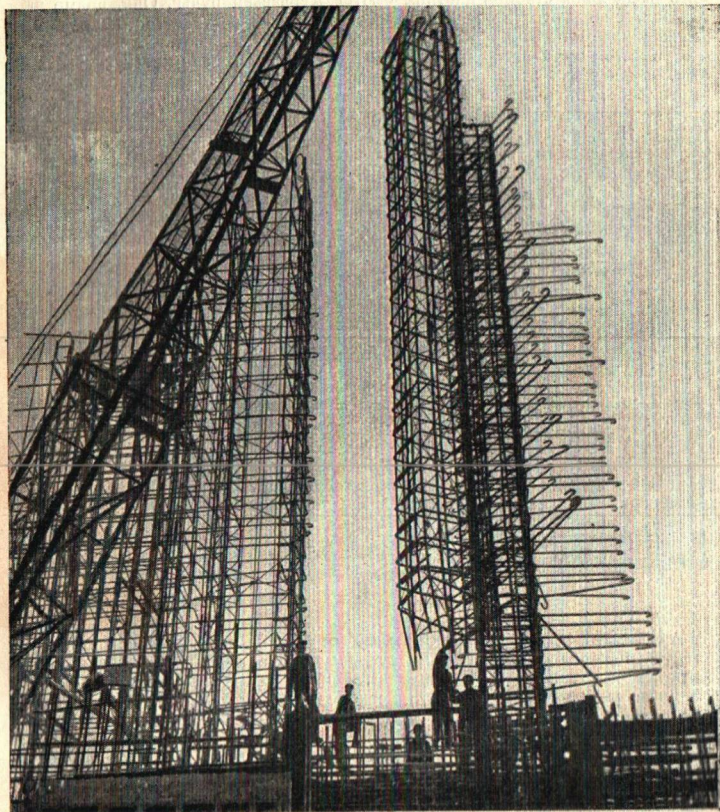
— А где же остальные?

Но пареньек не отвечает. Ему, вероятно, не до меня.

Но какое мне дело до того, что они что-то ищут, но никак не поймают. Ведь у меня же свое дело и не менее важное: мне наговорили удивительные вещи о работе этой бригады, а все это надо как-то увидеть, познать и рассказать другим.

— Так где же, где же остальные?—настойчивей спрашиваю я.

— А вот... здесь все... по этой плотине,—нехотя отвечает второй, со сварочным аппаратом, и так же, как и первый, все внимание, всю сосредоточенность свою направляет все на ту же трубу. И меня—нет, меня уже окончательно не существует для них...

Установка армокаркасов бычков водосливной плотины.

Странно... Я хотел увидеть тех героев, энергичных, мятущихся людей, весело и спорно работающих, как рассказывали мне книги и фильмы, а встречаю каких-то молчунов, тихих и неразговорчивых пареньков. И, разочарованный, я иду дальше. Обхожу кран, другой, путаясь в каких-то шлангах, перехожу на правую сторону и—невольно останавливаюсь.

Передо мной Волга,—большая, открытая, с кипеньем и шумом. Даже как-то несколько дико: везде и всюду—снега, мороз в тридцать градусов, по левую сторону плотины огромнейший и толстенный лед, а тут—вода, по-осеннему чистая, зеленовато-прозрачная, с дыханием холода. Сверху и в расщелины створов плотины бьют с журчаньем ручьи. Они, прямо на глазах, смерзаются в сосульки, нарастают, и все пространство водослива, меж двух быков, быстро превращается в живописный грот...

Кто-то подходит ко мне сбоку, останавливается, явно интересуясь тем же, чем и я. На этой плотине я впервые, и у меня невольно возникает потребность поделиться необычайностью увиденной картины.

— Красота-то какая!—говорю я.—А? Красота...

— Н-да, красота,—слышу я до странности невеселый голос.—Дороговата только красота-то эта для нас...

— То есть, как это? Почему?—Я поворачиваю в сторону собеседника голову и вижу—и опять-таки—молодого паренька. Он в шапке-ушанке, телогрейке и валенках, стоит и смотрит вниз, и так же, как те двое, скучные, у трубы, думает о чем-то своем. Глаза у него голубые, чистые, но уж слишком не по возрасту серьезные.

— Почему это, а?

— А вот... скальвать надо. Убирать,—красоту-то эту. А все это лишняя работа и время, а главное—деньги.

Деньги?!—Занятый юноша. Ему бы еще, пожалуй, не поздно и в чижики играть, а он—о деньгах, об экономии думает. Может, и те, у трубы, об этом же думают?

— Вы что,—тоже из бригады Ксенофонтова?—спрашиваю я.

— Д-да...—не сразу отвечает паренек.—Из этой.

— А чего же вы ходите? Ваш-то участок работы где?

— А вот... здесь вот. По всей этой части плотины.

— То есть, как это? Кем вы работаете? Кто вы?

Паренек вскидывает глаза, и в чистой голубизне их вспыхивает озорная усмешка.

— Я—бригадир. Ксенофонтов.

II

Крепчает мороз. Снежинки падают все реже и реже. Горизонт раздвигается, и перед моими глазами все дальше, все шире и все грандиознее открывается панорама строительства. Темным сплетением рисуются отдаленные контуры шлюзов, где-то в синей дымке тает длинный, бесконечный вал берегового заслона, а за ним, на левобережье, еле различимый стоит город Городец. В сторону отошли древние, кондовые леса, они уступили место Горьковскому морю, и хотя оно сейчас подо льдом, по белому сплошному полю ясно намечаются его широкие, безграничные просторы.

И когда я смотрю на всю эту неохватную глазом картину, мне кажется несколько странным, что эту плотину, эти шлюзы, этот бесконечный вал берегового заслона, это море, самое настоящее море,—творили и творят

Строительство водосливной плотины.

люди, и среди них такие вот молодые, как бригадир Ксенофонов, паренек в кабине огромного крана и те два молчальника у трубы...

Я ищу глазами людей, но вижу только машины и такие огромные, такие неповоротливые, что работать на них, как мне кажется, можно только очень медленно. А я знаю, как возводились железобетонные быки Волжского и Окского мостов, знаю, как много там было народу, тачек, носилок, лопат и трамбовок. Сам был участником этого строительства, помню поэтому, как мы весело подгоняли друг друга, шутили, покрикивали, и хотя работа была непомерно тяжелой и с рук никогда не сходили мозоли, а к концу смены ныла спина и дрожали ноги в коленях, чувство удовлетворения от того, что быки поднимались за смену на четверть—не больше, —

было огромным. И уж где-где, но здесь-то, на этом необозримом строительстве, я и хотел как-то снова и увидеть, и пережить то, что испытывал в прошлом. Но когда воспоминаниями этими и мыслями я поделился с Ксенофоновым, он почему-то нахмурился и тихо, как бы самому себе, проговорил:

— Н-да... Ныла спина и дрожали ноги... Это, я бы сказал, не совсем романтично... А—когда это было?

— В тридцатом году.

— В тридцатом? Не помню... Впрочем и не мог: я в этом году только родился.

Он чуть улыбнулся, осмотрелся по сторонам и пригласил меня пройти немного дальше по плотине. Мы остановились над следующим, только что расчищенном ото льда пролетом будущей гребенки. Отсюда он сделал знак рукой пареньку, сидящему в кабине крана, и кран этот вместе с маленьким краником, висящим на коротком хоботе его, медленно и тяжело двинулся в нашу сторону. Потом он тот же знак сделал другому крановщику, и второй кран, но уже со связками арматуры, тоже направился к нам.

— Какое-то, ну... удовольствие, что ли, как вы говорите, испытал и я,— снова заговорил Ксенофонов.— Но это было давно, еще в сорок восьмом. Я окончил фабзауч, шкет был, мальчишка, знал только Горький да Лысково, где родился; коллектив, в котором вращался, состоял из десятка людей— и вдруг эта стройка. Ну, и задохнулся вроде от счастья. Ведь столько народу здесь было, столько героев, да и сам-то вроде героем оказался. Работали—слаженно, спето, как вы говорите, а спорилось—плохо. Именно—по четверти в день...

— А—почему?

Ксенофонов задумался, и на лбу его, у переносья, легла резкая, четкая морщинка.

— Да вот, пожалуй, именно потому... что слишком много было народу. Мешали друг другу. А потом, в одно и то же время работало несколько бригад—тут тебе и арматурщики, и бетонщики, и опалубщики. И каждый, конечно, был занят только своим делом, и больше его ничего не касалось. Только и было—толкотня и неразбериха.

— А теперь?

— Теперь... Теперь, как видите, никого нет. Просторно, как в поле.— Он развел руки, улыбнулся, и морщинка на лбу его, у переносья, тут же разгладилась.— А дело идет. И даже не плохо. Если раньше, например, гребенку мы возводили в месяц, сейчас—в неделю.

Он наклонился, посмотрел куда-то вдаль—по плотине, так же, как и раньше, сделал знак рукой, и тут же я увидел, как там за краном с арматурой, двинулся третий кран со щитами опалубки.

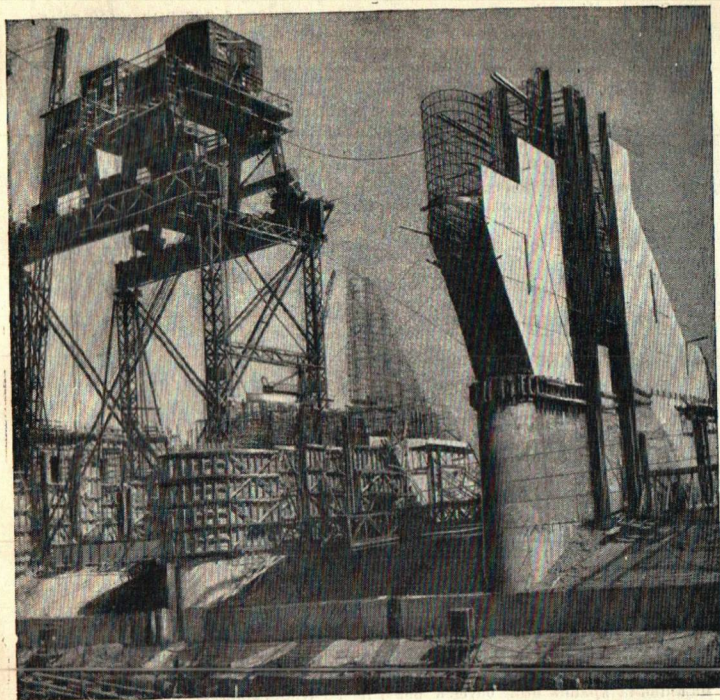
— Но вас девяносто человек,—сказал я,—а остальные-то где?

— Девяносто?—Ксенофонов вскинул на меня глаза.— Это немного не так. Девяносто—это вся бригада. А она состоит из трех звеньев. Два—шестьдесят человек—сейчас отдыхают. Мы работаем круглые сутки, посменно. Сейчас же работает только тридцать. И сюда входят все—и арматурщики, и бетонщики, и опалубщики. Как видите, не так-то уж густо.

— И даже не очень густо,—согласился я.— Особенно на таком огромном участке работы. И все молодежь?

— В основном, да.

Мы помолчали. Краны приблизились, и нам пришлось отойти немного в сторону. Внизу, у самой воды, появилась фигурка молодого паренька. Он коротко, но очень внимательно осмотрел основание будущей гребенки,

Строительство водосливной плотины.

стены бычков, створы, потом вскинул глаза на крановщика, задержался какой-то момент и, скорчив кому-то рожицу, быстро скрылся.

— Вася Трапезников,— пояснил Ксенофонов.— Звеньевой. Препотешный парень. Умница.

— Вероятно, веселый.

— У нас все такие. С огоньком,— уверенно проговорил Ксенофонов.

А когда я усомнился и рассказал о тех двух пареньках у трубы, он, чуть подумав, сказал, что не такие уж они и нудные, и скучные, что у них золотые руки, что если они что-нибудь сделали, то это надежно и накрепко.— А если их растормошить, особенно по части обсуждения книг, да еще любимых ими писателей,— заговорил он, все более и более возбуждаясь,— ну и— дым коромыслом. И хотя они и друзья и притом неразлучные, мнения у них разные, и такие они споры заводят— прямо хоть их разнимай. Ну, думаем, вот и дружбе конец... Нет, вечером, посмотрим, вместе идут... Вот они каковы, тихари-то эти...

Все это Ксенофонов рассказывал весело, живо, с нескрываемой теплотой к тому и другому. И хотя по возрасту он был не старше их, в словах его чувствовалась и нежность, и сочувствие к ним, и отеческая ласка, как будто они были не товарищи ему, а—дети... Мы стояли над обрезом створов. Внизу, под нами, тихо журчала вода, дальше пенились небольшие буруны. А так как редкий снегопад уже кончился, прояснилось и выведрело, в крепком, здоровом, морозном воздухе и это журчание воды, и шум заплотинных бурунчиков доносились особенно четко и ясно...

— Ну, а у вас?—спросил я его.

— Что?—не понимая, в свою очередь спросил Ксенофонов.

— Схватки такие случаются? Вы, как и эти ребята, с виду тихонький вроде.

Ксенофонов посмотрел на меня, и, как и прежде, в глазах его вспыхнула озорная усмешка.

— Да ведь как вам сказать... На душу если наступят—огрызнешься, пожалуй. Только у меня по работе все больше.

— А наступают,—на душу именно?

— Бывает.

— И часто? И зря?

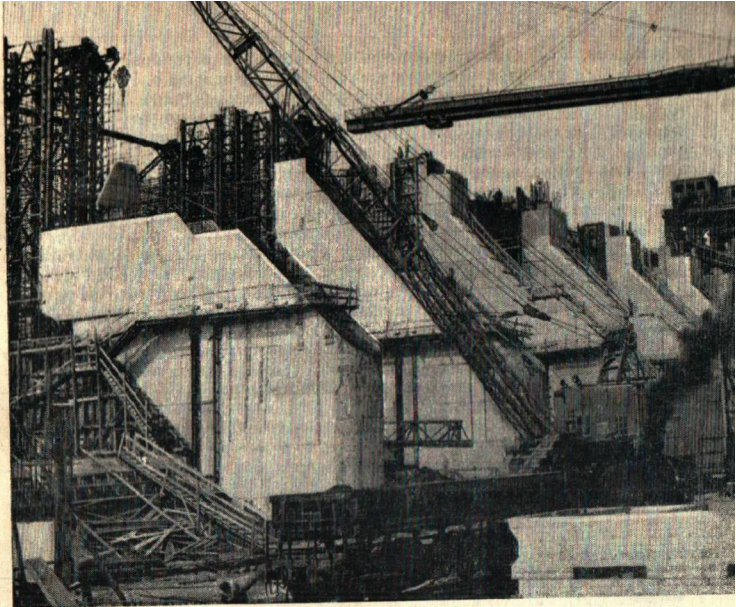
— Бывает и зря. А что ж... Тут мы не лапти плетем. Да и дело такое—что ни день, то все новое. То это, говорят, надо попробовать, то другое. А то, глядишь, и сами что-нибудь да придумаем. Удачно—спасибо тебе скажут, руку пожмут, а то и в газету посадят, да с портретом еще,—мол, почет. Ну, а если спрокудишься—за сердце схватят, да так, что с неделю как пьяный по плотине-то ходишь,—шатает... Извините, беседу придется прервать. Спускаем материал. Приступаем к возведению новой гребенки.

III

Краны подошли к нам вплотную, один—слева, другой—справа. И сначала я снова испытал какое-то разочарование. Крановщики в своих кабинках сидели удивительно спокойно, нехотя поворачивали рычаги и долго, слишком долго нацеливались на основание будущей гребенки. Но когда маленький краник был опущен вниз, на железобетонную площадку, когда из него, как рука, выскочила длинная, тонкая стрелка, такая же, как и у настоящего крана, только в миниатюре, когда эта стрелка ухватила связку арматуры и понесла ее вниз, к воде, откуда-то со стороны, из-за бычков появилось несколько пареньков. Все они были молодые, безусые, одетые как на подбор одинаково. Даже в движении, в походке их ощущалось какое-то родство, какое-то единство. Не мешая, не толкаясь, они сразу встали на свои определенные места и—почти не задерживаясь—приступили к работе.

И вот тут-то я увидел все то хорошее, сильное, яркое, все то, чем и прославилась эта комплексная, комсомольско-молодежная бригада Ксенофопова, увидел работу, слаженную, четкую.

Краник своей стрелкой брал целую арматурную секцию, нес ее в сторону, к людям. Паренек в трюхе, почти не следя, словно механически, протягивал руку в голице, без труда, без заминки направлял секцию в сторону, ставил, чуть поправлял и только успевал на глаз, но удивительно точно, приравнять ее к первой, уже закрепленной, как внизу, под ногами его, фейерверком разлетались искры. Это сосед его, тоже паренек и тоже

Строительство водосливной плотины.

в торе, но сдвинутом сейчас на затылок, приваривал арматуру к торчащим металлическим стержням на основании гребенки. И он не глядел на соседа, не думал о нем,—по движению, по тому, как стоит он, знал—время действовать его аппарату.

Не мешая им и тоже не глядя на них, но так же, как и те двое, чувствуя, что от его движений зависит ритмичность работы и краника, и установщика, и сварщика,—слаженно работал и третий. Он стоял между клеток арматуры, проволокой крепил верхние звенья и, как бы удивляясь своему искусству, каждый раз, отрезав кусачками узелок, восторженно поглядывал на свою работу.

В то время, как эти трое, не торопясь, но уверенно, споро все выше и выше громоздили арматуру, сзади них, у самого среза площадки, приступили к возведению дощатой стены и опалубки...

Прошло минут тридцать, может быть, сорок, не больше. За это время на бывшем строительстве Окского и Волжского мостов мы бы только успели распределить каждому обязанности, принять и осмотреть рабочий инвентарь от предыдущей смены, и, конечно, за это короткое время, особенно в начале работы, не было бы положено на место ни одного килограмма железа, ни одной доски, ни единой лопаты цемента. А вот здесь, на огромнейшем участке строительства, где почти нет людей, где еле движутся тяжелые, неповоротливые машины, где не видно пока не только инженеров,

и техников, но и самого звеньевого, где именно просторно и именно как в поле,—все ставится быстро на место, и сразу, и накрепко. И хотя так же, как и крановщики, не спеша, не торопясь, одни направляли и ставили арматуру, а другие сваривали ее, я видел, как быстро, прямо на глазах стали вырастать целые сплетения клеток. А когда, перекинувшись несколькими словами с Ксенофоновым, я перешел на другую сторону крана и заглянул вниз, там громоздились уже и щитки опалубки. И все это прошло настолько быстро, что некоторое время я ни в чем не мог разобраться. Но вскоре я понял, что эта спокойная и на первый взгляд медлительная работа была необычайно ритмична, тонко и умело организована, и каждое движение людей поэтому предельно рассчитано. Больше того, здесь была какая-то особая ритмика, гармония, ибо каждый стоял только на своем участке, думал только о своем единственно сейчас нужном, делал только свое дело, в то же время ясно и отчетливо зная и чувствуя и место, и работу своего товарища. Никто поэтому никуда не торопился, никто никому не мешал, никто не обгонял другого и не отставал от него. Это был действительно организованный по-настоящему, слаженно спетый, удивительно гармоничный во всех отношениях коллектив нашего времени.

Особенно наглядно это стало после того, как в образовавшиеся брешы опалубки спустили лотки, трубы, и к маленькому коллективу прибавились

Электросварка арматуры.

бетонщики. Все, как один, одетые в брезентовые комбинезоны, резиновые сапоги и поэтому казавшиеся несколько стройнее и выше, они встали меж опалубщиками, арматурщиками и, казалось, спутались с ними и перемешались, и даже, на первый взгляд, внесли какую-то неурядицу в их работу, но в то же время чувствовалось, что встали они в заранее рассчитанном порядке и что для большей полноты настоящего рабочего ансамбля их-то именно и не хватало.

В то время, как росли арматурные клетки, ш-шикал и искрил сварочный аппарат, перекрывался опалубкой створ водослива,—началась и закладка бетона.

Бетон шел откуда-то издали, с берега, по трубам, шел ровной, серой, густошей лавиной и ложился в клетках, ложился и рос быстро и зримо. Даже видно было, как в этой серой массе тонули темные, поржавелые стержни арматуры.

Между клетками, по этому бетону, ходил безусый паренек. Он, как миноискатель, шупал вибратором поверхностный слой, и бетон раздвигался и оседал под почти незаметным нажимом его аппарата. Это—трамбование, уплотнение бетона—проходило без особых усилий и напряжений. В те времена, когда я работал, этого не было. Была колотушка, то есть стержень, как у лопаты, на конце ее небольшой чурбанок. Человек, чуть раздвинув ноги, поднимал ее вверх, потом—с силой—опускал вниз или бил в сторону, под арматуру... Тяжелая эта работа была. А вот сейчас, с этим вибратором, человек как бы играл. А густая, серая масса послушно или раздвигалась, или уходила вглубь...

Краны уходили и приходили, грузы подавались и с той, и с другой стороны, но ничто нигде не залеживалось, ничто не стояло на месте. И я не видел уже ни неразберихи, ни хаоса,—все яснее и четче предо мной стал раскрываться огромный и интересный замысел этого строительства, замысел, неумоимо претворявшийся в жизнь умом и руками наших русских умельцев.

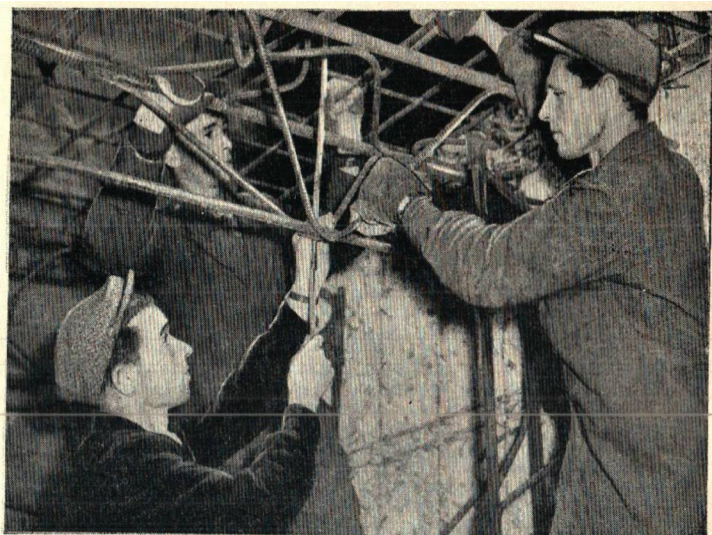
И одним из этих умельцев был и сосед мой—бригадир Ксенофонов. Ведь эта работа, слаженность ее, правильное и ритмичное движение машин, маневренность подачи материалов, четкая организация рабочего места—его дело, дело умелых рук его и умной головы...

IV

Работа входила в полный накал. Но чем быстрее, проворнее и слаженней становилась эта работа, чем уверенней и рассчитанней каждое движение людей, тем беспокойней и взволнованней становился и сам Ксенофонов, и люди, окружавшие этот участок. Несколько раз появлялся зачем-то возле плиты небольшой катерок; подолгу и внимательно всматриваясь, стояли те молчаливые паренки, которых я встретил еще вверху; изучающе и настороженно глядели вниз и крановщики, подкатываясь и откатываясь на своих машинах. Но еще напряженней, настороженней стало после того, как появился Вася Трапезников.

Все это мне было сначала непонятно. Но когда я заметил, что взгляды людей в основном останавливались на вершине створа, у нас под ногами, и когда я увидел, что вода здесь, словно закипая, встает зеленым бугром, грозя переметнуться через створ, мне стало ясно...

— А что—это очень опасно?—спросил я Ксенофонтова.

Бригада Ксенофонтова. Ксенофонтов первый слева.

— День сегодня погожий, ядерный,— сказал он, и не сразу я понял, что этой простой и отвлеченной фразой он и скрывал, и отгонял от себя именно то, о чем я спрашивал.

Солнце плыло низко, по-зимнему, и лучи его скользили и ломались на волнах неостывшей реки. Морозило. Давила тишина,—такая тишина, что, казалось, слышно, как осыпается иней...

И вот, в этой тишине, внизу, под нами, на какой-то короткий миг что-то лопнуло, вздохнуло, охнуло, и еще ничто и ни обо что не стукнулось, как я увидел—из стены бычка, из незамурованной траншеи—именно оттуда, откуда никто не мог ожидать—огромным и густым валом хлынула вода. Мне даже показалось—вздрогнула плотина. Ксенофонтов побледнел, осунулся сразу; но—не бросился, не закричал. Неимоверным усилием воли сдерживая себя, он провел ладонью по лбу и, скорее себе, чем мне, сказал: „Не волнуйтесь“,—ровным, спокойным шагом направился вниз, к людям.

В это же время Вася Трапезников вскинулся вверх, на опалубку, что-то и кому-то крикнул, схватил дощатый щит и ринулся навстречу хлеставшей воде...

— Эх, герой...—услышал я сдавленный шепот крановщика у себя над головой.—Все колесом...

— А это опасно?—тоже почему-то шепотом спросил я его.

Крановщик бросил на меня посуровевший взгляд, что-то хотел, как мне

показалось, выкрикнуть, но—стиснув скулы и до иссиня сжав кулак лежащей на рамке окна руки—тихо и даже успокаивающе проговорил:

— Не очень... месяца на три работу задержим...

И снова—и глухо—для себя:

— Эка досада... герой...

Через минуту я был тоже внизу и оказался свидетелем такой картины, какой никогда не забуду.

Бегали и прыгали люди, выкидывали шланги, и они, не успев развернуться еще, тут же надувались и стекленели... Началась откачка. Но что такое шланг—и три и даже четыре—по сравнению с этой лавиной, несущейся из траншеи?

— Опалубку... снимайте опалубку!—зазвенел чей-то голос.

— Не сметь... Не сметь!—оборвал его Вася Трапезников.— Не моги!..

Вода хлестала и брызгала, моментально леденела одежда, коробилась, а он все лез и лез в ее гущу, морщился, как от ожога.

— Не моги... не моги-и!—выкрикивал он, спотыкаясь, падая и снова вставая.—Слышите, не моги!..

— Тихо, тихо, товарищи... Не паникуй,—проговорил Ксенофонт. Так же, как наверху, он провел ладонью по лбу, подошел сзади к Трапезникову, приналег плечом и—оба они—медленно, с жесточайшим упорством, прикрываясь щитом, стали продвигаться вперед. А вода хлестала, била, поднималась возле опалубки и тут же, в затишье, покрывалась ледком...

Я с волнением следил за исходом этой неравной борьбы маленьких храбрецов со все возрастающим водяным потоком... А люди работали, работали так, как будто ничего не случилось. Башенный кран опускал арматуру сверху, маленький краник подхватывал секцию, нес ее вниз, к людям, парень в трухе направлял ее, ставил, другой крепил, а третий тут же приваривал. Бетонщики клали бетон, равняли его. И хотя вода хлестала и осыпала их брызгами, они работали так же, как и до этого. Только на их лицах появилось больше и озабоченности, и суровости.

И мне стало ясно, что все эти люди, вся бригада, хотя и тревожилась за судьбу товарищей, все они знали, что этот риск и бригадира Ксенофонтова, и звеньевго Трапезникова—необходим, неизбежен. Но главное было не в этом, главное заключалось в том, что они были уверены в успехе их дела...

И вскоре, действительно, вода начала утихать. Сначала она как-то сникла, стала менее упругой, потом остановилась, расплылась и тут же застыла. Вскоре появились и наши герои.

— Ну как,—никого не смыло?—стоя еще в траншее, согнувшись, спросил, улыбаясь, Трапезников.

— Давай, давай,—толкая его, заторопил Ксенофонт.—Быстро в конторку... И—домой... Ясно?—добавил он, выпрыгивая на площадку.—Водочки выпей, натришь ей же и—на печку. Чтобы духу твоего сегодня здесь не было...

— Что-о?—широко открывая глаза и выпячивая грудь, закричал Трапезников.—Это я-то? Командир производства? Парторг-то давеча как меня назвал? Командиром?.. Командир, да! Это тебе не то, что бы что-то...

— Хватит дурачиться, хватит... Домой.

Вася с ухмылкой посмотрел на Ксенофонтова, потом распрямился, сделал деревянное лицо и обернулся к товарищам.

— Ро-ота... Смир-р-на-а!—скаламбурил он.—Слушай команду... Ваш командир Вася Трапезников отбывает в отлучку. Штаны поменять надо, обутки. Взамен... никого не оставляю. Ясно? Появлюсь через сорок минут...

И в облеченной по поясу, негнувшейся одежде, маршевым шагом заступал сапогами, как колодками.

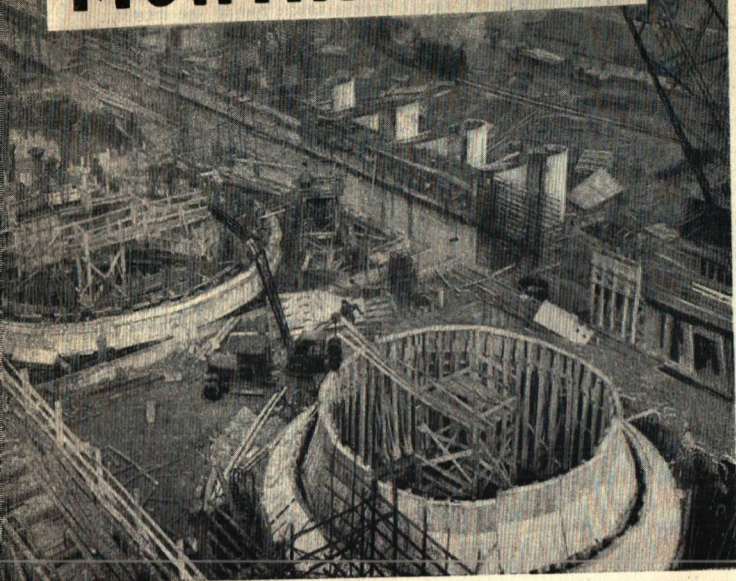
Ксенофонт улынулся.

— Искупались маленько, — сказал он, обращаясь ко мне. — Придется не надолго расстаться.

V

Под сильным, непосредственным впечатлением и от случившегося происшествия, и от работы людей, я бродил по плотине часа полтора. Я умышленно ходил по самому краю настила, подолгу стоял на краю стены и, с головокружительным удовольствием всматриваясь вниз — в буруны и облещенную, — думал: вот они — большие, настоящие люди нашего времени. И никогда, никогда и ничто не отобьется от рук и ума этих скромных, безусых юношей, с такой непоколебимой силой и верой вступающих в жизнь. Я был уверен, нет, убежден, убежден в том, что эти спокойные, на вид ничем не возмутимые молодые люди могут сделать во сто раз больше и лучше того, что удалось мне видеть. Они всё могут сделать, невозможное даже. Невозможное, да, — в этом я был уверен.

МОНТАЖНИКИ

Еще вчера слова „Горьковское море“ были только понятием. А сейчас взберешься на желтый песчаный вал насыпи—и вот он—морской простор до самых далеких синих холмов.

Вода все прибывает. Постепенно, неотвратимо покрывает она последние бурые островки с пожухлой прошлогодней травой. И старожилы с многозначительной веселой грустью комментируют: желтухинский капустаник к вечеру потонет... Огороды на этом острове у колхоза имени Тимирязева были, специальная моторка ходила... Правее—укос второй бригады лежал... „А вон три куста, видишь? Там я зимой зайца убил...“

Мы сидим на деревянном шатком настиле плотины с бригадиром монтажников, обмотчиком-электриком Киселевым. Когда Константин Иванович глядит на воду—ничего. Но стоит ему бросить взгляд на водосливную плотину, на станцию и пятисоттонный кран, как он рассерженно фыркает:

— Тоже мне строители, третий день держат бригаду, не дают фронта работ. У них, видите ли, свой график, как у одиночника свой козел

Пайка полюсов ротора. Справа бригадир К. И. Киселев.

с бородой... Понимаешь—пайку ротора начали, а они у нас на плечах бетон кладут. Детали заливают, чистить после надо. Сапожники. А нынче с утра и вовсе третий час сидим...

Я уже достаточно в курсе этой давней войны монтажников со строителями: в столь большом деле немало неурядиц. Монтажники обвиняют опалубщиков и бетонщиков, те упрекают монтажников. Возникают жаркие словесные схватки, достойные лучших целей и поводов. Но это в основном хорошая война: одни других подталкивают, и что бы там ни было, а медленно, но верно растет кладка, встают на места статоры и роторы последних гидроагрегатов, спаривается мощными фланцами на болтах вал генератора с валом турбины, до середины реки ложатся тени консолей большого крана. Поднимается могучий „ребёнок“, как выразился вчера старый городецкий плотник Большаков о генераторном зале, похлопывая рукавицей по сыро-ватому еще бетону.

Киселев—человек уже немолодой. В его обветренном, будто вырубленном лице, которое не умеет поддвигаться под настроения собеседника, а всегда держит какую-то „свою линию“—и досада, и усмешка, и хорошая, добрая задумчивость, когда он молча глядит на Волгу.

В душе русского человека не иссякает любовь к таким вот вольным просторам. Верно, в подобные минуты раздумья рождались наши протяжные песни про степь, про море, про неоглядную сибирскую тайгу.

Константин Иванович не любит говорить о себе, и слова из него поначалу вытягиваешь, будто гвозди из стены. А жизнь он прожил интересную, поучительную—это настоящая история советского рабочего-строителя. И если уж говорить о типичной биографии монтажника электростанций, представителя этой „бродячей гвардии рабочего класса“, как образно выразился один из местных партийных работников,—то вот она. Именно из такого детства и юности, от подобных смелых профессий пришли на стройки эти уверенные, знающие, спокойные люди, которых ничем не удивишь.

Под рокот и лязг кранов, под музыку паровозных гудков и фырканье машин на ухабах тяжелых весенних дорог Киселев медленно, с паузами рассказывает, а я не перебиваю.

— Родился, стало быть, в лесном краю, в серой вологодской деревушке. И сам я Киселев, и деревня наша называлась Киселева: прежде не церемонились, так всех чохом в Киселевы и записывали, потом люди друг друга по кличкам различали. Ну, отец над полоской горбился, и я ему в детстве помогал, так что крестьянский труд и сейчас помню.

Пахла земля по веснам влагой, ярко светило и манило куда-то солнце. А мы с отцом с утра до ночи ходили за плугом и ничего не видели, кроме лошадиного хвоста. Тревожно думалось: земля наша большая, а я привязан тут к полоске, будто собака к конуре. И как стукнуло мне восемна-

дцать, потянуло на вольный простор, глянуть, как люди живут, самому силу испытать, на что в жизни годен.

Северные леса наши в те годы были глухи, непроходимы, а реки лесные человека-то, бывало, увидят раз в год. Порастут травами, перегородаются палым лесом с берегов, и текут себе, извиваясь, неведомо куда и зачем... Пошел я, значит, на трудное дело—на сплав... Опасная это работа была, силы требовала, смелости—а мне только того и надо. Бывало, при молевом сплаве разбиваешь затор—душа дрогнет, как ринутся вниз сотни бревен, чуть отскочить успеваешь. Э, что говорить, по душе мне была такая привольная жизнь, каждый день что-то новое видишь, от работы душа поет. Понимал уж тогда: лес-то на великое дело, на народную стройку идет. А я и сам с ребячьих лет до страсти любил что-нибудь ладить, мастерить. Радовали вещи, сделанные своими руками.

Так годы и шли. А пришел срок—попал я в армию на пограничную службу, на целых три года... Постой, постой, чего это там делают?

Константин Иванович привстал, внимательно глядя на здание станции. Там, лязгая буферами, подкатывались к монтажной площадке открытые красные платформы, и ближайший к ним кран уже сгружал какие-то огромные, неправильной формы детали. Они издали казались черными, и лишь когда их поверхность отражала солнечный луч в нашу сторону, загорались короткими белыми вспышками.

— Ого, „шестерки“ подвезли... Ну, дело будет. Завтра Ершов начнет ставить на седьмом...

„Шестеркой“ Киселев называл 30-тонную одну шестую часть статора. Так делилось это массивное изделие при транспортировке. Видно, как медленно раскачиваются, натягивая тросы, эти огромные детали в форме слабо изогнутой дуги.

— Вира!—доносит до нас ветерок чей-то далекий крик у второго крана, и связка бревен, из которых можно было бы выстроить сруб на добрую семью, плавно проплыла над металлической сеткой эстакады и опустилась где-то внутри.

Киселев еще некоторое время следит за работой кранов, чему-то качает головой,—потом садится на старое место и закуривает папиросу.

— Вот армия-то и была моей доброй школой,—продолжает он, смотря сквозь прищуренные веки прямо на солнце.—Довелось там служить связистом, и полюбил я незаметно могучую эту силу—электричество. В самом деле—встань вон у мачты на линии передачи где-нибудь в лесу или в поле: тишина, только кузнечики цвиркают да легонько провода поют под ветром. А ведь эта немая сила заменяет тысячи грохочущих поездов с углем, нефтью, торфом. Один киловатт-час электроэнергии стоит несколько копеек, а выполняет почти дневную физическую работу взрослого человека. И вот, как вышел я в гражданку, решил работать по сильному токам, электриком.

Шел 1931 год. Страна расправляла тогда по-настоящему плечи. Вот с того года я и кочую по многим стройкам, которые теперь уже дают силу, свет, тепло человеку. Надо думать, слышали вы про Свирьстрой? С Владимиром Ильичем Лениным связано это строительство. После того, как пустили Волхов и Шатуру, начали грабари под Свирскую станцию котлованы копать. Еще в мае 1918 года Совет Народных Комиссаров под председательством Ленина рассмотрел вопрос „Об отпуске средств для Свирьстрой и на разработку торфяников Северного района“...

Эх, Свирь! Река светлая, быстрая... Десять лет я в ее воды глядел, вместо зеркала. Лопатой, киркой, дубинушкой действовали тогда, а все же подняли станцию. Помню, первое время все ночами выходили глядеть, как

наши новые звезды над водой горят... Но недолго посяли, однако,—ударила тяжелая война с фашистами.

Киселев тяжело задумался, медленно пересыпая песок на ладонях.

— Вы вот, может, не знаете такого чувства, и век желаю не испытать... Понимаешь, делал, радовался каждому уложенному сегменту ротора, а тут говорит мне один товарищ, с ромбиками на воротнике: разбирай, Иваныч, колесики, будем спасать, что можно... У нас это называется демонтировать. Но не успокаивало иностранное слово, понимали мы—разрушать надо все дело.

Что же, приказ есть приказ—разобрали мы генераторы, спрятали, упаковали, что можно, а после такой работы я заявление написал: разрешите отправиться на фронт, чтобы, значит, и гитлеровскую военную машину „демонтировать“ тоже, опыт теперь есть... Не отпустили—послали на Волхов тем же делом заниматься.

Эх, и тяжело было, товарищ! Без конца тянулась страшная, глухая осень сорок первого года... Подошли мы к плотине, надо за дело браться, а мы стоим, головы нагнули... Малый ребенок знал: сам Ильич этой стройкой жил, как надежды-мечтой. Записки писал насчет денег, обуви и прочего для строителей.

И такую станцию довелось нам разбирать своими руками... Снова я на фронт просился. А меня вместо того и ну гонять по всей стране. Тяжелая война кипит у родных городов, а я еду в далекий Узбекистан, мимо арыков, садов, степей,—на Чирчикстрой...

Чирчик... Красивая, ровнистая горная река. Стремительно сбегает она с гор и мчится к матери—Сыр-Дарье. Как свечки, стоят по берегам туркестанские тополя. Знаете, не как на Украине—стволы у них не темного, а серо-зеленоватого цвета.

Ну, правда, дальше уже веселее пошло: строить, восстанавливать, монтировать более подходящее дело, даже если и очень трудно.

Веселая эта профессия, я считаю,—монтажник... Сколько раз видишь концы всех трудов, не только своих, а сотен, может, тысяч других людей... Вот добывали где-то руду, плавил ее на Магнитке, потом лили в формы в Ленинграде, везли такую махину—колесо 13 метров в диаметре—по частям по железной дороге. А ты к делу его прилаживаешь, будто часовой мастер шестеренку. Ведь веселее всего конец труда видеть, верно? Как конец дальней и трудной дороги...

В этом месте Константин Иванович достает из кармашка часы и говорит другим тоном, поднимаясь с песка:

— Ну, погребели бока и хватит. Это мне вроде выходного будет. Через полчаса ребята крышу у шестого ладить станут, надо там быть...

Мы тяжело ступаем по песку, потом по шпалам к проходной. Киселев молчит, а я гляжу под ноги и думаю о дальнейшей его жизни—о ней подробно рассказали мне товарищи из его партийной организации.

Невообразимая широта открывается перед взором, когда представишь трудовые дороги этого неразговорчивого человека в потертом черном ватнике. Серое, низкое небо Севера и перламутровые выси Причерноморья; зеленый прибой тайги и степи с подвижными шарами перекати-поля; реки, широкие, как озера, и озера, голубые, будто небо в Крыму.

После того, как Киселев потрудился на восстановлении Волхова и НиваГЭС, поезда не раз возили опытного монтажника по всем дорогам страны.

Вот он монтирует генераторы на Аккавакстрое, неподалеку от Ташкента, потом—во Фрунзе, Алма-Ате, Сталинабаде. Проходят месяцы, и непо-

седливая судьба перебрасывает монтажника на Иртыш—реку суровую, стремительно несущую свои белые от напряженного бега потоки через утесы и скалы Алтая. В трудных условиях построили люди там Усть-Каменогорскую ГЭС—отодвинули в сторону обомшелый Притор, взорвали скалы под Аблакеткой, в диком урочище возвели город, проложили дороги, разбили сады. Эту циклопическую работу сильными и чуткими руками завершили монтажники—и грозно на века заревел Иртыш, низвергаясь с сорокаметровой бетонной выси...

Только устремилась электрическая энергия ГЭС по проводам через горы на рудники, заводы, шахты, в колхозы и города, как строители поднялись с мест и вместе с семьями отправились по ими же созданному в горах Малому Иртышскому морю на новую стройку—в Бухтарму. Позднее обаялся там и Константин Киселев.

Утром, неприветлив был Иртыш в этих новых местах. Отвесно падают в кипящую реку голые, покрытые мхами и лишайниками горы. Черные тени дышат холодом. Но неотвратно, метр за метром поднималась вверх бетонная стена плотины...

В 1953 году Киселев оказался опять за тысячи километров от этого места, за Каспийским морем—на стройке Мингечаурской гидроэлектростанции... В узком ущелье беснуется, пенится, прежде чем вырваться на волю, на равнину, глубокая Кура. И вот в этом-то опасном месте, где вода со страшной силой готова размыть, подточить скалы, люди тоже перегородили реку плотинной, вдвое превышающей высокую водосливную бетонную стенку Днепрогса. У подножья горы Боз-даг вырос молодой город Мингечаур. Новое море разлилось посреди Азербайджана. Вода, будто стремясь дать волю своему гневу, ринулась по каналам в сухие степи и напоила сотни тысяч гектаров бесплодной почвы. Сыпучие пустыри покрылись пушистым хлопком и золотистой пшеницей. А с краю гигантской плотины поднялось здание мощной гидроэлектростанции—Мингечаур, золотая звезда Азербайджана, чьи отсветы видны теперь ночами во всех концах республики. Свет этот зажигали и умные руки монтажника Киселева.

Наконец, в снежные январские дни 1955 года, когда подходили к концу основные земляные работы на Горьковской ГЭС, Константин Иванович Киселев слез с подножья пригородного поезда на станции Заволжье.

На высоком берегу за рекой белели домики старого Городца, слева поднимались незавершенные сооружения станции и водосливной плотины. Группа девчат у бетонного завода выводила слова песни:

На Волге широкой,
На стрелке далекой
Гудками кого-то зовет парохо-од...

Расстояние, как всегда, скрадывало недостатки пения, делало его стройным и задумчивым. Киселев оглядел нагромождения товарных платформ в тупиках, груды строительного мусора, какие-то крупные детали под навесом и подумал, что дел здесь еще хватит надолго. „Рановато, пожалуй, заявился,“—вполголоса сказал он сам себе. Монтажник в рядах строителей идет замыкающим. Ему надо ждать, когда экскаваторы и земснаряды намоют плотины, выроят котлованы, когда плотники, арматурщики, бетонщики выстроят здание гидроэлектростанции, когда уверенно подопрет воду богатырская грудь бетонной сливной плотины.

Действительно, сразу Константину Ивановичу прямого дела не нашлось—несколько месяцев пришлось поработать, как он выражался, „во

втором эшелоне"—на складных частях, электриком по оборудованию в мастерской. И лишь к исходу лета, в августе, Киселева вызвали в контору.

Седоватый, сдержанный начальник, взглянув прямо в глаза, сказал:

— Ну, Константин Иванович, подошел теперь твой номер в нашем концерте, тебе выступать... Ты самый опытный, придется взять на себя бригаду.

— А монтажники по обмотке и изолировке есть?—спросил он.

— Да есть, но мало... В общем—учить людей надо прямо в деле. А изолировщиц, тех и вовсе нет, поставим девушек со стройки, покажешь им, как и что... Договорились?

Киселев по опыту знал: сколотить бригаду, обучить такому тонкому делу, как пайка полюсов или изолировка, вчерашних „разнорабочих“—очень трудное дело. Но жизнь не ждала—и Константин Иванович согласился.

— Чего ж попусту балакать, —негромко сказал он начальнику.—Университеты открывать недосуг, будем учиться в деле.

Так же он поставил вопрос и перед бригадой.

Люди собрались в низенькой деревянной конторке, притулившейся прямо в здании станции, за нагромождением платформ и деталей. Были здесь и опытные монтажники. Вот прислонился к подоконнику высокий, стройный Григорий Клещев в новом синем комбинезоне. Он хорошо разбирается в вопросах электричества, знает моторы, много читает. Чуть устало облокотился о стол пожилой монтажник Загирьян Себирьянович Себирьянов. Этот, как и Киселев, тоже поработал не на одном строительстве и знает дело. Серьезно глядит на бригадира Николай Новоженев, опытный человек, на все руки. Но остальные... Совсем без специальности пришли в бригаду девушки Тамара Карташова, Лена Данич, Валя Зверева и другие. Молодежь острожно толпилась у входа, поглядывая на бригадира.

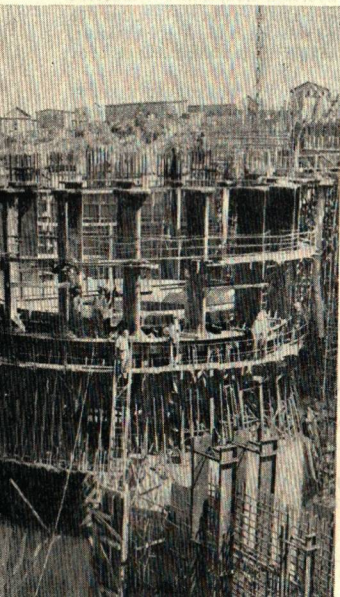
— Ну, представляться друг другу прямо на работе будем, друзья,—просто сказал тот, поглядывая на молодежь.—А сейчас давайте, советуйте, как нам лучше дело поставить, с чего начинать. Работы много, задания будут очень срочные, потребуют от каждого большого напряжения и точности... Чуть ошибешься, похалатничаешь, значит подвел стройку, обманул сразу всех, кто работал до нас, пустил на ветер великое народное богатство... Думаю, такой путь мы решительно отвергнем, сердце не позволит, а?

— Решительно и навсегда,—поддержал бригадира Новоженев.—Только вот молодежь...

— Молодежь будет учиться, думать, смотреть во все глаза, по струнке ходить,—перебила монтажника розовощекая Валя Зверева.—Только, прежде чем ходить, помогите на ноги встать.

Она протянула руки и в замешательстве сделала ими такой жест, будто что-то заворачивает или обматывает. Были эти руки красны, со следами мозолей на ладо-

Монтаж агрегата.

нях, несколько неуклюжи—славные руки работницы, которые безотказно брались за сучковатые поручни носилок, за черенок лопаты или березовой метлы. Сейчас им предстояла куда более тонкая работа в самом сердце генератора—изолировка секций, где, как при любой сердечной операции, точность, быстрота и добросовестность—непременные условия успеха.

В одно светлое утро, в конце августа, все 14 членов новой бригады вышли на монтажную площадку к первому кратеру. В высоких перелетах зала мирно кружилась солнечная пыль. В дальнем конце здания вспыхивали огненные струйки электросварок. А посреди стоял высокий, сложный ротор первого генератора—огромное колесо более девяти метров в диаметре. Люди молча поглядели на него, потрогали руками, кое-кто покачал головой. Однако эти раздумья сразу погасил бригадир.

— Начинаем пайку ротора, — спокойно бросил он мужчинам, — дело, от которого зависит нормальная работа всего агрегата. Значит, так — мы начнем, а вы, друзья, приглядывайтесь. Потом и сами спробуете. Главное — не робеть перед техникой. Не забывайте, что все такие же люди изготовили, как и мы. Ну, Себiryяныч, Гриша, — пошагали...

— Есть, Константин Иванович, — весело блеснул глазами Клещев. — Учись, хлопцы, рукомеслу, пока я жив... — Он подмигнул стоявшим поодаль девчатам и взялся за дело.

Углубились в работу, изредка давая пояснения товарищам, и бригадир с Себiryяновым.

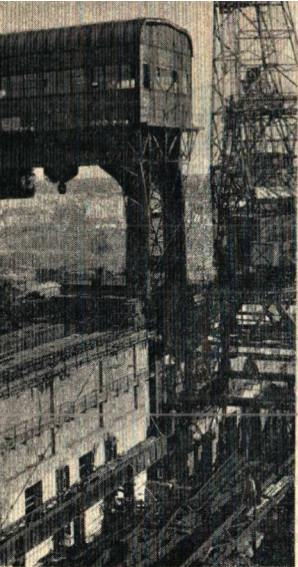
Трудны, ой, трудны были первые шаги бригады! Неумелые руки людей слишком медленно привыкали к нужным движениям, часто ошибался неопытный глаз. Бригадир и Себiryянову приходилось переделывать неточную работу вечерами, а иногда и ночами. Часто срывался график. Обидно ворчал прораб, пожимали плечами инженеры, хмуро поглядывал начальник, хотя и помалкивали. Но, что бы там ни было, а ротор оснащался тщательно и надежно. В бригаде этот первый ротор прозвали „первым курсом“: и в самом деле, к концу его пайки люди уже приобрели нужные навыки, научились экономить время, движения, материалы, обрели глазомер. Чаще стал шутить Гриша Клещев.

„Вторым курсом“, особенно для девушек, была обмотка статора. Огромную чашу его подвели под такую же круглую деревянную крышу: на секции не должно было упасть ни одной капли дождя. Мужчины укладывали и ремонтировали обмотку, а новым изолировщицам поручалось дело, требующее чисто женского терпения и склонности к рукоделию—изолировка секций. Каждую секцию надо было покрыть несколькими слоями изоляционных лент и тканей. Операция требовала ловкости, аккуратности, мастерства. Недопустима была даже малейшая небрежность в работе.

Девушки успешно осваивали непривычное дело: помогало горячее желание не ударить лицом в грязь, не подвести стройку, не дать повода к острым шуткам Клещева. Все четче, быстрее двигались их руки, все глаже получалась поверхность изолировки. Скоро у Лены Данич она стала выходить совершенно гладкой, без малейших воздушных пространств. Девушка все лучше понимала свойство каждого изоляционного материала, умело использовала его в работе.

— А ну-ка, девушки, а ну, красавицы, вся поет о вас страна, — напевал Гриша Клещев, уже без шуточек, серьезно наблюдая за их работой, и добавлял прозой: — Слышали, девчата? Решено у нас пустить первый агрегат, дать промышленный ток к Октябрьскому празднику. У родины именины — значит, нельзя без хорошего подарка. Как, Тамара, а?

Лишь только освоились с делом, бригадир стал требовательнее, строже,

500-тонный уникальный козловой кран.

он часто определял ход работы по другим бригадам.

— Вон у Ершова ребята работают—любо посмотреть! График ежедневно почти опережают, задел имеют на любой случай.

— Ну, Ершов, Ершов,—недовольно заворчал Николай Новоженов, расправляя в руках темный провод,—чай не хуже сработаем, померяться можем.

— А и верно,—поддержал товарища Клещев,—давайте-ка на соревнование их вызовем, идет?

Константин Иванович ничего не ответил, только усмехнулся. Но на другой день утром пришел в бригаду вместе с разговорчивым, улыбающимся Ершовым.

— Что ж, товарищи... послужим общему делу, померяемся умением, раз так,—сказал он.—Давайте, для начала попробуем раньше срока термоконтроль наладить...

Так разгорелось соревнование двух соседних бригад. Оно подгоняло людей, заставляло больше думать над делом, наполняло часы ясной, задорной целью, как тело кровью. Работа пошла более бойко. Сначала на установке узлов подпятника гидрогенератора вышла вперед бригада Ершова. Но Новоженов, Себiryянов, Клещев и Киселев очень споро и точно наладили систему термоконтроля на первом агрегате, и шансы бригад сравнялись. Все эти работы обе

бригады должны были закончить 16 октября, а завершили с отличной оценкой на сутки раньше. На несколько часов опередили они график и на установке надставки вала.

Но настоящую радость Киселев и его товарищи почувствовали в памятный всей стройке день 2 ноября 1955 года, когда первый генератор дал промышленный ток... Константин Иванович почувствовал, как быстро забилося у него сердце, когда старший прораб участка Н. Н. Лежнев, поглядывая на монтажников большими, радостными глазами, стал поворачивать штурвал регулятора скоростей... Киселев будто своими глазами видел: вот заработали сервомоторы, повернулись направляющие лопатки, и скованная, сердитая волжская вода с восьмиметровой высоты ринулась на лопасти турбины... Вот турбина поставлена на обороты. Прибор показывает десять, пятнадцать, сорок... Наконец, шестьдесят два с половиной оборота в минуту—это проектная скорость турбины... Дрогнули стрелки больших вольтметров и амперметров. К четверем часам дня первые десятки тысяч киловатт электроэнергии пошли по проводам через леса, болота, поля и перелески, на Дзержинск, Москву, на Правдинск, влились в центральную энергетическую систему страны.

Еще увереннее работала бригада над установкой новых агрегатов. Монтаж вели теперь параллельно—только вступил в эксплуатацию первый генератор, как начали пробовать второй. К новому 1956 году ввели в действие третий и четвертый агрегаты.

И Клещев, и Валя Зверева, и Лена Данич с усмешкой вспоминали, как

они трудились над первым генератором. Казались нелепыми первоначальные неумелые движения, страх перед сложностью деталей. Дело теперь пело в руках, и никакие самые сжатые графики не пугали никого. На монтаж статора по норме отводилось 25 дней, а в бригаде Киселева справлялись с „большим колечком“ за 16. Так же ускоренно проводилась и пайка роторов, и установка системы термоконтроля, и оборудование особо чувствительных регуляторов возбуждения на генераторах. Повеселевший Гриша Клещев часто читал девушкам любимые стихи Маяковского:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
Светить—
и никаких гвоздей—
вот лозунг мой
и солнца!

С декабря—января на стройке заговорили о предстоящем XX съезде партии. Тысячи строителей Горьковской ГЭС решили приготовить к съезду новый подарок—пустить пятый агрегат.

— Вытянем, хлопцы?—резковато спрашивал монтажников бригадир, поглядывая исподлобья то на Загирьяна Себiryянова, то на невозмутимого Новоженова.

— Тянем-потянем, вытянули... репка! Потянем, Иваныч,—громко отвечал Загирьян, и белки его темных глаз задорно сияли.

Над ускорением монтажа пятого агрегата работали все. Транспортники беспрекословно загоняли в тупик на монтажную площадку новые и новые партии узлов и деталей для агрегатов. Пятидесятитонные краны ловко снимали груз с платформ и разносили по секторам:

— Тесновато, тесновато становится в нашей хате,—потирал руки старший прораб участка спецгидроэнергомонтажа Валентин Николаевич Виноградов,—будто уборка перед большим праздником... Но зато все детали под руками: бери, не ругайся.

Слаженно, быстро стали работать в эту пору не только в бригаде Киселева, но и во всех других бригадах. Монтажники не считались ни с продолжительностью рабочего дня, ни с временем суток.

Крышка турбины пятого агрегата поступила на монтажную площадку вечером, когда уже закончилась смена и на реку, на взрытые ее берега, на плотину упали ранние зимние сумерки. Бригадир Юрий Хвостынецв и Михаил Гаврилов срочно собрали рабочих.

— Дорога каждая минута,—озабоченно обратился к товарищам по-летнему загорелый Хвостынецв.—Я тут говорил с некоторыми ребятами—будем работать при фонарях. Да и не улежишь, пожалуй, на печи в такие часы... Впрочем—дело добровольное, кто как хочет.

Люди задвигались, зашумели с добродушным возмущением:

— Да ты что толкуешь-то, друг? Не хватил, случаем, вчера лишнего?

— Тут не пресс-конференция, дело делать надо.

— Все добровольцы до конца стройки.

Работа в кратере не прекращалась всю ночь. Когда из-за высокого горюдецкого берега выглянуло солнце, оно осветило усталые лица людей, облепивших со всех сторон края кратера. К полудню—на четыре часа быстрее по сравнению с третьим и четвертым агрегатами—крышка турбины прочно, навсегда встала на место.

Монтажников из бригад Василия Антонова, Шапкина, Ершова волновало другое. Часто бывало—только прибудут части статора на площадку, а у кра-

новщиков или обед, или вообще шабаш на сегодня, и застряло дело на сутки—не под дубинушку же кантовать тридцатитонные „шестерки“!

Дня за два до того, как начали прибывать детали пятого агрегата, несколько монтажников залезли по вертикальным железным лесенкам в кабины кранов.

— Закуривай, капитаны,—широко раскрыл портсигар Александр Шапкин.

Машинисты и электрики молча и чуть недоумевающе потянулись за „казбеком“.

— Шо це за депутация?—осторожно спросил один из них, кивая на присевших на корточки монтажников и вытирая паклей руки.

— Это представители рабочего класса,—без улыбки пояснил бригадир.— Они пришли спросить—общая у нас с вами цель или нет?

— Та чога ж балакаты зря будемо—вместе работаем, одну станцию строим,—сказал машинист крана, разводя руками.

— А раз так, давайте дружнее жить, ладнее работать. Придут, к примеру, детали—никому не шабашить, пока вы не переправите их к агрегату, а мы не установим на место... В общем—даешь „зеленую улицу“ деталям статора, и точка! Идет, механики?

— Идет,—поняли, наконец, цель прихода монтажников хозяева механических грузчиков.—Заметано...

Разговор не пропал впустую. Большие части агрегата ни часу не простаивали на платформах. Сразу подхватывали их и поднимали в воздух тяжелые гаки. А когда бригадиры сигнализали „майну“—детали принимали и направляли на место десятки рук монтажников.

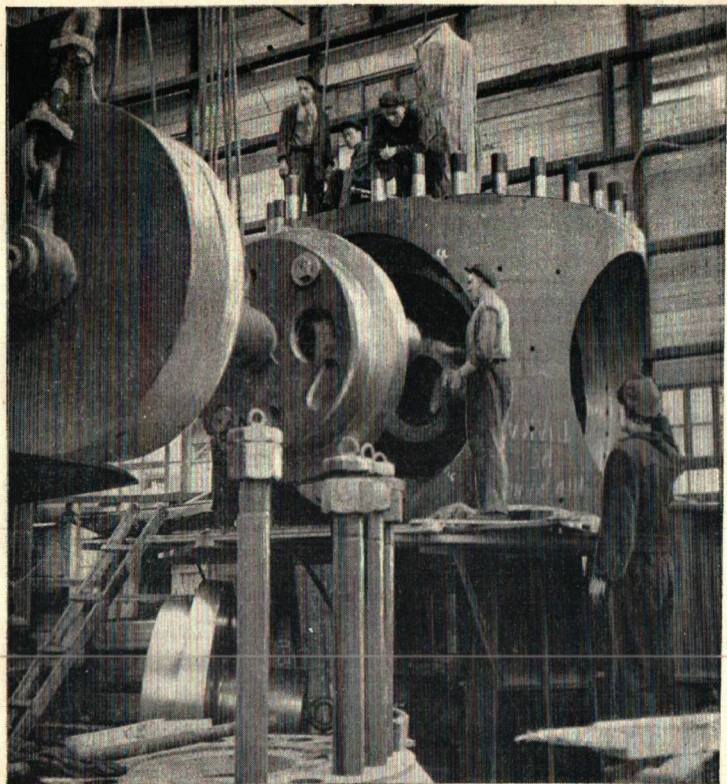
Все работы на пятом агрегате стали проводиться по совмещенному графику, в котором были определены и объемы работ и сроки их выполнения разными „родами войск“—строителями, крановщиками, монтажниками.

Во второй половине января объявился новый враг—жестокий сорокаградусный мороз. На монтажной площадке и особенно в кратерах дули постоянные сквозняки. Константину Ивановичу Киселеву и его помощникам нужно было производить особенно тонкую работу—пайку, изолировку, а покрасневшие, обмороженные пальцы не гнулись, инструмент выпадал из рук. То и дело приходилось тереть носы, щеки. Стужа отрывала от работы и загоняла людей в конторку, к самодельным электрическим печам, к вынужденному безделью. А дело не ждало. Эти промедления могли надолго задержать пуск агрегата. Особенно волновался Григорий Клецев: он не мог допустить и мысли, что их бригада подведет стройку, не подготовит полностью агрегат к дню открытия съезда.

— Чтобы мы, обмотчики, да по всему берегу прослыли болтунами?—яростно ораторствовал он у печки в минуты перекуров.—Не может того быть, нельзя допустить, нет...

Сам он оставался на ледящем ветру дольше других. Вот отступил перед морозом Новоженев. Вот шумно вбежали в конторку невыдержавшие девчата. Крякнул, наконец, и недобро выразился сам бригадир, вразвалку шагая через зал, а Гриша, чуть согнувшись, все стоит у статора в своем темном ватнике, работает и насвистывает песенки. И только когда внутренняя дрожь начинала трясти все тело, а зубы выбивали частую дробь, он торопливо шагал к конторке. Но и здесь старался не показать виду, что страдает от холода.

Тяжело было работать изолировщицам. По техническим условиям изоляцию можно накладывать лишь при температуре не ниже $+10^{\circ}$, а в кратере, еще не подведенном под крышу, морозы ничем не отличались от уличных. Надо было проявить много выдумки, желанья, настойчивости, чтобы создать

Монтаж рабочего колеса турбины.

мало-мальски подходящие условия для работы. Девушки, вместе с частью огромного статора, плотно укрывались палатками—так человек в холодной комнате укутывается одеялом, поминутно подтыкая его со всех сторон. Под палатку подводили и включали самодельные электрические печи.

Так в духоте, в тесноте, скорчившись, они работали часами, не выходя на воздух. От резкой разницы температур девушки постоянно простужались, кашляли, болели „ходячим гриппом“. Но ни одна из них не оставила в эти дни своего рабочего места, не сбавила темпов труда. Изолировка шла до графика и отличалась высоким качеством.

В середине февраля, накануне дня открытия XX съезда КПСС, на лопасти пятой турбины упала с большой высоты студеная волжская вода. Бесшумно набирая скорость, начал вращаться огромный ротор генератора. Пятый агрегат начал свою долгую рабочую жизнь.

* * *

Шестой кратер уходит вниз глубоким, большим колодцем. Даже легкий удар молотком раздается здесь гулко, раскатисто, усиленный гигантским рупором кратера. На уровне крышки турбины работают опалубщики и бетонщики. В серых брезентовых комбинезонах все они кажутся приземистыми, широкоплечими силачами. Выше, над нашими головами строители все еще продолжают кладку стен, бетонируют подкрановые консоли, шаг за шагом наращивают пути для 500-тонного крана. Эта работа затяннулась и задерживает монтаж шестого агрегата. Монтажники часто поглядывают вверх, ворчат на строителей, в каждом движении их усматривая неповоротливость, медлительность, нежелание работать быстрее. Порой ворчат и несправедливо.

Не дожидаясь, когда встанет на место кран, бригада Киселева ведет работы на статоре. Прежде чем приступить к укладке обмотки, надо над верхним краем огромного кольца выстроить прочный и плотный деревянный козырек, который бы надежно прикрыл статор от непогоды.

Валя Зверева и Тамара Карташова, щуря глаза от солнца, подают наверх широкие желтые тесины со следами смолы. Николай Петрович Новоженев с молодым, чубатым рабочим отмеряют и пилят стояки. Григорий Клещев, набив карманы и рот гвоздями, всаживает их с двух-трех ударов в опалубку. Он стоит на самом верху наклонного щитка, не боясь высоты, и порой выпрямляется во весь рост, чтобы заглянуть на соседние, уже готовые генераторы, работающие за загородкой. От могучего их бега чуть вибрирует деревянный настил. Ветер треплет русые волосы монтажника.

— Не упади, Григорий,— кричит Клещеву снизу Константин Иванович.— Козырек покатый, можешь поскользнуться.

— Теперь я не очень мучаюсь,— шутиливо отвечает монтажник,— только бы это не прекращалось, как говорил мой дедушка, падая с высокой колокольни.

Все смеются.

К часу, когда наступают сумерки, бригада заканчивает крышу статора. Загирьян Себирьянов вгоняет топор в болванку, оттирает пот со лба и садится закуривать. Вокруг него собираются и другие члены бригады.

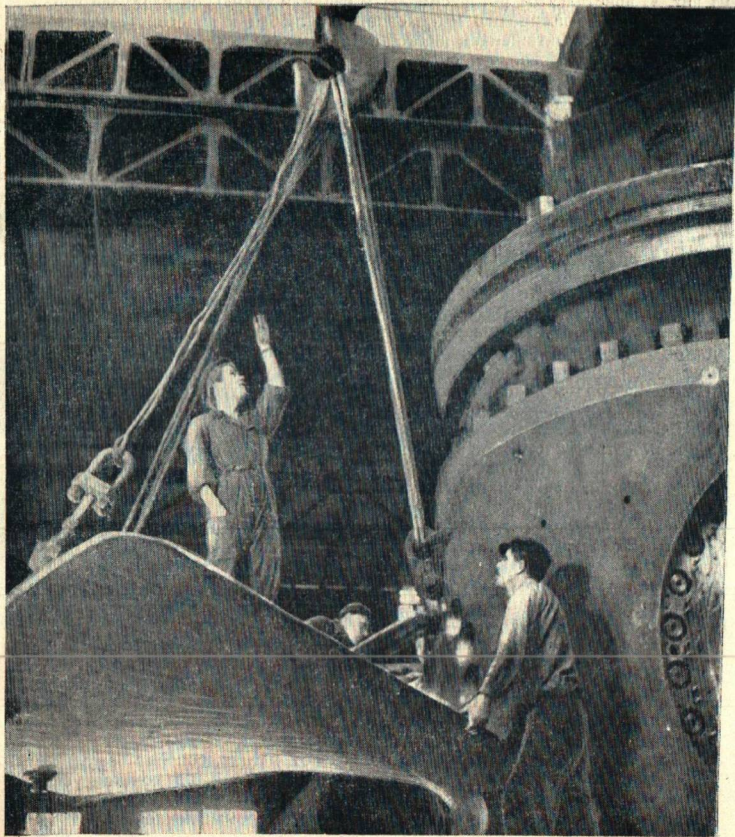
— Завтра с утра начнете укладку обмотки,— говорит бригадир,— а мы с Николаем Петровичем и ребятами одновременно станем ротор паять на площадке. Не ждет время, пора шестое колесико пускать и за остальные два братья.

Монтажники молчат. Все согласны с бригадиром; как и он, негодуют на задержки строителей, на поставщиков тех деталей, которые запаздывают.

— Константин Иванович,— спрашивает после паузы Гриша Клещев,— а когда книжку будем продолжать?

— Книжку-то,— говорит Киселев,— да хоть сегодня. Собирайтесь на часок-полтора после ужина...

В бригаде Киселева в последнее время пристрастились к книгам. Началось это незаметно, с тех пор, как Киселеву партийная организация поручила агитационную работу. Сначала монтажники просто сходились зимними вечерами у камелька, бригадир рассказывал о международных событиях,

Установка лопасти рабочего колеса турбины.

читал газеты. Каждый вспоминал при этом что-то примечательное, подходящее к случаю из своей жизни. Когда воспоминания поиссякли, стали вслух читать книги. Последний месяц взялись, вместо коротких рассказов, за толстую книгу—попала „Угрюм-река“ Шишкова.

С первых же глав книга захватила. Как живая, встала перед глазами людей широкая, студеная, стремительная река в угрюмых берегах, весь нелюдный золотой сибирский край, в котором довелось побывать и многим

из них. С пристальным интересом люди следили за судьбой главного героя. По упорству, по презрению к опасностям и любви к простору он сначала был понятен им, монтажникам шестой пятилетки. Тем страшней и никчемней казался им мир собственнических интересов, неумной жадности, выморочной злости. Как можно было жить в таком убогом мире, куда девать энергию, в чем находить радость?—недоумевали, слушая книгу, молодые монтажники. И чуть по-новому смотрели на волжские берега в огнях, на темную тень плотины, на бешеную пену укрощенной, уже вдоволь поработавшей воды.

Вот и теперь—вспомнили про книжку, и опять задумались над жизнью молодые помощники Киселева.

— Жили люди будто не в человеческом государстве, а в маленьком, темном, вроде муравейника,—промолвил Новоженов, выбивая мундштук.

— Кончим монтаж, куда двинемся, как думаешь, Константин Иванович?—перебил товарища один из молодых рабочих.

— Как знать... Везде нашего брата ждут,—негромко сказал бригадир.— По слухам, похоже, в низовья Волги сплавать доведется...

Киселев смотрел на закат, и в нагромождениях белых туч представлял знакомые картины... Пovyше Сталинграда, за Тракторным, за Мокрой Мечеткой встают плотины, плотины, плотины. Поднимаются над землей стальные башни, несут через Волгу на высоких, могучих плечах электрические провода. А рядом белокаменный молодой город строителей с пышными тополями, кленами, ясенями, переселившимися на улицы прямо со дна будущего Сталинградского моря.

А на сотни километров выше—Жигули. У горы Могутовой, меж выщербленных взрывами горных срезов тоже растет, как дитя, вылезает из пеленок Куйбышевская. Бригадир мысленно поднимается на вершину горы. Вот скалы и утесы, овеванные легендами о Степане Разине. На вершинах их стоят кружевные нефтяные вышки с витыми лестницами. Через Волгу пролегла канатная дорога, высоковольтные линии передач. Перечеркнула разлив бетонная плотина, белеет здание ГЭС. И города, города юности на левом берегу—Комсомольск на фоне синего соснового леса, Жигулевск под алыми и белыми черепичными кровлями... Здесь, в этих местах тоже предстоит им монтировать самые большие в мире гидротурбины.

— Весь свет вроде родного дома,—еще раз повторяет Киселев.

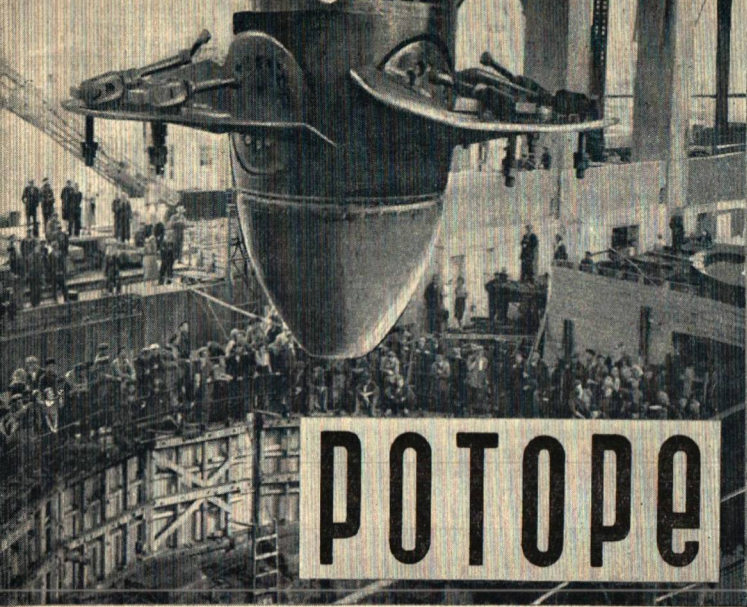
— Не как на Угрюм-реке,—в тон бригадиру говорит Лена Даниц.

— А вот Константин Иванович все недоволен, все ему вроде мало,—усмехается Григорий Клещев.—Со строителями грызется? Каждый день. Темпами недоволен? Сами знаете. За малый недогляд строгают нашего брата? Как теща... И чего тебе не хватает, Иваныч, право?

Киселев чуть смущенно встает, одергивает ватник, говорит без улыбки: — Многого, друзья, не хватает. Жизнь одна дана, а хочется успеть горы свернуть за это время. „Мы хотим лучшего, а лучшему нет предела“. Это сказал Никита Сергеевич Хрущев о нашей промышленности. Нет предела! Согласны?

Монтажники в знак согласия только кивают головами.

На работе

РОТОРЕ

Она стояла с лоснящимися, блестящими, как медь, глазами. Она стояла с лоснящимися, блестящими, как медь, глазами. Она стояла с лоснящимися, блестящими, как медь, глазами.

I

Лишь только он вышел из дому, его охватил лютый январский, с колючим ветром, мороз. В сизом тумане раннего утра тянулся над крышами мутно-розоватый дым. На скользких тротуарах иней, сугробы по сторонам их похожи на гребни ледяных торосов. Водонапорная белокирпичная башня почти растворяется в облаках пара, дыма и блеклой синевы утра.

Александр Дмитриевич Никитин глубже натягивает шапку на уши и, зябко пожимая плечами, ускоряет шаги... Нет ничего досаднее, когда из-за этой жестокой стужи задерживаются строительные работы, и им—монтажникам ГЭС—приходится поневоле мириться с тем, что называется обычно узким фронтом. Не будь этих устойчивых затянувшихся холодов, сколько работы всякой было бы выполнено за это время!

По скользким накатанным дорогам громяхают запачканные глиной, цементом, известью самосвалы, грузовики с поднятыми железными бортами,

с укутанными капотами. Неугомонные труженики строек, они просыпаются невесть когда, бегут по любым дорогам, в любую погоду, выныривают из сосновых лесов, пересекают поселки, мчат с могучим воем и урчаньем вдоль улиц, по шоссе, прямому, как стрела,— в постоянной спешке, бурно захвывая позади себя снег и сизоватую острую гарь. Гудя по рельсам, прогремел товарный поезд.

Со всех концов бескрайней Советской земли идут сюда тяжелые составы, чтобы обеспечить строительство всем необходимым: на платформах — пакеты роторного железа, детали турбин, металлоконструкции, фермы, балки, трансформаторы, лес, цемент, белый кирпич. Тысячи тонн разного груза ежемесячно поглощает ГЭС.

По шоссе — торопливый поток людей, идущих к проходной, а навстречу им выходит из ворот ночная смена. Скрипя промерзлыми скатами и буферами, весь окутываясь паром, осторожно подталкивает платформы паровоз, гонит их через проходные ворота на сборочную площадку.

Обходя эти платформы, Никитин видит обледенелые в пути, изогнутые сегменты статора, — тонн по шестьдесят каждый. „Значит, у бригадира Киселева сегодня будет разгрузка“, — подумал Никитин. На трех платформах он видит верхние крестовины ротора: „А это — мой товар. Тоже — со льдом и снегом. На очистку опять придется тратить много лишних часов. Где же сложить их? Уж очень загромодили площадку“...

Зайдя в дежурку, где в холодную погоду обычно обогревались рабочие, а в перерыв закусывали, сидя за длинными столами, поставленными вдоль стен, — здесь, в числе прочих, он увидел своих. Двое стояли возле окна, курили, остальные грудились вокруг электрической печки, покрытой предохранительной сеткой. Логинов Женя, Парфенова Валя, Горохова Рая, Дрожжин Леонид — звеньевой и Крутов Володя — самый молодой в бригаде.

— Здравствуй, дядя Саша!

Никитин подошел и поздоровался с ними. Дневная смена вся была в сборе. И это успокоило его.

Валя Парфенова пришла в бригаду два месяца тому назад и за это время успела привыкнуть и к людям, и к работе, но больших морозов не переносила и зябла больше других.

Она стояла с посиневшими губами, дрожа и поеживаясь, протянув над горячей сеткой покрасневшие, сведенные от стужи пальцы, и чуть не плакала от боли:

— Ну, дядя Саша, как же работать будем? — И голос ее дрожал. Если бы не стыдно было перед другими, она, наверно, заплакала бы. — Пока от деревни бежала, окончила почти... руки все до единой косточки ломит.

Рая Горохова постарше ее года на четыре, здоровее, но и та страдала от этих холодов.

Никитин с явным участием посмотрел на Валю, на ее пальцы и, будто не находя, что сказать, обвел взглядом стоявших перед ним молодых людей: — Что говорить, — холодно, — промолвил он. — Робеть-то все-таки не надо. Я — пожилой уж, однако...

Одет он был, как всегда на работе: ватная телогрейка, с растегнутой верхней пуговицей, шерстяной узенький шарф, подшитые валенки, рукавицы. Здоровьем особенным не отличался, но держался стойко. Правда, чисто выбритое его лицо сегодня покраснело от морозного ветра, губы — чуть с синевой, и стало морщинам на лбу гораздо больше.

— Работать будем по-обычному, — прибавил он, помолчав. — Пока греется: время у нас есть... Стужа еще — полбеда... В сорок втором году... на Волхове я работал... Тоже были жуткие холода! Бывали дни, — страшно

вспомнить: изморозь, ветер!.. Как ножом по лицу царапает. Гляди того, живо застынешь на месте... Мы там гидростанцию после оккупантов восстанавливали... 120 вагонов оборудования всякого увезли они... Вчистую разграбили,—ни болта, ни винта не осталось!.. А за день на нас по двадцать три налета делал... долбит и долбит этими бомбами,—хоть бросай дело... Сперва страшно было: как завоет, прятались кто куда. Да разве напрячешься,—ведь монтаж-то вести надо!.. Разозлились до самой последней степени,—и перестали прятаться!.. Воеет там где-то, над головой, а мы работаем... Однажды стою у кратера—вдруг как ухнет в самый угол машинного зала... Меня отбросило в сторону, хорошо что не в кратер. Встал я,—ничего, жив. А двоих—здорово покалечило... Вообще—много бросал, но больше—мимо... Фронт тогда был от нас в двадцати трех километрах. Выстрелы хорошо было слышно.

— Разрушили станцию?—с живым интересом спросил Канашов Саша, демобилизованный парень, у которого модно свисала из-под шапки темная, густая прядка отросших волос.

— Что построено—разбить с неба трудно,—резонно ответил на это Никитин.—В самую станцию два попадания было, да в плотину одну бомбу всадили. А в Волхов-реку покидал много: за день-то штук по тридцать клял.

— А станцию восстановили?—спрашивает Валя.

— Восстановили, и очень быстро.

— И оборудование—все новое?—подивился Володя Крутов.

— Полностью. Все заново, как полагается.

— Дядя Саша... а голодно там было?—спрашивает Валя с таким любопытством, на которое нельзя не ответить.

— Всего хватило,—отвечает он,—время было суровое... А потом все наладилось.—И, нагнувшись к Вале, сказал:—Вот где была „стужа“!.. А здесь—что... мирный мороз перенести без тягости можно... Люди вы—молодые, кровь у вас горячая...

Молодой и круглолицый, чем-то похожий на подростка, Володя Крутов, оттесняя потихоньку Раю Горохову, глядел на дядю Сашу с полуоткрытым ртом, не пропуская ни слова. Он готов, как и Валя Парфенова, слушать еще и еще: как в те годы, в прифронтовой полосе, жили, работали и воевали люди.

— Дядя Саша, расскажи нам,—просит Володя.

— А что рассказывать?—отвечает Никитин.—Я уже все рассказал вам.—И обычным тоном заговорил он об очередном:—Нынче нам третий пакет начинать надо. Сперва, конечно, второй опрессуем. Да и шлифовки еще много... А вам, девушки, опять на старое место, к роторному железу... Да вот что... оно там—в снегу, оледенело, с ним возни много. Все же постарайтесь, пожалуйста. Я прошу вас.

— Попробуем,—ответила Рая Горохова, почему-то взглянув на свою подружку.

Но и Валя, уже отогревшаяся в благодатном тепле, стала значительно веселее:

— Стараться будем,—обещала она.—Я кое-что вчера придумала, нынче попробую.

Никитин взглянул на ручные часы: пора уже идти на смену. Но в эту минуту вошел в дежурку звеньевой с ночной смены Качалов Иван—плечистый, средних лет мужчина, варежки его по привычке засунуты были в карман. Подойдя к бригадиру, он негромко сказал:

— Дядя Саша... Алексей опоздал... на пятнадцать минут.

Никитин молча смотрел на дверь, в которую входил молодой, высокий,

тонконосый, с виноватым взглядом умных серых и немного сумрачных глаз монтажник.

Звеньевой Дрожжин хотел было уже идти, но Никитин остановил его. Причину опоздания Алексея можно было, пожалуй, посчитать уважительной, но Александр Дмитриевич сказал, обращаясь ко всем:

— Вот что, ребята... давайте не будем подводить ни себя, ни друг друга. Надо время беречь и честью дорожить. Ведь мы—монтажники. Выполняем правительственное задание. По нашей вине никакая задержка недопустима. Закон такой у монтажников! Портить его нельзя.

По их лицам, по выражению глаз, смотревших на него прямо и открыто, он увидел, что его поняли.

Рассказ о Волхове—простой и краткий—раскрыл, однако, перед Вале что-то важное и большое, что раньше не приходило ей в разум.

Вале восемнадцать лет. Ей не довелось ни видеть той суровой борьбы, ни пережить событий, проходивших в тысячеверстной дали, а то, что прочитывала в книгах, оставляло впечатление, которое захватывало не всю, а только какую-то часть души. А вот сегодня те волховские монтажники и сам дядя Саша предстали перед ней в какой-то новой сущности, понимание которой не давалось ей раньше.

Неожиданно вдруг она поняла главное: в те годы, когда она в деревне, четырехлетней девочкой, бегала босиком по улице возле крыльца своей избы,—много-много людей, а с ними и дядя Саша, под бомбами строили,

Сборка ротора. Справа бригадир А. Д. Никитин.

вели монтаж в суровые холода, дрались с врагом на огромных фронтах, вынося всяческие лишения. И вот теперь плодами их труда, борьбы и победы она—Валя Парфенова—пользуется наравне с другими.

Значит, надо дорожить всем, что завоевано было с такими жертвами, с такими страданиями, значит, надо работать—и как работать?—во всю силу!.. Только этим и может она теперь хоть немножко быть похожей на людей старшего поколения. Ведь ей надо тоже готовиться к какому-то большому труду, уметь переносить разные невзгоды, которые могут встретиться ей в жизни...

И когда дядя Саша, обращаясь к ней и Рае, повторил перед выходом из дежурки: „Так я прошу вас, девушки, очищайте сегменты хорошенько, чтобы все было у нас в порядке“,—Валя с готовностью промолвила:

— Не бойся, дядя Саша, не подкачаем...

II

Среди огромных железных глыб—деталей—привычно пробирался Никитин, отыскивая бригадира Киселева. Но тот, появившись из боковой двери, заметил Никитина и сам поджидал его. Пожилой высокий и сильный человек, он был безразличен к любым морозам, стоял в расстегнутой телогрейке, засунув рукавицы в карман,—тоже бывалый во многих пеклах. Энергичным жестом он даже поторопил Никитина, подзывая к себе,—ибо голоса здесь не было слышно.

— Детали пришли!—прокричал он.—Я после тебя разгружать буду. Не задержи.

Никитин слегка качнул головой.

Они условились о времени, когда приступить к разгрузке.

С того дня, когда первая турбина была пущена на обороты, в машинном зале станции не стало слышно человеческих голосов. Как только вы входите в зал, вы слышите ровный густой напряженный гул работающих турбин. Где-то под ногами у вас, на большой глубине, стремительные тяжелые водопады низвергаются с высоты и крутят с безумной, ураганной скоростью валы турбин.

В этом урагане гасятся все прочие звуки. Не слышно ни громкого урчания кранов, катающихся под самым потолком здания, ни резкого отрывистого грохота барсов с компрессорами, ни крика людей, ни грома передвигаемых труб, ни визга шлифовальных машинок, ни трескучего шипенья электросварки. И надо кричать изо всей силы, в самое ухо, чтобы ваши слова расслышали хотя бы вполголоса.

Люди привыкли к этому: объясняются знаками, жестами, сигналами, и смысл улавливают точно.

Дневная смена бригады Никитина приступает к работе с восьми утра. Она монтирует ротор. (Остальные бригады монтажников одновременно с нею монтируют статор, валы, камеру, турбинное колесо, маслonaпорную установку и прочие узлы турбогенератора.)

Сам ротор—только часть турбины, но монтаж его—необыкновенно трудная, кропотливая, трудоемкая и сложная работа, требующая особой точности.

Обод ротора собирают из больших железных пластин (сегментов), кладут их рядами, слоями, один на другой. По всему ободу укладывается 3600 пластин. При этом надо каждую пластину очистить, отшлифовать почти

до блеска, каждую по отдельности взвесить на каждой ее вес и, подбирая сегменты по весу, уложить слоями по кругу обода.

Потом—проверить отверстия, рассверлить их до одинакового размера,— а в каждой пластине—36 отверстий. Сотня пластин составляет пакет, и каждый пакет следует опрессовать, подтянуть, скрепить шпильками, гайками, соединить с крестовинами, с дисками, с втулкой,—и много-много другой работы требуется выполнить при этом, чтобы после математически точной проверки можно было сказать: ротор готов!

И тогда козловой кран, медленно подвигаясь по рельсам, проложенным по самой крыше здания, подойдет и станет над тем местом, где лежит—на двенадцати опорах-гумбах—собранный ротор... И опустит кран свои могучие «руки», поднимет весь ротор и понесет по воздуху к тому кратеру, где приготовлено ему место и, бережно опуская, осторожно насадит его на главный вал турбины.

Собирая обод ротора, бригада Никитина работает группами—по три, по четыре человека. Александр Дмитриевич не только проверяет их, наблюдая за работой, но сам работает наряду с ними. Канатаев и Логинов рассверливают отверстия, Акифьев с Крутовых и Дрожжиным укладывают сегменты, подбирая их по весу, Макаров отшлифовывает обод ротора электрической машинкой, которую приспособил Никитин, чтобы ускорить процесс шлифовки. Когда Макаров устал и заняло у него в локтях, то поменялся с Канатаевым местами,—работа не прерывалась.

На соединении крестовин, на закладке подпятников, на центровке дисков, звездочки и обода Никитин непременно бывал безотлучно. Когда же заканчивалась сборка основных, ответственных узлов, он шел проверять другие звенья, работавшие в разных местах.

Валя Парфенова и Рая Горохова занимались весь день подготовкой роторного железа.

Никитин был у них на складе перед обедом, а теперь, перед концом работы, пришел опять. Он задержался на один миг, посмотрел на них издали. Ему показалось, что Валя Парфенова, напирая руками на электрический наждачный круг, тратит много силы совершенно зря.

Но когда подошел ближе, стал позади и пригляделся к ее работе, то оказалось совсем другое: у Вали появилось сегодня особенное тонкое умение использовать силу машинки и собственных рук, чего она не могла добиться раньше! По-видимому, она и сама понимала это—и радовалась тому, что машинка ее, и разум, и руки начали жить с этого дня в полном ладу!

Сдирая с сегментов корявую, железную черноту, Валя быстро доводила их до нормального, нужного блеска, не зеркального,—он тут не нужен!—а такого, который угадывается в ровной, гладкой и чистой поверхности металла.

Щеки ее покраснелись, руки ее действовали проворно, но силу свою она расходовала бережно, сноровисто.

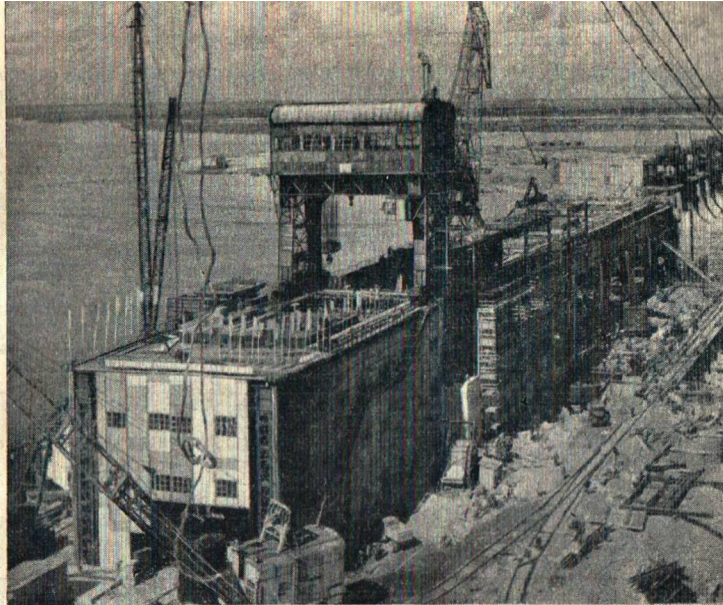
Рая Горохова взвешивала пластины на весах, писала на них мелом, складывая потом штабелями.

Рая—высокая и сильная, с цепкими руками, с быстрым взглядом под темными тонкими бровями, расторопная и живая,—сегодня нахваливала себя и Вало за быстроту и аккуратность в деле,—но ради шутки. А пришел Никитин, подсчитал, сколько и как они сделали,—и похвалил тоже, но уже всерьез.

От удивления и неожиданности они обе переглянулись между собой, не поверив даже дяде Саше.

А он, собираясь уходить, сказал:

— Вас можно, пожалуй, и не проверять.

Здание станции со стороны монтажной площадки.

— Тогда нам неинтересно будет работать,—заявила Рая, улыбнувшись сдержанно, как улыбаются люди своему первому значительному успеху.

А Валя сказала запросто:

— Придешь, дядя Саша, не утратишь.

Глядя на них, Никитин подумал: „А хорошо растут теперь люди, быстро“...

... Да, люди растут быстро. И бывает порой: незначительная на первый взгляд причина может многое изменить в человеке,—и смотришь,—по-новому начнет складываться у него и работа, и сама жизнь.

Не так ли произошло сегодня с Валею Парфеновой?.. И может быть, не одна она, а кто-нибудь еще из ребят, взглянет теперь на свои трудности уже по-иному, нежели вчера. И отныне покажутся они—эти трудности мирного времени—совсем не тяжелыми, а даже интересными!.. Преодолеть их, особенно в пору молодости—вполне возможно: стоит лишь захотеть!..

III

Разгрузка крестовин с платформ производилась мостовыми кранами. В каждой из них по сорок тонн. Никитин вызвал сигналом первый кран, которому было удобнее работать в этом месте, так как ничто не мешало ему на пути.

Кран пронесся над головой Александра Дмитриевича и сразу остановился, точно угадав место. Из кабинки выглянула Женя—известная песенница, отличающаяся тем, что „крановым хозяйством“ увлекалась больше, чем кино, и еще тем, что постоянно находилась в приподнятом, почти праздничном настроении. Из таких, наверно, и получают мастера-виртуозы своего дела.

Посматривая вниз, Женя улыбалась: виделось ее круглое румяное личико, белые зубы, и, наверно, в эту минуту она кричала Никитину: — Я здесь! Здравствуйте. Вам что-нибудь перенести? Пожалуйста.

Никитин подал ей знак: покрутил пальцем вниз, что означало: „май-на“, и Женя начала быстро спускать трос.

Не более часа понадобилось Никитину, чтобы с двумя своими рабочими разгрузить крестовины и роторное железо и уложить на место. Стоя неподалеку, смотрел Киселев, и ему хорошо было видно, как распоряжается Александр Дмитриевич: во всех его движениях есть та особая, выработанная годами манера все делать спокойно, не торопясь, без суеты, рывков, с точным хозяйственным расчетом. Именно такая работа—уверенная, сноровистая—нравится Киселеву.

Закончив свое, Никитин сказал ему:

— Теперь можете начинать вы!

И быстро ушел: бригада его работала в четырех разных местах, и надо было успеть всюду...

При первой встрече с Никитиным казалось, что вы уже видели его где-то; наружность его ничем особенным непримечательна: среднего роста пожилой человек, русый, с морщинками на бритом лице,—но если приглядеться внимательно, в глазах, немного уставших, окруженных паутиной густых морщин, виден незаурядный разум. И с первой встречи остается впечатление: большую и трудную жизнь прошел этот человек.

Ему шестьдесят лет. Иногда он подумывает об уходе на пенсию. Он вполне заслужил это право... Но не может решиться, ибо знает, что, уйдя от привычного полюбленного дела, он затоскует... Хорошо бы иметь человеку вместо одной—да еще такой короткой!—две жизни, чтобы успеть завершить хотя бы самое главное, самое дорогое, что намечено в жизни. Очень не хочется мириться с такими краткими сроками жизни на этой просторной милой земле!.

Он отнюдь не гордится званием бригадира, и считает, что другой на его месте сделал бы не хуже, а может, и лучше, нежели он. Он ставит себя в бригаде вровень с другими, но требует точной и добросовестной работы.

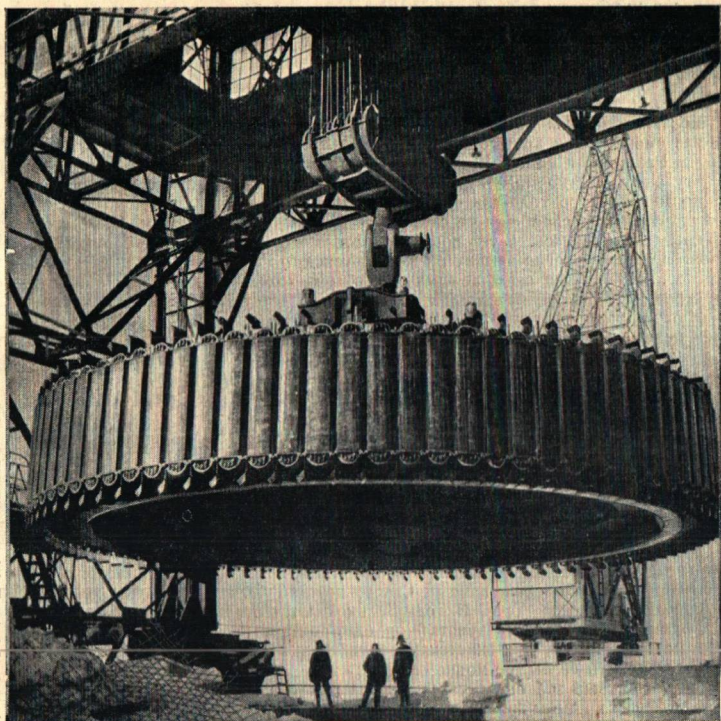
В октябре пришли к нему новые люди. Учить их начал он с первого дня, не посчитав это за обузу. Труднее всего им давалась последовательность сборки, и он сделал крен именно в эту сторону. А когда была усвоена первая страница монтажного букваря, он растолковал им, что ротор является лишь частью гидротурбины, и повел речь о соседних узлах. А чтобы расширить область познания, партийная организация послала молодежь на вечерние курсы и техникумы, где основательно подковали новичков теорией. Остальное пришло к ним само собой в работе, которая учит строго и результаты которой всегда плодотворны.

Они научились беречь инструмент, материалы, время и, когда надо, воюют за минуты. Однажды на открытом партийном собрании парторг ЦК Александр Николаевич Калянов спросил Никитина:

— Ну, как дела у вас в бригаде?

Никитин ответил, подумав:

— Благополучно. Ребята у меня вполне надежные. Я доволен.

Подъем ротора весом 480 тонн.

Вот это состояние полной надежности в бригаде и крепил он все время. И добился немало: за шестьдесят дней его бригада собрала четыре ротора! Это хороший венец большому делу! Магнитную систему четвертого ротора собрали на четыре часа раньше графика. Центровку статора выполнили на три часа раньше заданного срока.

Пятый же ротор монтировали в такое время, когда суровые, затянувшиеся морозы сковали всю работу строителей, и те не могли подготовить монтажникам хороший фронт работ. И монтажникам приходилось нести на своих плечах всю тяжесть зимних условий. Именно пятый ротор был для них самым трудным экзаменом, и бригада сдала этот экзамен с честью.

Никитин с похвалой отзываясь о бригадире Шапкине, который предложил оригинальную отвертку, чтобы ускорить монтаж. С уважением произ-

носит имя бригадира Фирсакова, придумавшего особую конструкцию шаблона для облицовки потолка спиральной камеры турбины.

И сам Никитин сходен с этими товарищами: немало он думал над тем, как бы ускорить и облегчить шлифовку.

Раньше обтачивали и шлифовали обод ротора и диски наждачными кругами, проволочными щетками,—и все вручную!.. Сколько пота прольют монтажники, сколько потратят дорогого времени. Как устанут они, сколько раз сменят один другого!

Раздумье и поиски Никитина не оказались бесплодными: он нашел, что эту работу легко может выполнять шлифовальная машина, какую обычно применяют строители для шлифовки бетонных полов.

Никитин испробовал ее сам, потом передал своим ребятам. И всем она сразу понравилась. С тех пор обод ротора и диски шлифуют только ею!..

Откуда и когда пришел он на Горьковскую ГЭС?

... Небольшая серая деревенька. Кругом—сырые леса, туманные болота, серое небо, суровая жизнь. Здесь протекло детство Никитина. В тесном, убогом мире крестьянского двора, рождались первые, еще неясные, мысли и первые мечты о жизни.

Нужда помешала ему учиться, зато рано заставила приняться за тяжелый труд,—удел обыкновенный крестьянских детей в ту пору!

И жизнь подсказала ему тогда, что не в родном углу, а где-то в другой стороне надо искать себе надежный кусок хлеба.

В шестидесяти верстах от деревни лежал большой город „Питер“, и Никитин, будучи восемнадцатилетним парнем, ушел туда.

Жить стало легче, просторнее, когда пришла революция. В эти годы он с молотком и вагой ходил по железнодорожным путям, принятый в ремонтную бригаду. Потом переехал на Волховскую ГЭС. Здесь женился, обзавелся семьей. С этого времени определилась его профессия: на многие годы он соединил свою жизнь с жизнью электростанций, полюбив их навсегда. Волховская ГЭС была таким событием, которое определило всю его жизнь. За Волховской пришла Свирь, потом Тулома близ Мурманска, за ней—Игумновская ТЭЦ. В годы Великой Отечественной войны—по зову Родины и собственного чувства—он едет опять на Волхов, откуда Красная Армия вышвырнула фашистских оккупантов и где надо было экстренно восстановить ее былую мощь.

Машинный зал был неузнаваем: кратеры турбин зияли холодной пустотой. Куски и глыбы железобетона от развороченных укрытий были раскиданы. На разграбленную, разоренную станцию смотрел Никитин с тяжелой суровой печалью. Но придя на свой Волхов, монтажники и строители знали, с чего и как начать. И вот под бомбами и снарядами люди вели монтаж, врачевали свежие глубокие раны на живом теле электростанции,—днем и ночью. Пустой машинный зал опять наполнился живою жизнью, вновь забушевала вода в рабочих камерах турбин и закрутились могучие валы и роторы.

Потом Никитин едет снова на Свирь, потом—Маткозная у Сороки на Беломоре, Кегум, Гемуж, за ними—красавица Каховка и—наконец Горьковская ГЭС.

В те необычайные неповторимые дни, когда на XX съезде КПСС утверждалась программа еще более глубоких преобразований, монтажники ГЭС—а вместе с ними Никитин—одержали еще одну очередную победу: в 20 часов 14 февраля 1956 года пятая гидротурбина была поставлена на обороты для последнего испытания, а через 72 часа ее включили под промышленную нагрузку...

На действующей

СТАНЦИИ

ЧЕРЕЗ ШЛЮЗ

1 ноября 1955 года, за день до знаменательной даты пуска первого агрегата Горьковской ГЭС, я на пароходе „Глеб Успенский“ добирался от Горького до Чкаловска. Ехал я с единственной целью посмотреть, как проходят суда через шлюз Горьковского гидроузла, а затем на машине добраться до гидростанции, чтобы присутствовать на торжественном пуске первого агрегата.

„Глеб Успенский“ следовал до Кинешмы. Это был его последний рейс, ибо навигация к этому времени кончалась. Волга выглядела пустой, и навстречу пароходу бежали тяжелые свинцовые волны, в которых уже не отражалось солнце.

Было грустно смотреть на эту уютную Волгу. В пролеты парохода задувал холодный, пронизывающий ветер; берега, чуть припудренные инеем, лежали сумрачные и безлюдные, „обстановка“ на реке была снята, и большие суда не ходили.

Пассажиров было мало, и все они расположились в небольшом салоне. Пароход подходил к Городцу.

— Ну, теперь часа четыре простоим,—проговорил рябоватый плечистый мужчина, одетый в синий комбинезон.

— Постоим,—покорно подтвердила женщина, сидевшая рядом с ним.

— Почему так долго?—спросил я с неудовольствием, прикидывая, когда же мы наконец причалим к Чкаловску.

— Ночью, на рассвете, будем в Чкаловске,—словно угадывая мои мысли, проговорил рябой:—потому как шлюзоваться долго будем—ведь пока только одна нитка действует, а баржей-то гляди-ко, сколько нагрузилось?

Я выглянул в окно и увидел длинную гирлянду судов: буксиров, барж, дебаркадеров, буксируемых в затон, стоящих на якорях и ожидающих своей очереди перед шлюзом.

— Да, запудрили матушку, теперь, гляди, не обойдешь, не объедешь,—немного грустно проговорил кто-то...

А впереди переливались и мигали мириады пунктирных огней стройки, и лучи прожекторов молочным светом прорезывали тьму, и в их свете проступали жгуты тросов кабелькрана, провисавшие высоко над землей.

Там и тут вспыхивали огни электросварки. И откуда-то со стороны земляной плотины доносилось глухое уханье взрывов.

Жизнь, большая и напряженная, дышала там, и мы ощущали ее горячее дыхание.

— Торопятся, подчищают,—проговорил человек в комбинезоне,—завтра пускать будут, народу привалило из Москвы и из Горького...

— Балахна-то, значит, на второй план отходит,—проговорил пожилой бородач, сидевший около меня, и было непонятно: то ли ему жаль, что старая Балахнинская станция уступает свое значение, то ли радуется рождению новой волжской станции.

— Это как сказать,—многозначительно произнес мужчина в комбинезоне,—не забудь, отец, что Балахнинская станция самая большая в Союзе из работающих на торфу—сам в энциклопедии прочитал.

— Обоим дела хватит,—миролюбиво подтвердил бородач.

— Именно, обоим,—удовлетворенно подхватил молодой парень, одетый в форму речника, и почему-то подмигнул мне, очевидно давая понять, что он великолепно знает грамматику и понимает, когда следует употребить слово „обоим“, а когда „обоим“...

Неожиданно „Глеб Успенский“ загудел, давая отвальный гудок. В полете забегали матросы.

— Батюшки!.. никак нас первых хотят пропустить,—обрадованно воскликнула женщина.

— А как же,—оживился бородач,—пассажирам всегда предпочтение оказывают, каждому к своему сроку требуется... Беспременно нас первыми пропустят.

И действительно, под ногами заработал двигатель, задрожали стекла, завибрировала обшивка стен, и пароход начал отваливать от причала.

И вот мы медленно, точно на ощупь, приблизились к воротам шлюза, а еще немного спустя наверху забегали люди, оттуда послышались встревоженные голоса, шум машины постепенно затихал.

Я вышел на верхнюю палубу.

Черное, низко нависшее небо, с редкими, холодно мерцающими звездами висело над нами. В лицо с верховья Волги, не переставая и лишь временами перемежаясь со шквальными рывками, дул хлесткий, пронизывающий ветер—предвестник мороза.

он Пароход продвигался медленно, будто переступая, и осторожно втискивался в узкий коридор, образовавшийся из скопившихся перед шлюзом судов.

На носу, по обе стороны, стояли матросы с баграми в руках.

Я взглянул вдоль по борту и понял причину тревоги: навстречу нам из шлюза только что вышел буксиряк, тянувший за собой огромный воз плотов, а близ парохода плыли, покачиваясь на волнах, отдельные, оторвавшиеся от плота бревна, почему-то явно тяготея к колесам парохода.

— Э-ге-гей!—закричали с носа,—не зевай, в плицы прет-ет!

Матрос, стоящий на кромке палубы, стремительно побежал к колесу, нацеливаясь багром в воду, и я увидел огромный комель бревна, неумолимодвигающийся к колесу „Успенского“.

„Все!—подумал я:—теперь застрянем надолго“.

Однако в тот же момент острие багра коснулось комля бревна, и матрос, тяжело упершись руками и грудью в рукоять багра, начал отводить бревно от плицы, и оно медленно, словно нехотя, стало отодвигаться от колеса, и плицы, двигаясь по дегтярно-черной воде, миновали опасную зону.

Я вышел на нос парохода.

Передо мной чернела глухая стена шлюзовых ворот. Слева серела, в свете подвесных фонарей-юпитеров, бетонная стена второй нитки шлюза. По ее верху двигались фигуры людей, скрипели тросы крана, по которым опускались бадьи с бетоном. Сварщики, согнувшись, сваривали части железных скреплений, и в воду летели золотистые брызги огня. Сварщики и бетонщики тоже торопились закончить к торжественному дню бетонирование очередного блока второй нитки шлюза. С ее пуском отпадала необходимость пароходам, идущим снизу, ждать, когда отшлюзуются суда, спускающиеся сверху, и открывалось двустороннее движение.

В этот момент шлюзовой диспетчер дал разрешение на вход в шлюз. Створки ворот раздались и, коротко гуднув, „Успенский“ медленно вошел в коробку шлюза.

Я поспешил на корму,—ворота медленно смыкались, и пароход застыл на месте.

Невидимо откуда в шлюз изливались тысячи кубометров воды. Подъем парохода был замечен по тому, как черные горизонтальные полосы, нанесенные на стене, медленно, но неуклонно уползали в воду.

И снова раздался короткий гудок, верхние ворота шлюза раздвинулись, и „Успенский“ вошел в обводной канал и, победно загудев, взял курс на Чкаловск.

„СЛАВА ТРУДУ!“

Желание „прошлюзоваться“ повлекло за собой то досадное обстоятельство, что я опоздал на торжество, связанное с пуском первого агрегата Горьковской гидроэлектростанции. Я смог выехать из Чкаловска на „вездеходе“ Чкаловской МТС всего за несколько минут до митинга. Дорога была в плохом состоянии, и я очень волновался, чувствуя, что не успею к сроку.

Это волнение передалось и шоферу Борису, молодому чубатому парню, с которым мне не раз приходилось трястись по неустроенным дорогам района.

Машина, взрывывая на подъемах, натужно гудела, выбрасывая из-под

колес комья схваченной морозом и уже припудренной снежком грязи, но упрямо бежала все вперед и вперед к цели. Мы срезали где только можно дорожные углы, чтобы сэкономить время, но фактически неумолимо теряли его.

И вот в тот момент, когда совсем рядом справа от тракта вырос хребет Уркинской горы, к которой примыкала семикилометровая правобережная плотина гидростанции, шофер коротко бросил:

— Амба!

— Что такое?—тревожно спросил я.

— Все, можем не торопиться,—кивнул шофер головой на смотровое стекло.

Я взглянул и увидел над мерцанием беспорядочно разбросанных огней две блестящие световые полосы. Слова разобрать было невозможно, потому что они располагались по оси нашего движения, и только когда дорога свернула вправо и эти полосы стали видими под углом, я прочел два светившихся слова:

„СЛАВА ТРУДУ!“

— С праздником!—сказал Борис, полуобернувшись ко мне.

— И вас также,—ответил я, в одно и то же время и страшно досадуя, и испытывая волнение.

Ведь все мы знали, что именно сегодня волжская вода, подпертая плотиной, ринется наконец к первой турбине, заставит вращаться вал генератора, и рожденная энергия засветится в лампочках, составляющих эти два слова приветствия—„Слава труду!“. Но оказывается, знать это—одно, а чувствовать, воспринимать—совсем другое, гораздо более значительное и убедительное.

Небо все более темнело, огни над стройкой, приближаясь, становились все ярче, а их расположение все более упорядоченное. Над этими огнями то и дело взвивались в небе разноцветные ракеты, а я не отрываясь глядел на эти два светящиеся слова, как будто боялся, что они могут погаснуть.

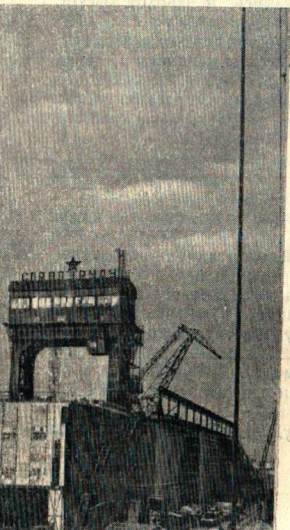
Но слова не гасли, и скоро стали уже различимы отдельные светящиеся точки лампочек. И самым восхитительным было то, что эти лампочки питались уже собственной энергией, а не той, которую так щедро и долго получала стройка от своей двоюродной сестры—Балахинской электростанции.

С этого момента Горьковская гидростанция вступила в строй действующих предприятий.

СПУСТЯ ПОЛГОДА

Трудно передать ощущение, которое я испытал, войдя в кабинет начальника электроцеха Горьковской гидроэлектростанции. Это был обыкновенный, стандартный кабинет, напоминающий множество кабинетов начальников, которые можно видеть на любом большом предприятии.

Общий вид здания ГЭС.
1956 год.

Просторная светлая комната: пол, покрытый желтыми и коричневыми кафельными плитками, письменный стол с двумя телефонами: общим и внутренним, сбоку широкий кожаный диван, несколько в стороне второй стол заместителя начальника цеха. У противоположной стены—поблескивающий холодным блеском металла несгораемый шкаф. Словом, все—как в любом солидном кабинете.

В комнате было очень светло, но все же в этом свете было что-то не совсем обычное. Я невольно взглянул на наружную стену и тут только разгадал причину необычного ощущения, вызванного освещением комнаты. Стена была странно „пустой“,—в ней не было привычных уютных оконных проемов—просто не было окон. И хотя на воле стоял солнечный день, комната освещалась искусственным электрическим светом через плафоны, вделанные в потолок.

— Конечно,—вспомнил я,—как могло быть иначе? Ведь я, войдя в здание электростанции, прежде чем оказаться в этом кабинете, спустился на два этажа „под землю“.

С этого началось мое знакомство с электроцехом. Я представился человеку, коренастому и широкоплечему, с очень русским, добродушно улыбающимся лицом, в очках, сидящему за столом.

— Куликов,—назвал он себя,—заместитель начальника цеха. Козлова нет, он придет попозднее.

— Почему вы забрались в недра земли?—спросил я, чтобы как-то начать разговор.—Это так полагается на станциях?

— Нет, почему же,—усмехнулся Куликов,—это временное жилище. Когда станция будет полностью отстроена, мы перейдем в другое помещение—наверх. Чем могу служить?

Я ответил и вынул блокнот.

— Нет, нет!—заявил он мне очень мягко, но так, что я понял: спорить бесполезно.—Ничего не записывайте, пока не познакомитесь с начальником цеха. Я только заместитель, и лучше всего пойдете, я проведу вас на подстанцию, и по дороге поговорим. Мне нужно немедленно быть там,—добавил он, словно извиняясь.

Мне пришлось покориться и только глядеть и слушать, ничего не записывая.

Подстанция оказалась огромным огороженным двором и для не посвященного в тайны электротехники человека представляла собой страшную зону с многочисленными предостерегающими надписями: „близко не подходить“, „высокое напряжение“, „не прикасаться“. По длине всей территории тянулись в несколько ярусов жгуты проводов самых различных сечений. Стояли щиты с выключателями, перемежаемые пирамидами многопудовых фарфоровых изоляторов.

— Как опасно, наверное, здесь в грозу?—спросил я.

— Нет, почему же опасно?—ответил Куликов.—Здесь установлен мощный разрядник,—он указал рукой на сложное и непонятное мне сооружение из остерверхих шпиль, проводов, изоляторов и добавил:

— Этот разрядник может погасить грозовой разряд напряжением до полумиллиона вольт.

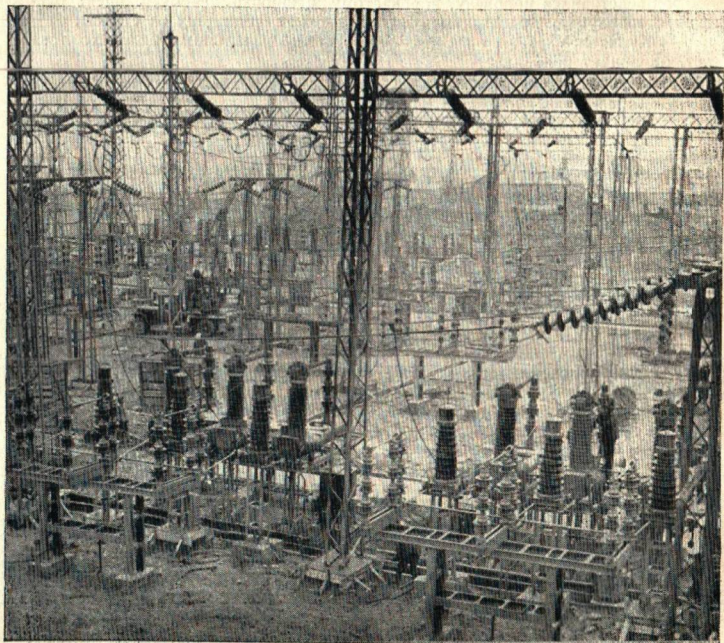
Да, все это было очень внушительно и столь же непонятно. И тут я должен сознаться перед читателями в том, что я испытал отчаяние от мысли, что никогда не смогу хоть сколько-нибудь наглядно и толково рассказать о действующей электростанции, вырабатывающей продукцию, которую нельзя ни увидеть, ни потрогать руками, ни взвесить на весах.

Ведь о каменщиках, бетонщиках, экскаваторщиках, водолазах и верхо-

лазах, о монтажниках и земснарядчиках можно все-таки толково рассказать, не будучи самому специалистом ни в одной из этих областей. Каждый из нас может пронаблюдать, как скажем, ведет автомашину шофер первого класса по головокружительной, вырубленной в скалах крымской дороге от Байдарских ворот до Симеиза. Можно самому забраться в кабину любого крана и произвести все манипуляции крановщика. Но как и о чем рассказать читателю, глядя на эти провода, по которым течет невидимый и тем не менее материальный и не подпускающий даже близко к себе электрический ток? Что можно сказать о работе сменного инженера электростанции, наблюдающего за работой турбины и генераторов, или о диспетчере, вся работа которого тоже сводится к наблюдению за показаниями непонятных таинственных приборов на станции, где все автоматизировано и все делается почти без всякого участия человеческих рук?

И в этот момент растерянности как озарение возник ответ на мучительный вопрос.

Это может и должен быть рассказ о торжестве человеческого разума,

Подстанция Горьковской ГЭС.

о большой и славной победе многотысячного коллектива строителей, о таинстве зарождения невидимой силы, о совершенстве нашей советской техники.

— Николай Иванович,—спросил я Куликова,—скажите мне, что такое электричество? Не поняв этого, я ничего не сумею рассказать.

— Так, а вы бы почитали,—сочувственно проговорил Куликов, протирая очки и, видимо, сконфузившись за меня.

Я сообщил ему о том, что прочитал из области электротехники и энергетике.

Куликов развел руками.

— Чего же вы меня морочите? Ведь я-то вам больше этого ничего не скажу, хоть я и работаю в этой области тридцать лет.

Я признался, что хотя и прочитал различные популярные брошюры и специальные работы, но нигде не нашел прямого и ясного ответа на свой простой вопрос.

— Электричество, это—как вам известно—энергия, а теоретически говоря, ну... определенное состояние материи, что ли,—проговорил Куликов, стараясь помочь мне.

— Да, это я понимаю... как и то, что в конце концов вся материя состоит из электронов и подобных им частичек, и все-таки сливочное масло не похоже на кусок мрамора, и ни то, ни другое я не воспринимаю как электричество.

Куликов озадаченно посмотрел на меня и рассмеялся...

Действительно, кажется непостижимым то обстоятельство, что все в конечном счете может быть сведено лишь к комбинациям небольшого количества элементарных частичек, составляющих атомы. Да и самые эти частички взаимопревращаемы. И они так неизмеримо малы, что кажутся нереальными. Но, однако, они реальны. Реальны и даже доступны исследованию.

Больше того, ученые нашли методы и способы, позволившие им „взвесить“ и „измерить“ мельчайшую из мельчайших, по крайней мере из открытых до настоящего времени, частичку-электрон.

Масса электрона имеет такое цифровое обозначение:

$$8,999 \cdot 10^{-28} \text{ г.}$$

Это означает, что если бы можно было каким-то образом сконцентрировать воедино один грамм электронов, то их оказалось бы сто квадранлионов, помноженных на квадранлион единиц (квадранлион равен миллиону миллиардов).

Вычислена и протяженность или размер электрона. Он имеет следующее математическое обозначение:

$$1,87 \cdot 10^{-13} \text{ см.}$$

Это означает, что электрон имеет протяженность, равную одной десятиллионной сантиметра, то есть на протяжении одного сантиметра уместится десять тысяч миллиардов частичек, называемых электронами.

Вот мириады таких частичек, обладающих электрическим зарядом, то есть энергией, получивших упорядоченное, направленное движение, и становятся электрическим током. И энергия этого движения, грубо говоря, равна механической энергии, создаваемой напором Волжского каскада, низвергающегося сейчас на лопасти всех действующих агрегатов станции.

Так в этом машинном зале передо мной предстал, хотя и невидимый, но вполне осязаемый процесс превращения одного вида энергии в другой—наглядное подтверждение великого закона сохранения энергии, ее неуничтожимости и взаимопревращаемости.

— Так вот,—перепил мои размышления Куликов,—и уточните ваш вопрос, о чем вам, собственно, хочется узнать? Об электронах ли, что уже относится к области физики и даже философии, или об электрическом токе, что относится к области техники?

— Верно, я не сумел разделить эти понятия. Конечно, мне... важно понять и определить, что такое электрический ток...

— На этот вопрос ответить проще,—облегченно вздыхает Куликов,—это уже не философия, а чистая техника.

Я обрадованно киваю головой.

— Но, однако, и этот вопрос не из легких. Электрический ток это...

Я вытаскиваю блокнот и нахожу страничку, на которую переписал одно из наиболее удовлетворивших меня определений:

— Это—термин, которым обозначают движение электрических зарядов в данном теле... (и далее)... Скорость движения электричества, вообще говоря, не велика... Например, электроны в медном проводнике движутся со скоростью около 0,5 мм в секунду*.

Но, однако...

В отличие от этой скорости... под скоростью электрического тока подразумевают скорость распространения по проводнику энергии, или, что тоже, скорость распространения вдоль проводника электромагнитной волны. Последняя скорость очень велика,—около 300 000 километров в секунду,—то есть практически равна скорости света.

— Как видите, эти понятия о двух видах движения путать никак нельзя,—разъясняет Куликов,—хотя они и связаны. Вы должны концентрировать свое внимание на вопросе об энергии, поскольку станция вырабатывает именно эту продукцию.

Так начался интересный и трудный разговор о природе электрического тока, о том, что такое электрическое и магнитное поле, о проводниках, полупроводниках и изоляторах, о свойствах электрического тока, и о том, как безукоризненно должна быть смонтирована измерительная аппаратура и регулирующие устройства на электростанциях, чтобы была обеспечена безопасность работы.

— Неужели у вас никогда не случаются неожиданности?

Куликов смотрит на меня настороженно изучающим взглядом.

— Надо сказать, что на нашем производстве всякие, как вы сказали, неожиданности особенно нежелательны: турбогенераторы—сооружения весьма delicate, они должны работать синхронно и с определенной заданной им скоростью вращения.

— Как же это достигается? Ведь уровень воды в верхнем бьефе, или, проще говоря, в водохранилище, меняется, а значит, меняется и напор этой воды?

— Вот в этом-то и заключается хитроумность устройства гидротурбин. У них имеется так называемое направляющее устройство, которое автоматически регулирует подачу воды на лопасти турбины.

— Словом, никаких отклонений и неожиданных обстоятельств, нарушающих безотказную работу агрегата, быть просто не может и не бывает?—не сдавался я.

Куликов молчит.

— Ну что ж, если не можете...

— Да нет, это, конечно, не совсем так,—говорит наконец он, видимо убедившись в безобидности моего вопроса.—Случайности, конечно, бывают, пусть редко, но бывают, ведь станция находится еще в стадии строительства.

У пульты распределительного устройства.

Я его не перебиваю.

— Ну вот, например, на днях, на одном из агрегатов обнаружилась утечка масла. Мы его заливаем, а оно утекает, мы опять заливаем, а оно опять утекает. И пока не обнаружили причину неисправности, около пятнадцати тонн дорогого масла утекло в Волгу.

— Об этой утечке я уже знаю.

— Да, я потому и сказал,—добродушно усмехается Куликов.—Ну, раз знаете об этом, могу сказать и об остановке третьего агрегата. Начало, понимаете, странно его лихорадит, пришлось остановить и снова все проверить. А вы представляете, что это такое? Ведь в нем множество магнитов. Стали проверять их, и вот в одном обнаружили слабую изоляцию. Сам начальник Дорофей Васильевич Козлов целую ночь находился в турбине, исправляя повреждение.

— Но турбина все-таки работала с неисправным магнитом?—спрашиваю я, желая получить ответ на свой вопрос.

— Работала,—спокойно отвечает Куликов,—но приборы сигнализировали нам, что она не совсем здорова.

— А если бы вы не остановили машину,—произошла бы авария?

— Нет,—спокойно отвечает Куликов.—На станции установлено такое телемеханическое устройство сигнализации и управления, посредством реле, что если диспетчер или дежурный инженер сделают нечаянно неправильное переключение, реле ответит на его действие отказом. Оно принимает только правильное „приказание“.

— И ничего этого нельзя обнаружить глазами, проследить, потрогать руками, словом, увидеть,—сокрушенно заключаю я, понимая, что мне никак не удастся увидеть невидимое.

— По существу, да,—словно извиняясь, говорит Куликов,—могу в оправдание сказать только одно, что сами агрегаты не испытывают от этого никакого неудобства.

НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Надо сказать, что идти по этому пролету станционного здания, еще окончательно не отстроенного, было страшно и трудно. И не только потому, что на месте двух (из восьми) последних еще не установленных турбин, которые будут работать на электростанции, грудилось лишь нагромождение огромных секций рабочих колес, туловища валов, остовы магнитов и тысячи других частей и деталей. Буквально на каждом шагу с боков, по сторонам гудящих уже, действующих шести турбин, кричали красноречивые надписи: „Не прикасаться!“, „Опасно для жизни“, „Агрегат включен!“, „Близко не подходить!“.

На мраморных щитах поблескивали стекла приборов, горели лампочки, дрожали стрелки амперметров и вольтметров и другой измерительной аппаратуры.

А в центре этого огромного машинного зала по его продольной оси высились цилиндрические корпуса шести огромных турбин. Вращение их можно было заметить, лишь взглянув вверх, где вращались грани конусообразных крестовин.

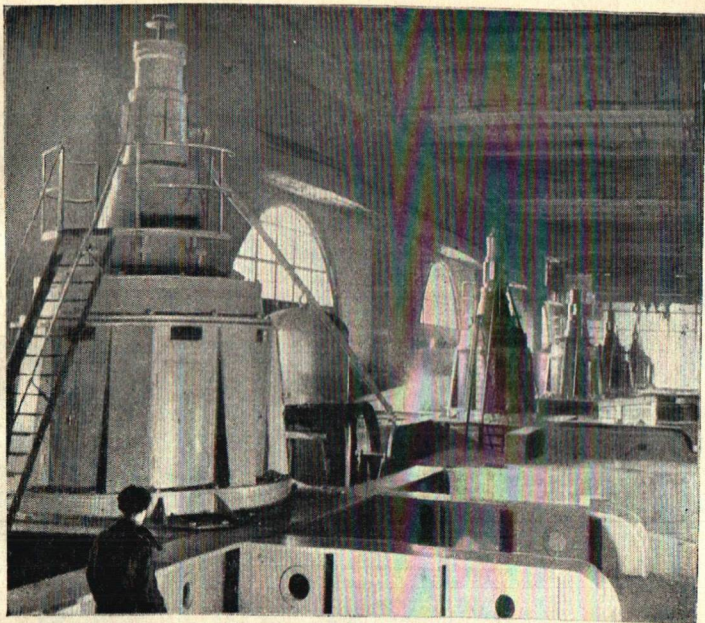
Турбогенератор—колоссальный агрегат, который превращает кинетическую энергию воды, падающей где-то глубоко, глубоко под нами на лопасти турбины, в электрическую энергию; и чудоподобной кажется согласованность и предельная точность взаимодействия всех его частей, их сопряжение друг с другом, при котором нетерпимы и миллиметровые отклонения—это при объемах, измеряемых многими метрами, при весе отдельных частей, достигающем 500 тонн.

Ведь для транспортировки одного только рабочего колеса потребовался железнодорожный состав в двадцать пять платформ...

— Мы находимся у самого основания турбины?—спрашиваю я Бориса Васильевича Тропина, начальника смены. Он широкоплеч, очень собран и выглядит моложе своих сорока лет.

— Не совсем так, в самую нижнюю камеру пройти сейчас нельзя. Для этого потребовалось бы опустить щиты верхнего и нижнего бьефов, откачать из камеры воду—словом, остановить агрегат. А вы представляете себе его габариты?—ведь от основания до верха турбогенератора около двадцати метров—это шестизэтажный дом!

Этот „дом“ гудел глухо и равномерно, не мешая разговору. Стальной,

Машинный зал ГЭС.

вертикально поставленный вал, цилиндрический стержень, поблескивая, вращался почти бесшумно. Это был главный вал турбины.

— Этот вал,— поясняет Тропин,— сопряжен с валом генератора, заставляя последний вращаться и вырабатывать ток.

Где-то внизу глухо шелестела вода.

— Какова механическая энергия падения воды?— пытаюсь понять я.

— Колоссальна, если она в состоянии вращать такие громадины. Пятьсот кубометров воды ежесекундно врывается в спиральную камеру, построенную на манер раковины улитки, ускоряет в ней свое движение и, уже направленно двигаясь, обрушивается на лопасти турбины.—Воображаете?

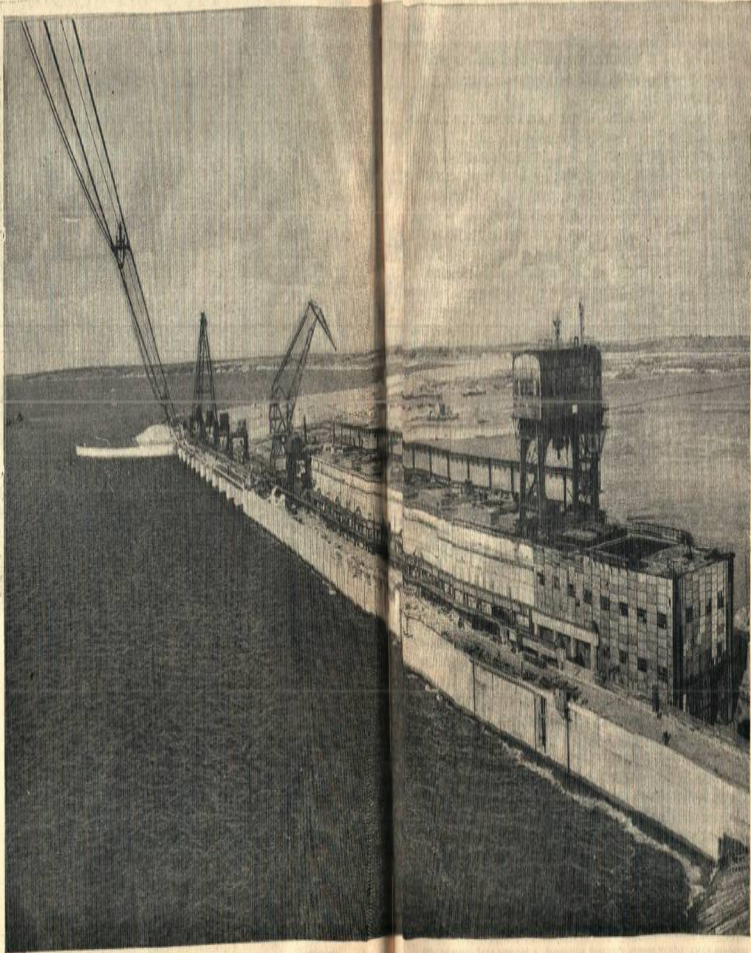
— Да, это вообразить еще можно, а вот я не в состоянии вообразить другое.

— Именно?

— Каким все-таки образом из ничего образуется ток?

— Э-э, нет!—протестующе восклицает инженер.—Это вы уже передергиваете.

— Нет, Борис Васильевич, я серьезно не понимаю, хотя и читал обо всем этом и воочию наблюдаю сейчас работу турбины.

Горьковская ГЭС.

— Ну что же,—вздыхает Тропин,—попробуем сейчас разобраться и в этом вопросе.—Закон сохранения энергии и перехода энергии из одного вида в другой вам известен?

Я киваю головой.

— Ну, так как же непонятно остальное?—добродушно говорит инженер,—ведь сила воды, падающей на лопасти турбины, реальна?

— Вполне.

— Ну, а теперь, поднимемся на этаж выше, к генератору, и там поговорим.

Но выше было еще непонятнее. Внизу хоть многое можно было безопасно пощупать, видеть рабочее колесо, его направляющее устройство, видеть даже воду, которая проникала в „сухую“ камеру и которую всегда и на всех гидростанциях приходится откачивать насосами.

Здесь же глазам представало лишь бесчисленное количество медных и иных обмоток, пластинок, контактов, стержней огромных электромагнитов, а Тропин, спокойно прикасаясь к одним и предупредительно предостерегая от других, объяснял мне механику действия турбогенератора.

И было странно даже глядеть на этого молодого еще человека, который здесь был „магом“, хозяином агрегатов, которому все было ясно и понятно до последнего винтика из тысяч и тысяч деталей этого энергетического колосса.

А он деловито и по возможности просто пытается объяснить мне механизм возникновения электрического тока и продолжает разговор о том, как при помощи так называемого возбuditеля, подвозбудителя и посредством электромагнитов, в которых уже как-бы таится потенциальная сила энергии, в генераторе образуется электрический ток, то есть поток направленно движущихся электронов, и все время прислушивается к высокому гудению, исходящему от генераторов.

— Заряды от возбuditеля,—продолжает он,—проникают в обмотку ротора (т. е. вращающуюся часть генератора), в ней создается магнитное поле, которое начинает вращаться вместе с ротором и пересекать обмотку статора (т. е. неподвижную часть генератора), где и образуется электрический ток.

Мы поднялись еще на один „этаж“ и остановились перед узкой, наглухо закрытой металлической дверью с обычной предостерегающей надписью. Отомкнув ключом дверь, Тропин ввел меня в „шахту“ работающего агрегата,—можно сказать, в самое его нутро.

Меня обдало теплом перегретого воздуха. Перед глазами на оси главного вертикального вала вращался диск огромного колеса, где-то невидимо шумела вода, охлаждающая части генератора.

Это стремительное движение гигантского колеса, это непрерывное трение о металлические щетки генератора, собирающее силу невидимых, но таких же реальных, как реальные капли воды, текущей по водопроводной трубе, электронов порождает чудесную силу—электрический ток.

— Этот поток электронов,—говорил между тем Тропин,—собирается вот на эти стержни, которые называются собирательными шинами, и поступает в распределительное устройство станции.

Мы вышли из „шахты“ и направились дальше...

Это был очень длинный и узкий светлый коридор. Пол в нем покрыт кафельными плитками. Вдоль одной из стен зала—коридора тянулась металлическая рама, огражденная сетчатой решеткой, и внутри этой рамы во всю длину коридора расположены, покоясь на кольцах фарфоровых изоляторов, три медные шины, или стержни, окрашенные в красный, желтый и зеленый

цвета. Это были проводники трехфазного тока, который они принимали на себя от генератора. Они находились более чем на полуметровом расстоянии друг от друга.

Вот по этим шинам бесшумно и невидимо катилась лавина электронов под напряжением в несколько тысяч вольт.

Лаконичная броская надпись на металлическом щитке вещала, что приближение к шинам ближе чем на 60 сантиметров смертельно для всего живого.

Было удивительно и как-то слабо верилось, что не только эти шины, внешне такие безобидные, спокойные и яркие, но и самый воздух, окружающий их, заряжен огромной энергией. Не верилось, что стоит только просунуть руку вот в это отверстие металлической сетки, и ты мгновенно превратишься в обугленный остов. И признаюсь, потребовалось даже некоторое волевое напряжение, чтоб не поддаться искушению проверки.

— Это ограждение сделано не для красоты. Ведь такое желание „пощупать“ эту невидимую силу может действительно возникнуть, особенно у людей, не наблюдавших действия электрического тока на расстоянии.

— Действительно трудно, — признаюсь я, — поверить в это.

— Дело в том, — продолжает Тропин, — что на самом деле понятия: изолятор, проводник, полупроводник — относительны. Ведь воздух — тоже не абсолютный изолятор.

— И все-таки это непостижимо, что такая энергия электрического тока и поля, которые образовались вокруг этих шин, никак не проявляет себя, — не сдаюсь я.

— А вы понаблюдайте потщательнее, — еще серьезнее проговорил инженер, — и тогда обнаружите присутствие этой энергии.

И тогда я понял, о чем говорил Тропин.

Временами по пути нашего движения раздавалось легкое сухое потрескивание.

— Что это такое, — наконец? — спросил я.

— Энергия, — лаконично ответил Борис Васильевич. — Как видите, она может „разговаривать“. Правда, этого, вообще говоря, не должно быть, ведь это потрескивание означает, что местами происходит некоторая утечка тока.

Мы пошли дальше.

— А больше вы ничего не замечаете? — спросил меня внезапно Тропин.

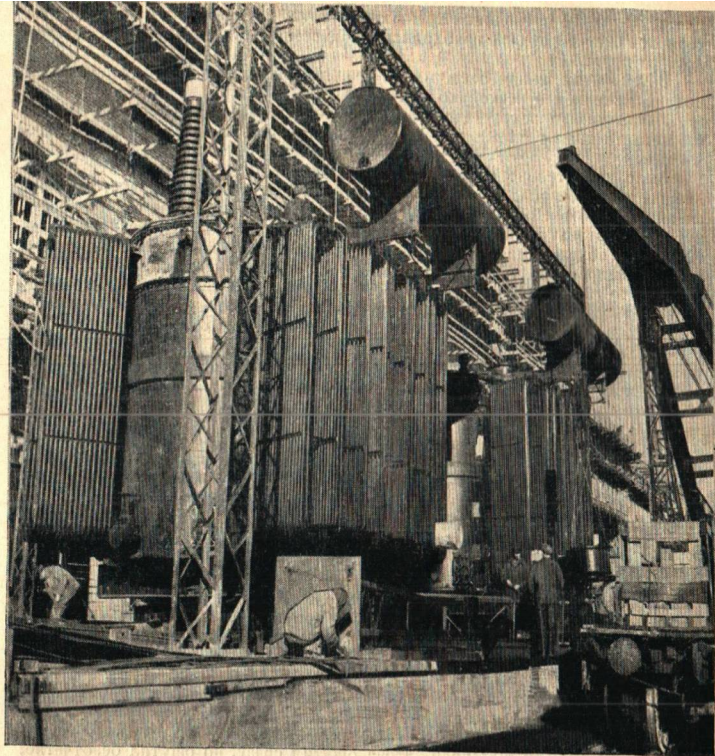
— Нет, Борис Васильевич, — ничего.

— Ведь энергия эта обладает и запахом.

Да, конечно, он был прав. Это я ощутил сразу, но ощутил безотчетно, неосознанно, как только вошел в коридор распределительного устройства станции с этими щитами, приборами, рубильниками и другой непонятной аппаратурой. Я сразу почувствовал, что здесь было удивительно легко дышать, но объяснил это тем, что здесь было безукоризненно чисто, безлюдно, отсутствовала пыль. И только сейчас, принюхиваясь к воздуху, я явственно ощутил легчайший, едва уловимый запах. (Хотя это и не то слово, скорее это было ощущение привкуса легкой гари.)

— Вот, вот, — обрадованно подтвердил Тропин. — Только это не запах гари, он напоминает...

И тогда я догадался о том, что напряженно искал, вспоминая это ощущение: воздух пахнул только что прошедшей сильной грозой, когда еще падают последние капли дождя и туча, точно срезанная гигантским ножом, ровной гранью уходит к горизонту и ты ждешь, что вот-вот из-под этой грани опять брызнет солнце, — воздух пахнул озоном. Он был ионизирован.

Монтаж трансформаторов.

Итак, энергия, непрерывно нагнетаемая генераторами в эти шины, разговаривала, обладала запахом, она могла испепелить неосторожного, она была лишь невидимой.

— А в известных обстоятельствах она становится и видимой,— проговорил инженер, увлеченный разговором на близкую ему тему,— свечение электричества или электромагнитного поля можно пронаблюдать. Возьмите северное сияние! Это ведь образование гигантского энергетического, вполне материального поля над земными полюсами!

И вновь продолжался увлекательный разговор о свойствах материи, о материальной природе энергии, об электрической природе света, сущность которого казалась непримиримо противоречивой до самого последнего вре-

мени. И о многом другом, связанном с изучением электронов, которыми при всей неизмеримой ничтожности своих размеров, оказывается, совершенно еще не исчерпывается возможность дальнейшего дробления материи и ее бесконечного превращения и изменения.

Мы вышли из здания станции. Прямо перед нами высились черные пирамиды трансформаторов. Гудение их, низкое по тону, слышалось уже издали. В этих трансформаторах напряжение тока возрастало до 220 тысяч. Под таким невероятным напряжением этот ток устремлялся по толстым жгутам проводов на распределительную подстанцию.

— Для чего нужно это увеличение?—спрашиваю я Тропина.

Оказывается, именно такое напряжение дает возможность передать его на большое расстояние без существенных утечек.

Дойдя до потребителя, до заводов и фабрик, куда этот ток поступает сейчас, он снова трансформируется в понижающих трансформаторах до нужного рабочего напряжения.

На территории подстанции, о которой я упоминал выше, стоит небольшое одноэтажное здание.

Здесь та же идеальная чистота, что и в зале распределительного устройства. Здесь те же мраморные щиты и „кабины“ с телемеханическим устройством, с бесчисленными витками проводов, сигнальными лампочками, эбонитовыми рычажками, со стрелками приборов, подрагивающими под стеклянными колпачками.

Здесь также почти безлюдно: в помещении находятся лишь диспетчер и дежурный, непрерывно наблюдающие за показаниями приборов.

— Для чего ввинчена эта лампочка перед столом дежурного,—спрашиваю я диспетчера,—и почему она не горит?

— Это очень хорошо, что она не горит,—слегка иронически улыбается диспетчер.—Она загорится только тогда, когда случится серьезная неисправность.

— И что тогда надо делать?—допытываюсь я.

— Это смотря по характеру повреждения,—скупо отвечает диспетчер,—здесь как в зеркале отражается работа всех агрегатов нашей станции.

— А если дежурный в этот момент отвернется или задремлет? Ведь, знаете, человек—живое существо, всякое случается!

— Нет, такого у нас случаться не должно,—категорически отвечает диспетчер.

— А если бы все-таки дежурный почему-либо не увидел вспыхнувшую лампочку?

— Предусмотрено и это,—отвечает диспетчер,—тогда тотчас бы раздался резкий звуковой сигнал.

— И что может и должен сделать тогда дежурный?

— При необходимости он может почти моментально остановить работу всех агрегатов.

Я гляжу на застенчиво улыбающегося мужчину, почти юношу, с едва пробивающимися усиками, сидящего за столом и невольно прислушивающегося к нашему разговору, и пытаюсь представить себе, как он останавливает вращение гигантских дисков рабочих колес шести или восьми турбин,—и не могу. Это кажется непостижимым.

— Что конкретно делает он тогда?—спрашиваю, наконец, я.

— О, очень простую манипуляцию. Он повернет вот этот ключик.

Я гляжу на мраморную доску щита управления, куда показывает мне диспетчер, и вижу в самом его центре грань эбонитового полудиска размером с двугривенный. Он выступает из отверстия, похожего на отверстие

на телефоне-„автомате“, в которое мы опускаем пятнадцатикопеечную монету.

— Да, да,—смеется диспетчер,—это—аварийное отключение.

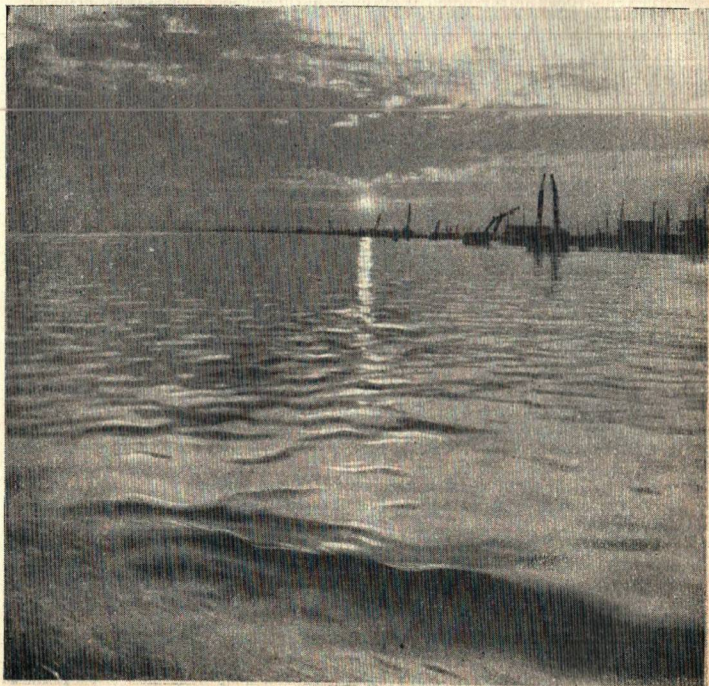
— Как же это произойдет механически?

Дежурный объясняет мне сложное и удивительное устройство реле, которое, „сработав“ путем соединения контактов, заставит опуститься огромные масляные или воздушные выключатели и разомкнет цепь. Авария будет предотвращена. И все это посредством вот такого маленького ключика.

— Бывали ли уже подобные случаи?—усмехается диспетчер на мой вопрос.—Конечно, нет. Но случаи частичных аварийных отключений бывали. Например, зимой от мороза лопнули телефонные провода и соединились с линией передачи нашей подстанции.

— Ну, и?..

— Ну и,—с чуть заметной иронией отвечает диспетчер,—реле великолепно сработало и моментально отключило цепь, идущую на Дзержинск,

Горьковское море.

НА ГРЕБНЕ ПЛОТИНЫ

Теплым июньским вечером я поднялся на гребень водосливной плотины и направился к русловой плотине, наглухо перекрывающей Волгу. Здесь явственно обозначалась многометровая разница в уровнях между верхним и нижним бьефами, то есть между морем и руслом Волги.

Солнце уже клонилось к горизонту, и под косыми его лучами море переливалось жемчужным блеском. Оно, спокойное и некольшимое, уходило далеко, далеко, и только там, у самого горизонта, угадывались его далекие берега.

Слева песчаная насыпь плотины уходила далеко к Урковской горе. Одета со стороны моря в бетонную броню, она выглядела здесь законченно строгой. Справа чернела громада шлюза. Я немного подождал—и вот створки шлюза разомкнулись, и в них показался белокрылый лебедь, большой пассажирский теплоход. Название его отсюда разобрать было невозможно. Вот он появился весь, и до меня долетел его басовитый, словно торжествующий гудок.

И в этот момент я вспомнил недавний разговор с одним из капитанов, старым речным волком, потомственным волгарем, может быть даже с капитаном этого самого теплохода.

Что скрывать, не любят капитаны процесса шлюзования, и потихоньку они грустят о навсегда утраченной возможности беспрепятственного плавания.

— Ведь идешь, бывало, по родному тебе фарватеру,—говорил он мне, видимо упиваясь утраченной романтикой плавания по нетронутой реке,—и знаешь, что нет на ее пути никаких мышеловок. А тут...

Я хорошо понимал его грусть, сочувствуя и радуясь сейчас за того неведомого, но может быть знакомого мне капитана, который тоже радуется сейчас, что вышел, наконец, из „мышеловки“ шлюза. И он растерянно осматривается по сторонам, ища знакомые и привычные берега и приметы, вернее вспоминая их и уже не находя.

Скрылись старые берега, только смутными очертаниями сереют сейчас новые берега, скрываясь и тая где-то далеко, далеко.

А волны бегут и бегут сюда с верховьев Волги, все более и более наполняя море. Все сильнее становится их напор на плотину. Все яростнее пытаются одолеть они ее несокрушимую твердь. Но стена тверда и неприступна, а неодолимая сила влечет воды Волги вперед и вперед, прижимает их к правому берегу, и всей своей силой устремляется тогда Волга в уготованные ей строителями горловины камер и со всей своей яростью низвергаются сейчас эти воды с огромной высоты на лопасти чудесных машин.

И вот в этом коробкообразном, еще не облицованном здании вся сила необузданной ярости Волги, весь ее чудовищный напор преобразуется в другую силу, столь же мощную, но уже укрощенную и упрямую в жгуты проводов, и рядом в соседнем здании застенчивый молодой человек, сидящий в этот момент за столиком, неотрывно следит за этой силой, готовый в любое мгновение одним легким поворотом рычажка остановить ее невообразимо быстрый бег или снова привести в действие.

И, эта, казалось, неукротимая сила Волги моментально покорится воле человека—ее властелина.

Содержание

<i>А. Елиссеев, А. Зарубин.</i> ОГНИ НА РЕКЕ _____	3
<i>А. Смирнов.</i> ЗРЕЛОСТЬ _____	47
<i>Н. Кочин.</i> НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ _____	63
<i>Н. Липатов.</i> ЭКСКАВАТОР НОМЕР СОРОК _____	87
<i>А. Елиссеев.</i> СЛОВО О ГИДРОМЕХАНИЗАТОРАХ _____	101
<i>И. Денисов.</i> ДЕНЬ НА ВОДОСЛИВНОЙ ПЛОТИНЕ _____	119
<i>Н. Липатов.</i> МОНТАЖНИКИ _____	133
<i>А. Патреев.</i> НА ПЯТОМ РОТОРЕ _____	147
<i>А. Зарубин.</i> НА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СТАНЦИИ _____	157

